
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 4, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 4, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Научно-Инновационный Центр

Science and Innovation Center Publishing House

2018

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 4, 2018, 304 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции и для корреспонденции: РФ, 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

Адрес издателя в РФ: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

Адрес издателя в Таджикистане: г. Душанбе, район Сино, ул. М. Шерализаде, 6

E-mail: editor@soc-journal.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 4, 2018, 304 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
Publisher (Russian Federation): 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

Publisher (Tajikistan): 6, M. Sheralizade Str., Sino district, Dushanbe, Tajikistan

E-mail: editor@soc-journal.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. РГ.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, Член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покрищук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБун Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Member of the All-Russian Public Organization “Russian Association of Linguists and Cognitive Scientists” (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal

University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkhin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-12-23

УДК 811.11

**КОНЦЕПТ FAMILY (СЕМЬЯ)
В РОМАНЕ М. ПЬЮЗО «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ»***Омарова П.М., Ахмедова З.Г.*

Цель. В статье анализируется художественный концепт FAMILY и его репрезентация в романе М. Пьюзо «Крестный отец».

Методология проведения работы. Исследование проводилось с использованием контекстуального, интерпретационного и описательного методов.

Результаты. Результаты работы показали, что в анализируемом романе концепт FAMILY объективируется по-разному. Содержание концепта шире содержания понятия «family» (семья), традиционно представленного в лексикографических источниках и в языковой картине мира. Помимо основных репрезентаций («семья – дом», «семья – кровные родственники»), концепт «семья» представлен в романе как организация (отдельное государство), члены организации (мафии), опора, бизнес, а также метафорическими репрезентациями «семья – империя, королевство», «семья – механизм».

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении художественных концептов и способов их языковой репрезентации.

Ключевые слова: концепт; картина мира; лексема; семья; репрезентация.

CONCEPT FAMILY IN M. PUZO'S THE GODFATHER*Omarova P.M., Akhmedova Z.G.*

Purpose. The article presents the analysis of the concept FAMILY in M. Puzo's *The Godfather*, revealing its representations.

Methodology. *The research was held by using the contextual, interpretative and descriptive methods.*

Results. *The results of the research show that concept FAMILY has various representations in the novel. Apart from the basic cultural meanings (home, relations, marriage, life, happiness, space, time) the concept FAMILY is presented in the novel as an organization, sovereign state, members of the organization (mafia), support, business. Also, the concept is presented metaphorically as family empire, royal family, family machine.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the research of literary concepts and means of their representation.*

Keywords: *concept; worldview; lexeme; family; representation.*

В последние годы в лингвистике в связи с развитием когнитивного и лингвокультурологического направлений изменился взгляд на решение проблемы интерпретации художественного текста, выявление культурно-значимых и национально-специфических компонентов. Язык стал рассматриваться в неразрывной связи с культурой, обществом и мышлением.

В каждом языке окружающая действительность концептуализируется определенным образом и формирует систему взглядов, которая свойственна носителям данного языка и характеризуется универсальными и национально-специфическими особенностями.

Анализ ключевых концептов произведения является одним из способов изучения художественной картины мира писателя, которая создается с помощью языковых средств и индивидуальным использованием данных образных средств [6, с. 42]. Концепты, которые определяются большинством исследователей как ментальные образования, репрезентируемые с помощью языка, «отражают в художественном тексте индивидуально-авторское осмысление ментальных сущностей, характеризуются оригинальными способами вербализации на основе индивидуальной системы оценок и ассоциаций» [11, с. 64]. О том, что концепты объемнее, чем слова, говорит М.М. Морараш. Она также указывает, что изучение

художественного произведения представляется более сложной задачей, нежели изучение естественного языка, поскольку текст отражает действительность, созданную творческим воображением автора [5, с. 60].

В данной статье анализируются репрезентации концепта FAMILY в романе М. Пьюзо «Крестный отец».

Семья как важный институт социального самоопределения, символизирующий интеграции людей в человеческое сообщество, всегда привлекала внимание социологов и психологов [10]. Семья, в числе других базовых ценностей, интересует лингвистов и литературоведов, изучающих художественную картину мира как часть определенной языковой картины мира. В этой связи семья анализируется в виде концепта, являющегося одним из основополагающих понятий культуры, национального менталитета.

Анализ существующих методик концептуального анализа позволил лингвистам прийти к выводу о том, что при моделировании художественных концептов, в зависимости от задач и предмета исследования, целесообразно применение комплексного подхода, включающего семантико-когнитивный, контекстуальный, когнитивно-дискурсивный, интерпретационный и другие методы и приемы. При этом, как указывает Н.В. Красовская, исчерпывающее описание художественного концепта, по мнению научного большинства, невозможно «ввиду его принадлежности к сфере сознания и, как следствие, его динамичности, бесформенности и нечеткости» [4, с. 25]. Художественный концепт анализируется в ряде работ последних лет [1; 4; 9; 11; 12], в которых авторы обращают внимание на методы и приемы его исследования, его репрезентацию в тексте.

«В языковых единицах, репрезентирующих концепт «Семья», сконцентрированы «важнейшие понятия материальной и духовной культуры» [9, с. 219]. Будучи заложенными в человека с ранних лет, понятия о семейных и культурных ценностях вербализуются в языке с помощью соответствующей лексики, ядром которой, в английском языке является лексема *family*.

Рассмотрим, какие смыслы несет лексема *family* в лексико-графических источниках. Электронный ресурс Oxford Learner's Dictionaries приводит следующие значения *family*:

1) a group consisting of one or two parents and their children; 2) a group consisting of one or two parents, their children and close relations; 3) all the people who are related to each other, including those who are now dead; 4) a couple's or a person's children, especially young children; 5) a group of related animals and plants; a group of related things, especially languages [14].

Поскольку концепт – более широкая категория, он семантически глубже понятия и имеет специфический характер. Концепт FAMILY представлен в романе шире понятия «family», т.к. включает дополнительные смыслы, ассоциации, метафорические репрезентации.

В романе рассказывается о жизни семьи дона Корлеоне – лидера одного из могущественных мафиозных кланов Америки. Отличием данного произведения от других гангстерских романов, по мнению писателя П. Вайля, в том, что в его основе лежит «добротная основательность семейной эпопеи», что сближает «Крестного отца» с другими семейными сагами, как, например, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси [2]. Действительно, внутри клана существуют теплые отношения, причем не только между кровными родственниками, хранятся традиции и ритуалы. Семья Корлеоне с готовностью принимает всех, кто обращается за помощью, когда же возникают проблемы, члены семьи сплываются в интересах общего дела.

По результатам исследования концепта FAMILY/СЕМЬЯ в русском и английском языках Е.А. Кострубина приводит структуру вертикального родства и горизонтального родства данного концепта, представленную двумя группами: 1) family – clan – tribe – nation; 2) кровное родство по прямой линии, кровное родство не по прямой линии, родство по браку, а также неродственные отношения, которые при этом попадают в разряд семейных [3, с. 10]. В анализируемом романе представлена горизонтальная структура концепта FAMILY.

Семья выступает в романе главной ценностью. Это подтверждается тем, что лексема *family/families* встречается в романе 535 раз

(419 и 116 соответственно). Необходимо указать, что данная лексема употребляется и как собственное, и как нарицательное существительное.

Анализ содержания концепта FAMILY показал, что основным элементом его структуры в авторском представлении выступает положительный образ семьи как дома, **семьи как единого целостного организма**. Приведенные ниже примеры подтверждают, что честь семьи занимает важное место в жизни итальянца, сицилийца:

*“Nazorine asked fiercely, “Have you **dishonored my family?**” [15, с. 5].*

*“America has made my fortune. I gave my daughter her freedom and yet taught her never to **dishonor her family.**” [15, с. 19].*

Даже рассуждая о дружбе, одной из непреложных ценностей любой культуры, дон Корлеоне ставит ее ниже семьи:

*“...the Don went on. “**Friendship** is everything. Friendship is more than talent. It is more than government. It is **almost the equal of family.** Never forget that. If you had built up **a wall of friendships** you wouldn't have to ask me to help.” [15, с. 27].*

Семья в романе представлена как некий закрытый круг, община, в которую не всякий может быть вхож (даже зять). Когда Том Хейген спрашивает, будет ли новоиспеченному зятю доверено какое-нибудь семейное дело, ответ Корлеоне категоричен:

*“... Your new son-in-law. Do we give him something **important, inside the Family?**” He was surprised at the vehemence of the Don's answer. “**Never.**” The Don hit the desk with the flat of his hand. “**Never.**” [15, с. 30].*

В романе строго разграничивается семья личная от семьи – организации. Это видно в переводах романа, в которых дается несколько вариантов перевода лексемы *family*: *семья* (когда речь идет о членах семьи – детях, жене, муже), *семейство*, *дом*, *клан*, *организация*, *синдикат*. В самом романе эта разница обозначена графически, с помощью капитализации: *family* – *семья*, *Family* – *дом*, *семейство*, *клан*. В случае, когда описываются члены семьи, лексема *family* используется как нарицательное существительное:

*“The second incident had more far-reaching repercussions. In 1939, Don Corleone had decided to **move his family out of the city.**” [15, с. 191].*

В данных примерах речь идет о кровных родственниках дона Корлеоне – жене, детях, внуках – о которых он беспокоится и решается вывезти за пределы города ради их безопасности.

*“Don Corleone was the first to speak and he spoke as if nothing had happened. As if he had not been grievously wounded and his eldest son slain, his empire in a shambles, his **personal family scattered**,”* [15, с. 241].

В приведенном примере под сочетанием **personal family** подразумеваются дети Дона Корлеоне.

Семья в более широком смысле, как организация, в романе обозначена как имя собственное *Family*, которое входит в структуру таких словосочетаний, как *licensed by the Family* / *получивший лицензию у семьи*, *Family rules...* / *правила, установленные в семействе*, *old rights in the Family* / *закрепленные в организации права*, коррелирующих с понятиями организации, государства, некой властной структуры:

*“The call was from the bookmaker **licensed by the Family** to operate in the district of the Don’s office.”* [15, с. 68].

*“Clemenza had not been unaware that Paulie Gatto ‘supplemented his income with free-lance stickups, strictly against the **Family rules**...’* [15, с. 83].

*“Sonny said reluctantly, “Yeah, I thought of that and the only thing I can figure is Luca. The word is already out that he’s to be brought here before he’s allowed any of his **old rights in the Family**.”* [15, с. 97].

В описываемом значении *Family* обозначает не только членов семьи, но и всех приближенных – консьюльери, телохранители, и др. Здесь, используя терминологию Е.А. Кострубиной, можно говорить о семье со *сложной* структурой, в отличие от *нуклеарной* семьи, в которую входят только ближайшие кровные родственники – муж, жена, дети [3, с. 10]:

*“In an hour the house would be swarming with **Family people** and he would have to tell them all what to do, and now that he finally had time to think he realized how serious the situation was.”* [15, с. 72].

*“Clemenza was a caporegime in **the Corleone Family structure**.”* [15, с. 76].

Хотя в романе достаточно часто встречается лексема *mafia*, при обозначении семьи Корлеоне, именно лексема *Family* предстает в романе как синоним к слову *mafia*:

*“The most interesting thing Michael Corleone learned, in going back over past **transactions of the Corleone Family**, was that the **Family** had received some **protection income** shortly after the war from a group of music record counterfeiters.”* [15, с. 331].

*“Then, too, ever since Don Corleone had made the peace with **the Five Families**, the strength of **the Corleone Family** had declined. **The Barzini Family** was now indisputably the most powerful one in the New York area;”* [15, с. 337].

Также в романе достаточно часто встречаются сочетания *family business*, *family empire*, которые показывают, что концепт СЕМЬЯ неотделим от семейного дела:

*“Despite all these virtues he did not have that personal magnetism, that animal force, so necessary for a leader of men, and he too was not expected to inherit **the family business**.”* [15, с. 7].

*“**The family empire**, technically, did not extend beyond the New York area but Don Corleone had first become strong by helping labor leaders. Many of them still owed him debts of friendship.”* [15, с. 42].

Семейство Корлеоне приходится все время воевать с другими семьями, чтобы защитить семейный бизнес, удержать свое место в иерархии мафии. Пять семей Нью-Йорка представлены как пять государств, обладающие властью, способные вести войну:

*“There were reasons for this. With the Don still too weak to take a part, a great deal of the **Family’s political strength** was neutralized.”* [15, с. 213].

*“For the last year **the Corleone Family** had waged war against the **five great Mafia Families** of New York and the carnage had filled the newspapers.”* [15, с. 217].

*“The Don was recovering and would soon be able to resume command. At that time **the tide of battle must swing to the Corleone Family**. This Sonny was sure of.”* [15, с. 220].

В романе также проходит идея о том, что в трудную минуту довериться можно только семье. Семья никогда не подведет, не отвер-

нется, а от общества не дожидаться справедливости, семейный клан вернее и надежней, чем общество.

“The clan did not ask help from any of the Families or Don Corleone because Felix had refused to ask their help and had to be taught a lesson: that mercy comes only from the Family, that the Family is more loyal and more to be trusted than society.” [15, с. 254].

Концепт FAMILY получает также метафорическое представление. Так, например, семья в романе концептуализируется как *королевство*, *империя* (*family empire, royal family*), а также как *механизм* (*the Family machine*). Механистическая метафора, как вид универсальной метафоры, занимает ключевое место в современной лингвистике, поскольку служит средством образного представления политической действительности. Метафора *«the Family machine / семейная машина»* (в переводе М. Кан «наша организация») коррелирует с метафорой *«государство – это механизм»*:

“Sonny tilted back in his chair. “It wouldn’t be me, they have to do business with me, they need the Family machine.” [15, с. 98].

Таким образом, анализ концепта FAMILY в романе М. Пьюзо «Крестный отец» выявил более широкое содержание, отличное от содержания понятия, традиционно представленного в лексикографических источниках. Помимо основных репрезентаций, таких как «семья – дом», «семья – кровные родственники» – в романе выделяются и такие, как «семья – организация (мафия)», «семья – семейное дело», «семья – опора». Данный концепт эксплицируется также индивидуально-авторскими, характерными для М. Пьюзо метафорическими репрезентациями: семья – империя, королевство; семья – механизм.

Список литературы

1. Васильева Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 51–54.
2. Вайль П. Семейное дело (Флоренция – Макиавелли, Палермо – Пьюзо) // Иностранная литература. 1997. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/6/vail.html> (Дата обращения: 23.09.2017).

3. Кострубина Е.А. Гиперконцепт СЕМЬЯ/ДОМ – FAMILY/НОМЕ в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2001. 20 с.
4. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. Выпуск № 4. Том 9. 2009. С. 21–25.
5. Морараш М.М. Системная организация «водной стихии» в романе В. Набокова «Машенька»: к проблеме когнитивного контекста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 60–67.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. // Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 60 с.
7. Пьюзо М. Крестный отец. URL: http://royallib.com/book/pyuzo_mario/krestniy_otets_perevod_mkan.html (дата обращения 23.09.2017)
8. Пьюзо М. Крестный отец. URL: <http://knijky.ru/books/krestnyu-otec> (дата обращения 23.09.2017).
9. Пьянкова Т.В. Лексическое представление художественного концепта «семья» в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Филология. СПб., 2009. № 117. С. 218–224.
10. Русанова А.А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №4(12), 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-i-institut-sotsialnogo-samoopredeleniya-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 11.09.2017).
11. Сергеева Е.В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. № 1–2. С. 63–69.
12. Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2). С. 742–745.
13. Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология, август 2016, том 16, № 3. С. 542–558.

14. Oxford Learner's Dictionaries URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed on 13.10.2017).
15. Puzo M. The Godfather. URL: www.hzwsrpx.com/hzcmw/download_1303268008321-24.rar_.html (accessed on 23.09.2017).

References

1. Vasilyeva T.I. Literaturovedcheskiy podkhod k izucheniyu khudozhestvennogo kontsepta [Literary approach to the study of the concept]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012. N 7 (18): Vol. I, pp. 51–54.
2. Vail P. Semeynoye delo (Florentsiya – Makiavelli, Palermo – Pyuzo) [Family business (Florence – Machiavelli, Palermo – Puzo)]. *Foreign literature*. 1997. No 6. <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/6/vail.html> (accessed on: 23.09.2017).
3. Kostrubina Ye.A. *Giperconcept SEMYA/DOM – FAMILY/HOME v russkoi i angliyskoi lingvokulturakh* [Hyper-concept SEMYA/DOM – FAMILY/HOME in Russian and English linguistic cultures]. M., 2001. 20 p.
4. Krasovskaya N.V. Khudozhestvenniy kontsept: metody i priyomy issledovaniya [Literary concept: research methods and techniques]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. N 4. Vol. 9. 2009, pp. 21–25.
5. Morarash M.M. Sistemnaya organizatsiya «vodnoj stihii» v romane V. Nabokova «Mashen'ka»: k probleme kognitivnogo konteksta [System organization of the “water element” in *Mary*, the novel by V. Nabokov: in relation to the issue of cognitive context]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016, 4, pp. 60–67.
6. Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i natsionalnoye soznaniye [Language and national consciousness]. *Voprosy teorii i metodologii*. Voronezh: Izd-vo VGU, 2003. 60 p.
7. Puzo M. *Krestnii otets* [The Godfather] (in Russian). http://royallib.com/book/pyuzo_mario/krestniy_otets_perevod_mkan.html (accessed on 23.09.2017).
8. Puzo M. *Krestnii otets* [The Godfather]. <http://knijky.ru/books/krestniy-otec> (accessed on 23.09.2017).

9. Pyankova T.V. Leksicheskoe predstavlenie hudozhestvennogo kontsepta semya v povesti L. Ulitskoy “Sonechka” [Lexical representation of the concept ‘family’ in ‘Sonechka’ by L. Ulitskaya]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Filologiya*. SPb., 2009. No 117, pp. 218–224.
10. Rusanova A.A. Semya kak tsennost i institut sotsialnogo samoopredeleniya studencheskoy molodezhi [Family as a value and institution of social identification of students/youth]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, №4(12), 2012. <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-i-institut-sotsialnogo-samoopredeleniya-studencheskoy-molodezhi> (accessed on: 11.09.2017).
11. Sergeeva Ye.V. Kontsept – universalija i hudozhestvennyj kontsept: problema klassifikatsii [Concept universal and literary concept: classification issue]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. Novosibirsk, 2006. No 1–2, pp. 63–69.
12. Tarasova I.A. Khudozhestvennyj kontsept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya [Literary concept: a dialogue between linguistics and literature study]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2010, No 4 (2), pp. 742–745.
13. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. ‘Status’ instituta semyi v sovremennom obshchestve i semeyno-brachniye tsennosti molodezhi [Family institution in modern society and youth family values]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija*, 2016, Vol. 16, No 3, pp. 542–558.
14. Oxford Learner’s Dictionaries. <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed on 13.10.2017).
15. Puzo M. The Godfather. www.hzwsrpx.com/hzcme/download_1303268008321-24.rar_.html (accessed on 23.09.2017).

ДАнные об авторах

Омарова Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
ул. Батырая, 4, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008,
Российская Федерация
opt30@mail.ru

Ахмедова Зухра Гаруновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
ул. Батырая, 4, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008,
Российская Федерация
opt30@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Omarova Patimat Magomedovna, Associate Professor of the English Philology Chair, Ph.D. in Philological Science
Dagestan State University
4, Batyraya Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008,
Russian Federation
opt30@mail.ru

Akhmedova Zukhra Garunovna, Associate Professor of the English Philology Chair, Ph.D. in Philological Science
Dagestan State University
4, Batyraya Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008,
Russian Federation
opt30@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-24-37

УДК 81

**ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТЕ:
НЕРЕФЛЕКСИВНАЯ И РЕФЛЕКСИВНАЯ ИРОНИЧЕСКАЯ
ОЦЕНОЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Т. АВЕРЧЕНКО**

Кучерявых Ю.Н.

Цель: Статья посвящена исследованию особенностей формирования и функционирования иронии в узком смысле как приема, основанного на собственно языковых средствах. Важность значения данного явления определяется созданным ироническим смыслом, учитывающим экстралингвистические компоненты, особенности языковой личности, подтекст и т.д. Поскольку в основе иронии находится контекст, подтекст и двуплановость содержания, понимание которых возможно при учете собственно лингвистического и экстралингвистического компонентов, то уместно различать нерелексивную и релексивную ироническую оценочность. Разнообразие приемов создания иронической оценки в художественных текстах писателя позволяет утверждать, что ирония зависит от языковой личности писателя, его речевых склонностей к языковой игре, отражающихся, в том числе, в отношении собственно лингвистических и несобственно лингвистических средств репрезентации оценочности в художественном тексте.

Метод или методология проведения работы. Методологическими основаниями являются: постулат о деятельностном характере языка, постулат об антропоцентричности языка, а также системный подход, основанный на принципе рассмотрения текста как целостности в единстве всех его взаимосвязей. С целью комплексного исследования прозы Аркадия Аверченко применяются лингвокогнитивный, лингвокультурологический, лингвопрагма-

тический подходы; методы частотного и контекстуального анализа, интерпретативный метод и метод семантического анализа.

Результаты. *Представленные в художественной прозе А.Т. Аверченко приемы, способы и средства создания языковой игры, комического эффекта, иронической оценочности на различных уровнях языковой и внеязыковой систем, по мнению автора, являются элементами художественной действительности, создающими окказиональные связи, сочетание и взаимодействие которых в художественном контексте формирует новые необычные значения, толкования и оценки.*

Область применения результатов. *Материалы статьи могут быть использованы при чтении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам идиостиля писателя, анализу художественного текста, интерпретации скрытых смыслов. При подготовке лекционных и практических занятий по языкознанию, речевой коммуникации, стилистике, русской литературе, лингвокультурологии, а также при написании выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций.*

Ключевые слова: *ирония; языковая игра; рефлексивная и нерелексивная оценочность; подтекст; комический эффект; семантика; речевая маска; диалог; экстралингвистические факторы; парадокс; абсурд; каламбур; языковая личность.*

IRONY AS A MEANS OF CREATING A COMICAL EFFECT IN THE TEXT: A NON-REFLEXIVE AND REFLEXIVE IRONIC EVALUATIVITY IN THE PROSE BY AVERCHENKO

Kucheryavykh Yu.N.

Purpose: *This article studies the formation and functioning of irony in the narrow sense as a method based on linguistic means. The significance of this phenomenon is determined by the created ironic meaning, taking into the extra-linguistic components, features of the linguistic per-*

sonality, subtext, etc. Since irony is based on such phenomena as context, subtext and content two-dimensional nature, which can be viewed by considering linguistic and extralinguistic components, it is appropriate to distinguish between non-reflective and reflexive ironic evaluation. The variety of methods for creating the ironical assessment in the writer's literary texts allows us to assert that irony depends on the linguistic personality of the writer, his verbal inclinations to the language game, reflected in the linguistic and extra linguistic means of representing evaluation in the author's prose.

Method or methodology of the work. *Methodological framework of this research paper, inter alia, includes the postulate of the acting character of the language, the postulate of the anthropocentricity of the language, as well as the systematic approach based on the principle of treating the text as an integrity of all its interrelations. For a comprehensive study of the prose by Arkady Averchenko, linguo-cognitive, linguo-cultural and linguo-pragmatic approaches are used, as well as methods of frequency and contextual analysis, the interpretative method and the method of semantic analysis.*

Results. *Methods and means presented in the fictional prose by Arkady Averchenko for creating a language game, comic effects, ironical evaluativity at various levels of the linguistic and extra linguistic systems are elements of literary reality creating occasional links, which form new unusual meanings, interpretations and estimates. by combination and interaction.*

Scope of application of the results. *The materials of this article can be used at giving special courses and special seminars on the writers' idiostyle, the analysis of the literary texts, the interpretation of hidden meanings; in preparing lecture and practical classes on linguistics, speech communication, stylistics, Russian literature, linguoculturology, as well as writing graduate qualification papers, master's theses.*

Keywords: *irony; language game; reflexive and non-reflexive evaluativity; subtext; antithesis; comical effect; syntax; semantics; speech mask; dialogue; extralinguistic factors; paradox; absurdity; language personality.*

Причинность возникновения комического и смехового осмысливалась еще в античной культуре, литературе, средневековой философии и эстетике.

Аристотель и Цицерон утверждали, что допущенная ошибка, безобразие и балагурство – причина возникновения смеха [4, с. 146]. Рассматривая комедию как жанр, Аристотель писал: «Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [5, с. 32]. Поэтому антитеза между «ошибочным» первым впечатлением и «уродством», оказываемым «безвредным» при «втором» рассмотрении, порождает произвольную смеховую реакцию.

Проявление и описание эмоций человека обусловлено особенностями восприятия им действительности, воплощенного в художественном тексте, феномен которого, по мнению Л.А. Исаевой, – «это скрытая, подтекстная информация, не выраженная в регулярных значениях языковых составляющих, приводящая к многозначности художественного текста. Эстетический текст отличается от текстов другого типа своей полисемантичностью, являющейся результатом взаимодействия многих кодов (языков)» [10, с. 155]. Поэтому художественное произведение позволяет автору наиболее ярко выразить свое отношение к действительности и организовать высказывание с ориентацией на адресата, что обуславливается содержанием произведения.

Как известно, многозначность пронизывает все уровни языка художественной литературы, что, по утверждению Л.А. Исаевой, является «принципиально важным для характера выражаемых скрытых смыслов оказывается не структурная сложность-простота единицы, но характер совмещаемых в ней отношений» [там же, с. 155]. Следовательно, комическое и языковые средства его выражения заслуживают особого исследовательского внимания особенно в юмористических произведениях, где всегда присутствует двуплановость и подтекст содержания.

Ирония как способ авторского мировоззрения предполагает «выход на более высокий уровень анализа текста, позволяющий рас-

смагивать ее как текстовую категорию, индуцирующую в тексте имплицитные смыслы, которые связаны со способностью личности оценивать явления действительности» [14, с. 27]. Поэтому явление иронии в языкознании традиционно базируется на исследовании ее как тропа или стилистической фигуры.

Ю.М. Скребнев рассматривает иронию как перенос смыслов языковых единиц, «закрывающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики» [18, с. 159]. Поэтому в лингвистике ирония понимается как антифразис, полученный из-за нарушения формально-логического постулата истинности – ложности: «истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония» [12, с. 316]. Собственно антифразис, по мнению исследователей (Вишневская [6]; Дементьев [8]; Каменская [11] и др.), не ограничивается только противопоставлением элементов друг другу.

Следовательно, ирония «всегда является средством реализации субъективно-оценочной модальности, представляет собой художественную форму авторской оценочной позиции» [14, с. 25], из которой возможна «экспликация имплицитными средствами особого мировоззрения и выражение критического отношения автора к тому или иному предмету или явлению» [17, с. 7]. Также, по мнению исследователя, в художественном тексте «специфика иронии довольно редко является предметом научного интереса, хотя актуальность такого направления исследовательских усилий, особенно анализ когнитивной природы иронии и её языковых аспектов, не вызывает сомнения» [там же, с. 4]. Поэтому эстетические установки, речевые склонности и намерения автора или персонажа произведения становятся компонентами идиостиля, проявляющимися в выборе субъекта и объекта оценки, высмеивания и т.д.

Современное изучение иронии как явления языковой и внеязыковой действительности имеет несколько направлений. От анализа элементарной, «бытовой», иронии до собственно лингвистического

ее исследования, в частности, как элемента языковой игры, особенностью которого является то, что «лишь один из участников этой «игры» играет по собственному желанию, а другой (или другие) являются лишь его объектом. О том, что с ними «играют», они узнают *post factum*. А могут и не узнать, если ирония остается у субъекта во внутренней речи» [9, с. 30].

Оценочность, как нам представляется, – основная цель использования иронических средств и способов, среди которых исследователями (Т.А. Гридиной [7], М.А. Пчелинцевой [15], Ю.М. Скребневым [18], О.П. Ермаковой [9] и др.) различаются рефлексивные и нерефлексивные (функционирующие на семантическом уровне языка [16]) способы создания оценки.

Учитывая названную классификацию, полагаем, что одним из видов иронической оценки в произведениях А.Т. Аверченко может быть «нерефлексивная ироническая оценочность». Ее особенностью, по нашему мнению, является функционирование на синтаксическом и семантическом уровнях языка без включения энциклопедизма коммуникантов.

Противоположной представленному выше типу, следовательно, можем считать «рефлексивную ироническую оценочность», невозможную без учета фонда фоновых знаний адресанта и адресата сообщения. А алогичность и абсурдность при столкновении высмеиваемых явлений обеспечивает разнообразие форм, средств и приемов иронии, намерений, дополнительных скрытых смыслов, эксплицируемых получателем сообщения.

Реализацию представленных теоретических установок и положений рассмотрим на примерах из произведений А.Т. Аверченко.

Нерефлексивная ироническая оценочность и приемы ее создания представлены в следующих фрагментах из текстов Аркадия Аверченко:

«– Да, – хвастливо подмигнул распутный Клинков. – Мои поцелуи не для этого случая. Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желание его было исполнено не только Марусей, но и двумя бездельниками, снувшими ему под нос свои руки» [2, с. 192].

По нашему мнению, в анализируемом фрагменте ирония контекстуально обусловлена и является средством последовательного раскрытия взаимоотношений персонажей: от этикетно-вежливых при обращении к даме, до сниженно-ироничных, адресованных друг другу. Поэтому для понимания оценочного противопоставления анализируемых лексических единиц важным становится речевое и контекстное окружение: лексема «ручка» имеет положительную коннотацию («*позвольте хоть ручку*», обращаясь к даме). Существительное «рука», наоборот, приобретает сниженный оттенок значения, что подчеркивается окружением слова, а именно: «... *желание было исполнено (...) двумя бездельниками, сунувшими ему под нос свои руки...*» [там же].

Данный фрагмент, полагаем, построен на противопоставлении лексических единиц и смене иронических масок (здесь и далее по классификации иронических масок, представленной в работах М.А. Пчелинцевой [16]): от восторженного человека, воплощенного в речи говорящего, до самоуверенного персонажа, представленного в авторской ремарке, описывающей дальнейшее поведение героев.

Ироническая (нерефлексивная) оценочность может формироваться и существовать внутри диалога как прием языковой игры: «подхват» остроумно-шутливой реплики-посылки не менее комичной репликой-ответом. А также реализоваться с помощью приема иронической маски наивного и доверчивого человека. В таком случае адресатом иронии выступает как играющий персонаж, так и тот, с кем играют, вне зависимости от воли и желания последнего:

«– *Хочешь, я тебя сейчас водой оболью?*

– *Если ты этим докажешь высокое состояние твоих умственных способностей – обливай.*

– *Просто оболью. Чтоб ты не приставал.*

– *Не надо. Я предпочитаю сухое обращение.*

– *Недурно сказано. Запишу. Может быть, в редакции «Скворца» за это нам заплатят рублишку» [2, с. 294].*

Реплика-посылка «*Хочешь, я тебя сейчас водой оболью?*» становится риторическим вопросом-стимулом для дальнейшего раз-

вертывания игрового плана содержания реплик-ответов: «*если ты этим докажешь высокое состояние твоих умственных способностей – обливай*» и «*я предпочитаю сухое обращение*», основывающихся на ассоциативном влиянии компонентов общеупотребительных фраз: «вежливое обращение с кем-либо» и «интеллектуальное развитие личности». В анализируемом фрагменте обнаруживаем причинно-следственные связи между желанием коммуниканта «сухого обращения» (= вежливого), а также буквально «не мокрого, не замоченного, лишённого влажности» [19, с. 1024] и предложением собеседника все же «облить водой» друга. В результате углубляется речевая характеристика персонажей и создается языковая игра в диалоге, а для реализации иронического эффекта используются семантико-синтаксические особенности его построения.

Следовательно, языковая игра, основанная на приемах создания нерелексивной иронической оценочности и, прежде всего, смешного в тексте строится на противоречии между означаемым или означающим. Это проявляется в употреблении лексем не в прямом, а переносном значении, речевых масках и приемах их создания, коннотациях значений.

Речевое поведение персонажа может быть охарактеризовано как языковой знак, который, сохраняя свою фактическую смысловую нагрузку, может стать носителем скрытой дополнительной (основанной на взаимодействии текстовых и внетекстовых структур) информации. Поэтому релексивная ироническая оценочность, учитывающая экстралингвистические факторы, и приемы ее создания представлены следующими фрагментами из произведений А.Т. Аверченко.

Рассмотрим отрывок из романа «Шутка Мецената»:

«Вошла Анна Матвеевна, расцеловалась с Принцессой и вступила в обычную для них обеих беседу:

– Где дети?

– Не знаю, нянечка. Бог не посылает.

– «Бог не посылает».

– Лень все твою проклятая. И в кого ты такая уродилась?!

– В кого? В Венеру Милосскую, – подсказал Мотылек.

– В Кузю, – поправил Новакович. – Впрочем, это одно и то же: если Кузе оборвать руки – получится форменная Венера Милосская для бедных» [3, с. 67].

Полагаем, что в исследуемом примере Принцессой применяется ироническая маска наивного и доверчивого человека, а функцию культурно-обусловленной детали, создающей парадокс в диалоге, выполняет сравнение с Венерой Милосской.

Ассоциации с красотой, идеальностью, отчасти величием и ленью Принцессы иронично оцениваются и персонажами, и автором, а также сопоставляются с Венерой Милосской. Парадокс, а также эффект абсурдности, по нашему мнению, наблюдается в ответе персонажа Новаковича о том, что «если Кузе оборвать руки – получится форменная Венера Милосская для бедных». Устойчивое выражение «оборвать уши», означающее «наказать кого-либо» [13, с. 114], заменяется собственно авторским аппликативным компонентом – «руки», дополняющим издевку в реплике. При этом образ Венеры как воплощения красоты, одухотворенности и великой силы искусства приобретает противоположное, сниженное оценочное значение.

Рассмотрим следующий фрагмент рассказа Яблоньки, героини романа «Шутка Мецената», о том, что в ее дом однажды незнакомец подбросил икону с образом Николая Чудотворца:

«...Конечно, это мне ничего не объяснило, так, как и сама могла занести на подошвах эти песчинки – пришлось предать чудотворный случай с Николаем Чудотворцем забвению» [1, с. 247].

Как известно, Николай Чудотворец, святой архиепископ Мир Ликийских (Византия), в христианстве почитается как чудотворец, считается покровителем моряков, купцов и детей.

В данном контексте каламбурно обыгрывается появление украденной иконы с ликом Николая Чудотворца в доме: «чудотворный случай», то есть «творящий удивительные вещи» [19, с. 1192], произошедший с иконой Николая Чудотворца. Полагаем, что традиционная религиозная символика, ассоциирующаяся у верующих с чудом, имеющая значение помощи, чистоты у писателя распадается, а само событие приобретает ироническую коннотацию. Символические

образы наполняются противоположным индивидуально-авторским значением, в том числе раскрывая внутреннее духовное несовершенство героя, подарившего икону Яблоньке.

Таким образом, аллюзии к культуре, вступая в различные отношения с элементами действительности, создают окказиональные связи, сочетание которых в художественном контексте формирует новые необычные значения, толкования и оценки.

Итак, ирония в широком смысле является приемом, основанным на собственно языковых средствах. Узкое значение, в свою очередь, определяется результатом, то есть созданным ироническим смыслом, с учетом экстралингвистических факторов, речевых особенностей языковой личности, взаимосвязь которых формирует подтекст и содержательное единство текста.

Функционируя на различных уровнях языковой и внеязыковой системы, ирония, на наш взгляд, формирует двуплановость оценочности содержания, понимание которой возможно при учете собственно лингвистического и экстралингвистического компонентов интерпретации подтекста высказывания. Следовательно, уместно различение нерелексивной и релексивной иронической оценочности в текстах Аркадия Аверченко.

Языковая игра в творчестве А.Т. Аверченко представлена разнообразием иронических способов оценивания ситуации и поведения персонажа: а) противопоставление лексических единиц; б) смена иронических масок; в) ироническое употребление оценочных слов; г) речевой «подхват»; д) каламбурное переосмысление устойчивого сочетания и др.

Таким образом, в художественном тексте ирония зависит от воли автора, его речевых склонностей к иронизированию и языковой игре, что отражается в соотношении лингвистических и экстралингвистических средств создания и репрезентации оценочности.

Список литературы

1. Аверченко А.Т. Нянька. М.: Вече, 2013. 320 с.
2. Аверченко А.Т. Чудеса в решете. М.: Эксмо, 1999. 400 с.

3. Аверченко А.Т. Юмористические рассказы. М.: ОЛМА-Групп, 2012. 304 с.
4. Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 184 с.
5. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
6. Вишневская В.Д. К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения // Мир культуры: теория и феномены. Пенза, 2002. Вып.2. С. 21–24.
7. Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: Дис. ...д-ра филол. наук. М., 1996. 566 с.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры // Под ред. Гольдина В.Е./ Ин-т русского языка, литературы и журналистики при филол. фак-те Саратовского Гос. Ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2000. 560 с.
9. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 107 с.
10. Исаева Л.А. Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. 251 с.
11. Каменская Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова. Дис.... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 173 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.
14. Петрова О.Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета: Серия: Филология. Журналистика. Саратов, 2011. №. 3. Т. 11. С. 25–30.
15. Пчелинцева М.А. Ирония как форма языковой оценки в творчестве русских писателей-эмигрантов // Современные проблемы науки и образования. М., 2010. № 6. С. 106–110. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=4564> (дата обращения: 20.01.2018).
16. Пчелинцева М.А. Метаязыковая рефлексия над языком революции в творчестве русских писателей-эмигрантов 1-й волны // Прогрес-

сивные технологии в обучении и производстве: материалы IV Всероссийской конференции, г. Камышин, 18–20 октября 2006 г. Волгоград, 2006. Т. 4. С. 67–72.

17. Самыгина Л.В. Ирония: метатекстовый потенциал в рассказах С.Д. Довлатова. М.: Русайнс, 2017. 168 с.
18. Скребнев Ю.М. Ирония // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 2003. 703 с.
19. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

References

1. Averchenko A.T. *Nyan'ka* [Nurse]. М.: Veche, 2013. 320 p.
2. Averchenko A.T. *Chudesa v reshete* [Miracles in the sieve]. М.: Eksmo, 1999. 400 p.
3. Averchenko A.T. *Yumoristicheskie rasskazy* [Humorous stories]. М.: OLMA-Grupp, 2012. 304 p.
4. Aristotel'. *Ob iskusstve poezii* [On the art of poetry]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. 184 p.
5. Aristotel'. *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. М.: Labirint, 2000. 224 p.
6. Vishnevskaya V.D. K voprosu o statuse ironii. Yazykovye sredstva vyrazheniya [To the question of the status of irony. Language means of expression]. *Mir kul'tury: teoriya i fenomeny* [The world of culture: theory and phenomena]. Penza, 2002. Issue 2, pp. 21–24.
7. Gridina T.A. *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi. Yavlenie yazykovoy igry* [Associative potential of the word and its realization in speech. The phenomenon of the language game]: Dis. ... Dr. Philol. sciences. М., 1996. 566 p.
8. Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres] / ed. Ed. Goldina V.E.; In-t russkogo yazyka, literatury i zhurnalistiki pri filol. fak-te Saratovskogo Gos. Un-ta im. N.G. Chernyshevskogo. Saratov, 2000. 560 p.
9. Ermakova O.P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the language]. М.: Flinta, 2011. 107 p.

10. Isaeva L.A. *Khudozhestvennyy tekst: skrytye smysly i sposoby ikh predstavleniya* [Literary text: hidden meanings and ways of representing them]. Krasnodar: Krasnodar knижnoe izdatel'stvo, 1996. 251 p.
11. Kamenskaya Yu.V. *Ironiya kak komponent idiosilya A.P. Chekhova* [Irony as a component of idiosyle Chekhov]: Dis ... cand. philol. sciences. Saratov, 2001. 173 p.
12. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts] / Ed. A.N. Nikolyukin. M.: Intelvak, 2001. 1600 p.
13. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. M.: OLMA-Grupp, 2007. 785 p.
14. Petrova O.G. *Tipy ironii v khudozhestvennom tekste: kontseptual'naya i kontekstual'naya ironiya* [Types of irony in the artistic text: conceptual and contextual irony]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta: Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. Saratov, 2011. № 3. V. 11, pp. 25–30.
15. Pchelintseva M.A. *Ironiya kak forma yazykovoy otsenki v tvorchestve russkikh pisateley-emigrantov* [Irony as a form of linguistic evaluation in the work of Russian emigre writers]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. M., 2010. № 6, pp. 106–110. <https://science-education.ru/en/article/view?Id=4564> (accessed January 20, 2018).
16. Pchelintseva M.A. *Metazykovaya refleksiya nad yazykom revolyutsii v tvorchestve russkikh pisateley-emigrantov 1-y volny* [Metalanguage reflexion over the language of revolution in the work of Russian emigre writers of the 1st wave]. *Progressivnye tekhnologii v obuchenii i proizvodstve: materialy IV Vserossiyskoy konferentsii, g. Kamyshin, 18–20 oktyabrya 2006 g.: V 4 t.* [Progressive technologies in teaching and production: materials of the IV All-Russian Conference, Kamyshin, October 18–20, 2006], 2006. V. 4, pp. 67–72.
17. Samygina L.V. *Ironiya: metatekstovyy potentsial v rasskazakh S.D. Dovlatova* [Irony: the metatext potential in the stories of S.D. Dovlatov]. M.: Rusajns, 2017.
18. Skrebnev Yu.M. *Ironiya* [Irony]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian: Encyclopedia] / Ed. Yu.N. Karaulov. M.: Drofa, 2003. 703 p.
19. Ushakov D.N. *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian language]. M.: Al'ta-Print, 2008. 1239 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кучерявых Юлия Николаевна, аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания, филологический факультет
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149 г. Краснодар, Краснодарский край,
350040, Российская Федерация
atagikana90@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kucheryavykh Yulia Nikolaevna, post-graduate student of the Department of General and Slavonic-Russian Linguistics, Faculty of Russian Philology
Kuban State University
149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, Krasnodarskiy krai, 350040,
Russian Federation
atagikana90@mail.ru
SPIN-code: 8107-9430

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-38-61

УДК 930(091)+81-112

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ) ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абазова М.М.

Статья посвящена истории изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом. В ней подведены итоги и намечены перспективы исследования данной темы. В качестве источниковой базы выбраны труды, в которых изучались те или иные аспекты речи черкесов, проживающих вне исторической родины. Отмечается, что такое исследование дает возможность выявить особенности трансформации речи черкесской диаспоры под влиянием языка и культуры иноязычного населения. В зависимости от гражданства авторов анализируемых работ, предложена дифференциация всего корпуса источников на труды зарубежных (Ж. Дюмезиль, К. Пари, Дж. Калоруссо, М. Хелиг и др.) и отечественных (М.А. Кумахов, Р.Х. Темирова, Г.К. Чемсо, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев, М.М. Абазова и др.) ученых. Учитывается, что зарубежные исследователи, в отличие от отечественных, не являлись носителями изучаемых языков. Специфика научных работ определяется в зависимости от исторических условий их появления.

Целью исследования является подведение итогов комплексного научного изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры в Турции и определение перспектив дальнейшего исследования данного вопроса.

Метод и методология проведения работы. В ходе исследования были использованы сравнительный, логический, хронологический, прогностический и системный методы.

Результаты. Анализ трудов ученых-лингвистов показывает, что в речи черкесской диаспоры, проживающей за рубежом, сохранились архаизмы, встречаются неологизмы и заимствования, поя-

вившиеся под влиянием языкового окружения и в результате длительного отсутствия контактов с носителями адыгских языков на исторической родине. Отмечается, что несмотря на существенное количество трудов по изучению истории, культуры, фольклора черкесов за рубежом, многие вопросы, касающиеся их речи, до сих пор остаются неисследованными. В их числе: речь диаспоры как маркер этнической идентичности, ее динамика и механизмы сохранения, особенности морфологии, синтаксиса, лексики и т.п.

Область применения результатов. *Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности, касающейся вопросов изучения речи различных диаспор.*

Ключевые слова: *история науки; историческая лингвистика; черкесы; диаспора; речь; кабардино-черкесский язык; кавказские языки; диалект.*

BACKGROUND OF STUDYING THE VERNACULAR OF THE CIRCASSIAN (ADYGHE) DIASPORA ABROAD: RESULTS AND RESEARCH PERSPECTIVES

Abazova M.M.

The article is devoted to the background of studying the Circassian (Adyghe) diaspora abroad. Here the results are summed up and research perspectives of this issue are marked out. The source base of the article includes works by authors who studied the speech of the Circassians living outside their historical homeland. It is noted that such research enables one to pinpoint transformation features of the Circassian diaspora's vernacular under the influence of language and the culture belonging to a foreign-language population. All the scientific sources were divided according to the nationality of the author, as follows: foreign (Zh. Dyumezil, C. Pari, J. Kalorusso, M. Helig, etc.) and domestic (M.A. Kumakhov, R.H. Temirova, G.K. Chemso, H.T. Taov, B.Ch. Bizhoyev, M.M. Abazova, etc.) It is considered that foreign researchers, un-

like domestic ones, weren't native speakers. The specific features of the scientific works are defined according to the historical conditions of the time they were written.

The purpose of the study is to summarize the results of a comprehensive scientific studying the Circassian (Adyghe) diaspora's vernacular in Turkey as well as the research perspectives of the issue.

The method and methodology of carrying out work. For the aims of the study, the comparative, logical, chronological, as well as predictive and system method were used.

Results. The analysis of scientific works shows that the vernacular of the Circassian diaspora living abroad preserved archaisms, neologisms and loans that have appeared under the influence of a non-native language environment and as a result of a long absence of contacts with native speakers of the Adyghe languages. It is noted that despite the essential number of works on history, culture, folklore of the Circassians living abroad, many issues are yet to be studied, among them being diaspora's vernacular as a marker of ethnic identity, its dynamics and mechanisms of preservation, specific features of morphology, syntax, lexicon, etc.

Practical implications. The results of the study can be used in educational process and the research activities concerning issues of studying vernacular of various diasporas.

Keywords: science history; historical linguistics; Circassians; diaspora; vernacular; Kabardino-Circassian language; Caucasian languages; dialect.

В настоящее время черкесская (адыгская) диаспора за рубежом представляет собой специфичное этнокультурное явление – монолитное социальное звено, занимающее прочную позицию в политической и социально-экономической жизни стран проживания (Турция, Иордания, Египет, США, Германия, Израиль и т.д.). Становление и развитие черкесской диаспоры имеет многовековую историю, начиная предположительно с раннего средневековья, когда черкесские мамлюки начали инкорпорироваться в военно-по-

литические структуры некоторых государств Ближнего Востока. Массовое же ее формирование относится ко второй половине XIX в. и связано с мухаджирством (махаджирством) – массовым переселением значительной части мусульманского населения Северного Кавказа в Османскую империю на исходе и после Кавказской войны. Территорию Кавказа по разным подсчетам покинуло более 1 млн. черкесов [12, с. 40]. Динамику численности черкесской диаспоры за рубежом проследить сложно, так как экзоэтноним «черкес» в странах проживания исторически употребляется для обозначения всех выходцев с Кавказа.

Контактирование неблизкородственных языков приобретает в современном мире все большие масштабы и сопровождается специфическими лингвистическими процессами, которые достигают особой интенсивности в иммигрантских диаспорах. Примером такого феномена является черкесская (адыгская) диаспора в Турции, Иордании, Израиле и других странах. В этих условиях одним из «живых» материалов их этнокультурной идентичности остается их речь, которая с течением времени трансформируется под влиянием различных факторов и приобретает определенную специфику в зависимости от локализации той или иной диаспоральной подгруппы.

Учитывая это, анализ результатов научных исследований речи черкесской диаспоры за рубежом приобретает особую актуальность как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении. В теоретическом плане такое исследование дает возможность выявить особенности трансформации речи диаспоры под влиянием языка и культуры народов в странах проживания, а также – форм и механизмов сохранения этнокультурной идентичности народов, оказавшихся в иноэтничной среде. В прикладном – обобщить накопленный исследователями опыт изучения речи черкесской диаспоры за рубежом, определить специфику научных работ в зависимости от исторических условий их появления, выявить новые исследовательские возможности темы.

Основными источниками при исследовании поставленной проблемы являются опубликованные научные труды таких отечествен-

ных и зарубежных ученых, как Ж. Дюмезиль [21; 22], К. Пари [23], М.А. Кумахов [10], М. Хёлиг [19], Х.Т. Таов [15], Б.Ч. Бижоев [7], А.В. Кушхабиев [12; 13], А.А. Ганич [8], М.М. Паштова [14], М.Ю. Унарокова [18], М.М. Абазова [3] и др. При формировании источниковой базы приоритет отдавался тем трудам, которые содержали качественно новые или отличительные подходы к исследованию темы по сравнению с предшествующими. Научный анализ этой группы источников позволяет обобщить накопленный опыт изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом. В них рассматривались вопросы исторического развития, современного положения и этнокультурного развития отдельных групп диаспоры. При этом до настоящего времени еще не появились исследования, авторы которых, опираясь на богатую источниковую базу и полевой материал, исследовали бы основные этапы изучения речи черкесской диаспоры за рубежом. В качестве дополнительного источника использовались полевые материалы, хранящиеся в архиве и фонотеке Института гуманитарных исследований – филиала КБНЦ РАН (г. Нальчик) и собранные Б.Ч. Бижоевым в 1994 г. и М.М. Абазовой в 2005–2011 гг. Материалы этой подгруппы источников дают возможность наметить дальнейшие перспективы исследования темы.

Методологическую основу составляют современные подходы к применению принципов и методов лингвистических исследований. Помимо этого, в качестве основных принципов использовались: историзм (учитывался исторический контекст того времени, когда выходила в свет та или иная публикация), объективность («непредвзятый» анализ научной литературы) и т.п.

Среди основных методов использовались сравнительный, логический, хронологический, прогностический и системный. Сравнительный метод дал возможность провести сопоставительный анализ опубликованных работ по теме исследования. Использование логического метода позволило раскрыть своеобразие и исторические особенности речи черкесской диаспоры за рубежом. Хронологический метод позволил исследовать речь диаспоры последовательно, в зависимости от времени издания анализируемых работ,

начиная с самой ранней. С помощью метода научного прогнозирования были предложены новые направления в исследовании речи черкесской диаспоры за рубежом. На основе системного метода определена степень изученности отдельных аспектов проблемы и проиллюстрировано ее комплексное состояние на данный момент. В целом, совокупность применяемых принципов и методов исследования позволяет определить общее состояние изученности речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом и наметить перспективы ее исследования в будущем.

Последствия миграционных процессов, проходивших в 60-е гг. XIX века на исходе Кавказской войны, когда большая часть черкесского народа переселилась в Османскую империю, отразились на таком важнейшем маркере их этнокультурной идентичности, как язык. Это наглядно демонстрирует сравнительный анализ современного состояния речи представителей черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом и кабардино-черкесского литературного языка. Лингвистические изменения были связаны прежде всего с активным освоением представителями диаспоры языка окружающего населения. Трансформация речи черкесской диаспоры за рубежом повлекла за собой определенные изменения в системе их социокультурной коммуникации в целом. В ходе интеграции черкесов в этнокультурное пространство народов, проживающих на территории бывшей Османской империи, происходили заимствования элементов языка и культуры аборигенов. Для сохранения этнической идентичности и недопущения ассимиляции с коренным населением черкесы в разное время создавали различные общественные организации и объединения, национальные школы, издавали газеты и т.д. В результате традиционные языковые и социокультурные коммуникативные практики у черкесов за рубежом существенным образом трансформировались, приобретая во многом новые функции, смыслы и коннотации. В этих условиях возникли предпосылки к научному исследованию речи диаспоры за рубежом.

Для многих «диаспорных групп стало характерным значительное выравнивание диалектных черт и образование некоего общего

диаспорного койне» [9, с. 34]. К настоящему времени в истории науки о диаспоре накоплен небольшой материал, охватывающий фонетический, грамматический и лексический уровни языка черкесов за рубежом, который представляет значительный интерес для сравнительно-исторического исследования адыгских языков в целом. Данная проблема так или иначе становилась предметом научных исследований как отечественных (советских, российских), так и зарубежных лингвистов–адыговедов в качественно разных исторических условиях.

Так, первые научные исследования проблемы были подготовлены зарубежными учеными. В СССР же первые научные труды по данной проблематике стали появляться в 80-е гг. XX в., когда стало возможным учреждение общественных организаций, основную деятельность которых составляли этнические проблемы. Меняющаяся общественно-политическая ситуация, ее либерализация как в некоторых странах проживания черкесской диаспоры, так и России – открыла путь к более свободному изучению ее языка, культуры и истории.

Большой вклад в исследование языка и механизмов существования черкесской (адыгской) диаспоры на Ближнем Востоке внесли ряд зарубежных ученых, таких как: Ж. Дюмезиль, Г. Фогт, К. Пари, Дж. Калоруссо, М. Хёлиг и др. При этом в данном случае научный интерес представляют работы не исключительно по адыгским языкам, но и по убыхскому – особому языку адыго-абхазской группы кавказских языков, практически не сохранившемся в наше время.

Изучение речи черкесов, проживающих за рубежом, в рамках сопоставительной лингвистики началось с 50-х гг. XX в. Материал, собранный Ж. Дюмезилем и К. Пари позволяет изучить специфику их подходов к решению некоторых вопросов в области фонетики, фонологии, что помогает установить соотношение между современными адыгскими языками (кабардино-черкесским, адыгейским и т.д.) и их диалектами, то есть сформировать специфичную модель (систему) изучаемого языка.

Работы Ж. Дюмезиля – крупнейшего зарубежного исследователя убыхского языка, который в конце 50-х – 60-е гг. XX в. еще был

представлен на территории Турции, занимают особое место в изучении речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом в целом. Он выделил ряд специфических характеристик убыхского языка, качественно отличавших его от других языков адыго-абхазской группы. Ж. Дюмезиль отмечал, что для убыхского языка «исходность двухчленного вокализма также очевидна, хотя в этом языке обнаруживаются некоторые признаки разрушения первоначальной системы вокализма из гласных *a, ы*» [21, с. 13]. Наряду с ними, он выделял в убыхском языке долгое *ä* (убыхское новообразование), обладающее минимальной функциональной нагрузкой, как результат стяжения **aa**: *йафын* <*йаафын*» [21, с. 13].

Особую ценность исследованиям Ж. Дюмезиля придает то, что помимо прочего он выделяет ряд характеристик, отличавших убыхский язык в диаспоре от других языков адыго-абхазской группы у черкесов Северного и Северо-Западного Кавказа (кабардино-черкесский, адыгейский, шапсугский и т.п.) и других народов (абазин, абхазов и т.п.).

В 1963 г. в г. Осло (Норвегия) вышел большой словарь известного норвежского лингвиста, специалиста по кавказским, баскскому языкам и общему языкознанию, доктору филологии Х. Фогта «*Dictionnaire de la Langue Oubukh*». В работе автор дает фонологическое введение, далее следует французско-убыхский словарь и убыхский текст, написанный на французском языке [24].

Исследования французского лингвиста К. Пари, являющиеся первой попыткой по изучению фонологии бесланеевского диалекта с. Зеннун (Турция), позволяют по-новому посмотреть на некоторые вопросы лингвистики языков и диалектов адыго-абхазской группы. Эта часть работы К. Пари основанном на богатом полевом материале, собранного ею в результате длительного проживания в с. Зеннун в 60-е гг. – первой половине XX в. В комплексном исследовании «*Systeme phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse orientale)*» помимо речи она дает краткое описание истории, географии, этнической композиции черкесских жителей этого села.

В работе К. Пари уделяет особое внимание фонетическим особенностям языка. Она, сравнивая черкесский, убыхский и абхазский языки, приходит к выводу о том, что эти языки функционируют с фонемами, черпаемыми из «общего запаса», с разным функциональным распределением для каждого языка и диалекта. «Общий запас» основан на релевантных чертах трех главных категорий: 1) ларингальные черты: звонкие – глухие (придыхательные) – глоттальные; 2) щелочные черты: наклонения и знаки артикуляции; 3) резонансные черты (щелочную и фарингальную): наполненную, палатализованную, лабильную, фарингальную – эта черта характерна лишь убыхскому языку. В анатолийском (бесленевском) говоре с. Зеннун она вместо долгих гласных во всех позициях отмечает исходные дифтонги или исходные краткие гласные. Ср. *uep* (йэн) «большой», *teyghan* (тэйльхъан) «класть что-то». Исключение К. Пари делает в отношении долгого о в презентных формах. Ср., *q'one* (къ'онэ) «остаётся», *wolay*^o (ўольгагъу) «видишь» [23, с. 64].

Таким образом, работа К. Пари помогает в определенной степени воссоздать историю кабардино-черкесского языка, проследить некоторые фонетические и грамматические особенности речи исследуемого диалекта, которые в настоящее время не встречаются у носителей языка на исторической родине. Сложностью является то, что в работе затрагиваются лишь жители отдельно взятого населенного пункта, тогда как современные исследования темы позволят выявить различные особенности речи черкесской диаспоры в зависимости от исторических условий ее формирования и локализации ее основных групп.

Большой вклад в исследование проблемы внесла М. Хёлиг, доктор философии, профессор Берлинского университета. Основная часть ее работы направлена на исследование абадзехского диалекта черкесской диаспоры в Турции. В своей работе она пишет о языковых особенностях у абадзехов, проживающих в трех селениях вокруг города Гёксун (Турция), и о том, как они отличаются от языковых особенностей абадзехов аула Шогеновск в Республике Адыгея Российской Федерации. М. Хёлиг выделяет фонетические,

морфологические особенности в речи диаспоры. Например, фонетические особенности: «одной из особенностей взрывных в абадзехском диалекте является заднеязычная твердая абруптивная фонема «к/г». Она встречается после ш и с: *шкIэ* «теленок», *зыгъэпскIын* «купаться» [19, с. 359].

Она первой среди исследователей речи черкесской диаспоры в Турции обратила внимание на такую важную деталь, как то, что с течением времени в абадзехском диалекте адыгского языка диаспоры происходили заимствования некоторых слов из турецкого языка, как были и заимствования в абадзехском диалекте из русского языка на Кавказе [там же, с. 366].

Таким образом, работы зарубежных исследователей, несмотря на отсутствие комплексного подхода, внесли существенный вклад в изучение речи черкесской диаспоры за рубежом. В большинстве своем они основаны на полевых материалах, что также имеет важное значение для современных исследований проблемы. Во-первых, полевой материал был собран в разные годы, что уже само по себе дает возможность для сравнительного исследования речи диаспоры в исторической ретроспективе. Во-вторых, он был собран в разных областях проживания представителей диаспоры, что дает дополнительный материал для изучения особенностей речи диаспоры в зависимости от места проживания каждой отдельной ее группы. В-третьих, в трудах зарубежных авторов основное внимание уделялось убухскому языку и некоторым отдельным диалектам адыгского языка, что привело к тому, что остальные языки остались неизученными и их состояние в то время остается неизвестным. В целом, работы выше перечисленных авторов помогают воссоздать историю, лексический запас, некоторые отличия от норм литературного языка.

Большой вклад в исследование речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом внесли такие отечественные ученые, как М.А. Кумахов, Р.Х. Темирова, Г.К. Чемсо, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев, М.М. Абазова и др.

Одним из первых советских (российских) ученых, исследовавших язык представителей черкесов за рубежом, является академик

М.А. Кумахов. Несмотря на то, что основные свои выводы по данной проблематике М.А. Кумахов основывал на данных зарубежных исследователей, он совершенно справедливо полагал, что «главным источником для построения сравнительно-исторической фонетики адыгских языков являются живые диалекты и говоры» [10, с. 30].

Основная заслуга М.А. Кумахова в данной сфере заключается в том, что он первым определил основные векторы сравнения речи диаспоры с кабардино-черкесским литературным языком, сложившемся на исторической родине черкесов. Например, он установил, что независимо от того, является ли долгое *о* фонемой или вариантом фонемы, его генезис прозрачен: *о* возникает как результат монофтонгизации дифтонга *ау*. Гласные *а*, *ы*, лежащие в основе убыхского вокализма, реализуются в начальной и неначальных позициях. Ср., например, *ашьа* «рубашка», *бана* «трава», *тыт* «человек», *бзы* «вода». Начальное *ы* в убыхском языке возможно лишь в глагольных формах, где *ы* выступает в качестве префиксального морфа. Ср., *ыккьан* «он идет», *ызбийан* «я его вижу». В этих глагольных формах элемент *ы* является личным префиксом [там же, с. 46–47].

Значительный вклад М.А. Кумахов так же внес и в изучение убыхского языка. В своем фундаментальном очерке «Убыхский язык», он опирался в основном на последние публикации (текстовый материал) Ж. Дюмезиля и на словарь Х. Фогта. По мнению М.А. Кумахова, важным подспорьем для интерпретации фактов убыхского языка, в особенности его фонетической структуры, явилось магнитофонная запись речи известного знатока убыхского языка Т. Эсенча, предоставленную автору В.И. Абаевым [11, с. 589–590]. В работе он дает лингвистические и морфонологические характеристики убыхского языка.

Ряд обобщений был сделан М.А. Кумаховым и в сфере изучения трансформации речи черкесской диаспоры за рубежом. При этом он опирался на труд К. Пари. Анализируя материалы данных бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка (особенно его анатолийского говора с. Зеннун), М. Кумахов установил, что противопоставление твердых и мягких шипящих аффрикат (если речь

идет о фонетическом уровне). Ср., в говоре Зеннун: *джыІэн* «говорить», *джэм* «корова», *ныджэбэ* «сегодня вечером», *чэ* «молоко», *лъачэ* «хромой», *чынагъуэ* «страх» [10, с. 176]. Таким образом, работы М. Кумахова, основанные на трудах Ж. Дюмезиля, К. Пари и на словаре Х. Фогта, помогают сделать сопоставительный анализ убыхского языка с другими адыгскими языками и выявить сходства и различия между ними.

Внимание отечественных исследователей к изучению речи диаспоры за рубежом стало повышаться в начале 90-х гг. XX в., когда активизировалась деятельность этнических общественных организаций по сохранению основных элементов языка и культуры черкесов, как главных маркеров их этнической идентичности. В этих условиях стало возможным установление тесных контактов между черкесами России и их соотечественниками за рубежом. Например, интересные данные о по этой теме содержатся в обзорной статье Р.Х. Темировой, опубликованной в 1993 г. по материалам международной научной конференции 1991 г., посвященной проблемам культурной диаспоры народов Кавказа [16]. Она отмечала, что язык черкесов отличается своеобразием на всех уровнях языковой структуры, которое сформировалось в результате смешения различных диалектов и говоров, изоляции одних субэтнических групп от других [там же, с. 371]. На основе анализа с живой речи некоторых черкесов зарубежья, опубликованных сведений о черкесских аулах, о фамильном составе их населения, названий аулов Р.Х. Темирова делает выводы о том, что черкесские поселения в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и других местах их компактного проживания, также являются полиэтничными [там же, с. 373]. Кроме того, на основе обстоятельного анализа широкого круга источников она охарактеризовала некоторые особенности языка черкесской (адыгской) диаспоры в странах проживания.

В 1993 г. независимо от исследования Р.Х. Темировой, Г.К. Чемсо предпринял попытку провести сопоставительный анализ речи черкесов (адыгов), проживавших в Израиле и России. Он выявил ряд направлений по изучению фонетических и лексических измене-

ний в речи этой подгруппы черкесского народа. Израильские адыги приветствуют независимо от возраста в основном арабским словом «*мэрхьэбэ*», редко используют традиционное приветствие мусульман «*сэлам алейкум*». Числа называются и на арабском (старшее поколение), и на европейском (молодежь) [20, с. 280–292]. Дети и молодежь с большим трудом считают или вовсе не умеют считать на родном языке.

Г.К. Чемсо установил, что в говоре жителей с. Кфар-Кама употреблялась двадцатиричная система счета [там же, с. 281]. В отличие от адыгских диалектов, где смешались системы счета, израильские адыги не используют «*цэкЪы*» (30), и «*шьэныкъо*» (50), хотя второе понимают. Вместо них они употребляют соответственно «*тлoкЪырэ пцЪырэ*» и «*тлoкlутlурэ пцЪырэ*», то есть 20 и 10, 2 по 10.

По данным Г.К. Чемсо, адыгская лексика разговорной речи израильских и российских черкесов имеет много сходств. Однако существуют исконно адыгские слова, отсутствующие в адыгейском литературном языке и кавказско-шапсугском диалекте или передающиеся комплексом звуков. Например, вместо общеадыгского «*псын*» (чихать) употребляется «*цlэтхэн*», вместо «*пкlау*» (стрекоза) – «*цlырау*» [там же, с. 289].

В целом небольшая по объему работа Г.К. Чемсо представляет собой большой научный интерес как в научно-теоретическом, так и методологическом отношениях. В научно-теоретическом плане она дает возможность определить основные векторы трансформации речи отдельной диаспоральной группы в зависимости от историко-культурной ситуации и локализации. В методологическом – содержит ряд функционально значимых подходов к исследованию темы.

Значимым событием в истории изучения речи черкесской диаспоры за рубежом была комплексная экспедиция, которая была проведена сотрудниками Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ, г. Нальчик) в 1994 г. в населенных пунктах Турции, Сирии, Иордании. В ходе экспедиции был собран богатый полевой материал, значительная часть которого в настоящее время хранится в фонотеке научного архива Института гумани-

тарных исследований – филиале Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (правопреемнике КБИГИ). Этот материал дает возможность исследовать лексические и фонетические изменения в речи диаспоры за рубежом, которые произошли за последующие 20 лет со времени проведения экспедиции. Основные же результаты исследования были опубликованы в сборнике научных статей в 2000 г. [6], о чем речь пойдет ниже.

Важное место в изучении речи черкесской диаспоры за рубежом занимают труды Х.Т. Таова. В своей работе он изучает особенности языка адыгов, проживавших в Турции, Сирии, Иордании, США. Также отмечает, что речь адыгов в этих странах испытывает сильное влияние не только со стороны языков местных жителей, но, что не менее важно, происходит смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов и не подвержена никакому влиянию со стороны адыгских литературных языков. Он считает, что такая ситуация наложила сильный отпечаток на язык зарубежных адыгов и послужила причиной появления в их речи значительных фонетических, лексических, а иногда и грамматических особенностей, позволяющих произвести определенные градации внутри известных диалектов и выделять некоторые говоры в указанных странах. По его мнению, в речи черкесской (адыгской) диаспоры в Сирии, Иордании, Турции и США процессы ассимиляции протекали очень быстро (особенно в последнее время) в силу их изоляции от исторической родины и отсутствия письменности и общеобразовательных школ на кабардино-черкесском языке [15, с. 93–94]. С этим трудно не согласиться, поэтому это предположение в последующем стало методично доказываться в трудах и других лингвистов-адыговедов.

Свои основные выводы Х.Т. Таов основывал как на работах предшественников, так и богатых полевых материалах, собранных в начале 90-х гг. XX в. Это в свою очередь придает его работам определенную специфику. Например, он особо выделяет слово *гу* «подвода». Литературное *гу* «подвода», в речи зарубежных адыгов употребляется в значении «машина». От этого слова образовались

понятия *гу зехуэ* «шофер», *гум исын* «сидеть в машине», *гук/э к/уэн* «поехать на машине» [там же, с. 87].

Анализируя язык диаспоры, Х.Т. Таов пишет, что в кабардино-черкесском языкознании не принято рассматривать речь кабардинцев и бесленеевцев, проживавших в Турции, Сирии, Иордании, как говоры [там же, с. 7]. А предлагает рассматривать его в равной мере, доступной для общения как в диаспоре, так и на исторической родине.

Как отмечалось, в 2000 г. был опубликован сборник статей по результатам комплексной экспедиции сотрудниками КБИГИ в некоторых странах проживания черкесской диаспоры в первой половине 90-х гг. XX в. [6]. В нем была опубликована статья Б.Ч. Бижоева, посвященная изменениям языка черкесской диаспоры в Сирии, Иордании и Турции в основном на материалах кабардино-черкесского языка [7]. Характер источниковой базы данного исследования дал основание автору для обозначения этой локальной группы черкесского народа использовать термин «кабардино-черкесская диаспора», под которым понимает проживавших в этих странах кабардинцев – носителей кабардино-черкесского языка. Несомненным достоинством данной статьи является то, что Б.Ч. Бижоев в определенной мере учитывал исторический контекст рассматриваемых лексических, фонетических и морфологических изменений в речи диаспоры. Он отмечал, что кабардино-черкесский язык в этих странах «в течение длительного времени функционирует в чрезвычайно пестрой лингвистической среде, в которой происходят различные экстралингвистические процессы (смешение, скрещивание и т.д.)» [там же, с. 201]. Речь черкесов в диаспоре испытывала влияние не только со стороны аборигенов этих стран – турок и арабов, но происходит и смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов [там же, с. 201].

В речи адыгов, проживающих за рубежом, Б.Ч. Бижоев выделяет некоторые фонетические, лексические, морфологические особенности. Особое внимание он уделит выявлению лексических особенностей, так как считал, что в этой области «первое, на

что обращаешь внимание при наблюдении за речью зарубежных кабардинцев, это то, что в ней имеется пласт заимствованных из арабского и турецкого языков слов, которые отсутствуют в литературном языке» [там же, с. 214]. Эти заимствования Б.Ч. Бижоев разделил на две группы: 1) слова, которые вытеснили исконные слова и сосуществуют с ними, как синонимы (названия растений, блюд, домашней утвари, одежды и т.п., которые не были знакомы кабардинцам до их переселения): *уэлибакъ* – названия блюд, *чаир* – носилка, *лэблэб* – вид сладости и т.д. [там же, с. 214]; 2) исконные слова, отличающиеся от литературного языка своей звуковой оболочкой: *иШын* в м. *иШэн* – «иметь», *хьэрыф* в м. *хьэрф* – «буква», *иуклэ* в м. *иужьклэ* – «потом» и т.д. Также выделены ряд слов, устойчивых сочетаний и фразеологизмов, неизвестных в литературном языке: *ахъиэмьихэ* в м. лит. *пцыхъэцхъэихэ* – «ужин»; *уафатиэ* в м. *пшэ* – «облако, туча»; *ханлэ* в м. *цланлэ* – «усадебя» и т.д. [там же, с. 215–216]. Таким образом, Б.Ч. Бижоев является первым исследователем, который с привлечением полевого материала, собранного во время экспедиции, кратко (тезисно) описал особенности речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в странах компактного проживания во всех уровнях языка, делая сопоставительный анализ с кабардино-черкесским литературным языком.

Наиболее обстоятельное исследование данной проблемы принадлежит М.М. Абазовой (Тхамитлоковой). В серии публикаций, посвященной данной проблематике, она изучала основные фонетические [17]; лексические (в том числе, развитие речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе [2] и интерколяции [1]), морфологические (например, особенности системы исчисления в речи черкесской диаспоры в Турции [4]) и формы существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры [5] и т.п. В работах обобщены основные итоги предшествующих исследований и использованы материалы, собранные в ходе полевых экспедиций в Турцию в 2005–2011 гг. Основным результатом ее многолетних исследований стала обобщающая монография, посвященная комплексному исследованию фонетических и лексических изменений

в речи черкесов (адыг), проживающих в Турции [3]. М.М. Абазова придерживается позиции, что сохранение их языка в настоящее время зависит не только от внутренних факторов воспроизводства этнокультурной идентичности, но и во многом от научной деятельности специалистов-адыговедов. В книге дается краткий экскурс в историю изучения речи черкесской диаспоры, анализируется существующая литература по данному вопросу, говорится о содержании термина «диаспора», исследуются фонетические явления, характеризующие речь черкесской диаспоры в Турции, рассматриваются вопросы развития языка на собственной языковой базе, выделяются неологизмы, слова с изменившейся семантикой, слова с фонетическими изменениями, фразеологизмы [там же].

Анализ трудов по исследованию речи черкесской диаспоры за рубежом показывает, что под влиянием экзогенных и эндогенных факторов речь представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции за почти полуторавековую историю подверглась значительной трансформации. В целом, накопленный материал российскими и зарубежными учеными за последние десятилетия составляет основную базу для изучения фонетики, лексики и морфологии адыгских языков в сравнительно-историческом плане. Не имея письменности и литературного языка, сохраняя основные черты языка-источника, они создали свой язык (речь), на котором они общаются между собой и передают из поколения в поколения традиции, обряды, культуру и т.д. Для сохранения кабардино-черкесского языка в диаспоре необходимо использовать максимально эффективные методы, из которых особенно важным является передача языка младшему поколению.

Таким образом, до настоящего времени кавказоведами-лингвистами был накоплен определенный опыт в области изучения некоторых особенностей языка черкесской диаспоры за рубежом. Кроме того, были намечены первые попытки теоретического осмысления основных аспектов функционирования языка диаспоры в иноэтнической среде. Анализ трудов лингвистов-адыговедов показывает, что в речи черкесской диаспоры сохранились архаизмы, а также встречаются неологизмы и заимствования, появившиеся под влия-

нием языкового окружения и в результате длительного изолированного проживания и отсутствия контактов с носителями адыгских языков. Также в речи черкесов, проживающих в Турции, Израиле, США и других странах, многие лексемы подвергались семантическим изменениям.

Несмотря на то, что на сегодняшний день имеется определенное количество трудов российских и зарубежных авторов по изучению истории, культуры, фольклора, речи черкесов (адыгов) за рубежом, остаются еще неисследованными многие вопросы, которые не были затронуты в выше перечисленных работах. Основными из них являются подробное изучение морфологии, синтаксиса, лексики речи черкесов (адыгов), проживающих за рубежом. Все это позволит определить степень сохранности языка, культуры и этикета черкесами вне исторической родины и установить специфику влияния иноязычного окружения.

Список литературы

1. Абазова М.М. Интеркаляция в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2017. № 5–3 (71). С. 47–49.
2. Абазова М.М. Развитие речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2014. № 12–1. С. 13–16.
3. Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 132 с.
4. Абазова М.М. Система исчисления в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2015. № 4–2. С. 13–15.
5. Абазова М.М. Формы существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры (история, современность и перспективы) // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2017. № 3–1 (69). С. 45–47.
6. Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / Под ред. Х.М. Думанова. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 272 с.

7. Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 201–240.
8. Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М.: ИСАА МГУ, 2007. 272 с.
9. Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. 547 с.
10. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
11. Кумахов М.А. Убыхский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. IV том. Редакционная коллегия: Е.А. Бокарев, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев, Г.Б. Муркелинский, М.А. Кумахов, С.М. Хайдаков, А.К. Шагиров. М.: Наука, 1967. С. 589–590.
12. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 320 с.
13. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах XIX–XX вв. Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. 227 с.
14. Паштова М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2010. № 1. С. 44–48.
15. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 1997. 132 с.
16. Темирова Р.Х. Язык черкесов (адыгов) Карачаево-Черкесии в контексте языка этноса // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 367–382.
17. Тхамитлокова М.М. Основные фонетические отличия речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 154–157.

18. Унарокова М.Ю. Топонимический и антропонимический дуализм как этнический индикатор адыгов диаспоры // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тезисы докладов II Международной научной конференции памяти М.И. Мижаева / Сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. Майкоп: «И.П. Паштов З.В.», 2017. С. 70–72.
19. Хёлиг М. Абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 358–366.
20. Чемсо Г.К. Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 280–292.
21. Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. Paris instut d'ethnologie muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, place du trocade'ro. Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. 269 p.
22. Dumezil G. Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. 215 p.
23. Paris C. Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. 248 p.
24. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

References

1. Abazova M.M. Interkalyatsiya v rechi kabardino-cherkesskoi diaspory v Turtsii [Intercalation in the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 5–3 (71), pp. 47–49.

2. Abazova M.M. Razvitiye rechi cherkesskoi diasporы v Turtsii na sobstvennoi yazykovoi baze [Development in the vernacular of the Circassian diaspora in Turkey on their own language base]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12–1, pp. 13–16.
3. Abazova M.M. *Rech' kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii* [The vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. Nal'chik, 2014. 132 p.
4. Abazova M.M. Sistema ischisleniya v rechi kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii [The system of calculation in the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 4–2, pp. 13–15.
5. Abazova M.M. Formy sushchestvovaniya kabardino-cherkesskogo yazyka v usloviyakh diasporы (istoriya, sovremennost' i perspektivy) [Forms of existence of the Kabardino-Circassian language in the conditions of diaspora (history, the present and prospects)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 3–1 (69), pp. 45–47.
6. *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura* [The Adygs and the Karachaevo-Balkar foreign diaspora: history and culture] / pod. red. H.M. Dumanova. Nal'chik, 2000. 272 p.
7. Bizhoyev B.Ch. Yazyk kabardino-cherkesskoi diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii [The language of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura* [Adygeyan and Karachay-Balkar foreign diaspora: history and culture]. Nal'chik, 2000, pp. 201–240.
8. Ganich A.A. *Cherkesy v Iordanii: osobennosti istoricheskogo i etnokul'turnogo razvitiya* [The Circassians in the Jordan: features of historical and ethnocultural development]. M., 2007. 272 p.
9. *Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis* [The Kabardino-Circassian language. Creation of writing, phonetics and phonology, morphology, syntax]. T.I. Nal'chik, 2006. 547 p.
10. Kumakhov M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskich (cherkesskich) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyge (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1981. 288 p.

11. Kumakhov M.A. Ubykhskii yazyk [The Ubykh language]. *Yazyki narodov SSSR. Iberiisko-kavazskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Iberian-Kavazian languages]. Vol. IV. Editorial Board: E.A. Bokarev, K.V. Lomtadze, Yu.D. Desheriev, G.B. Murkelinskii, M.A. Kumakhov, S.M. Khaidakov, A.K. Shagirov. M., 1967, pp. 703–712.
12. Kushkhabiev A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh XIX–XX vv.* [The Circassian diaspora in the Arab countries of the 19–20th centuries.]. Nal'chik, 1997. 227 p.
13. Kushkhabiev A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspori* [Sketches of history of foreign Circassian diaspora]. Nal'chik, 2007. 320 p.
14. Igrovye instituty v fol'klornoi kul'ture cherkesov Turtsii: na materiale ekspeditsii 2009 g. [Game institutions in the folklore culture of the Circassians of Turkey as based on the 2009 expedition materials]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*. 2010. № 1, pp. 44–48.
15. Taov Kh.T. *Problemy kabardino-cherkesskoi dialektologii* [The issues of the Kabardino-Circassian dialectology]. Nal'chik, 1997. 132 p.
16. Temirova R.H. Yazyk cherkesov (adygov) Karachaevo-Cherkessii v kontekste yazyka etnosa [The language of the Circassians (Adyghe) of the Karachay-Cherkessia in the context of ethnos language]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 367–382.
17. Tkhamitlova M.M. Osnovnye foneticheskie otlichiya rechi kabardino-cherkesskoi diaspori v Turtsii [The main phonetic differences of the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2010. № 1, pp. 154–157.
18. Unarokova M.Yu. Toponimicheskii i antroponimicheskii dualizm kak etnicheskii indikator adygov diaspori [Toponymic and antroponimicheskii dualism as an ethnic indicator of the Adyghe diaspora]. *Re-*

- gional'no-lokal'nye traditsii i formy identichnosti cherkesov Kavkaza i diaspory: tezisy dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati M.I. Mizhaeva* [Regional-local traditions and forms of identity of the Circassians of the Caucasus and the Diaspora: abstracts of the II International Scientific Conference in memory of M.I. Mizhayeva] / sost. M.N. Gubzhokov, M.M. Pashtova. Maikop, 2017, pp. 70–72.
19. Khelig M. Abadzekhskii dialekt cherkesskoi diaspory v Turtsii [The Abadzekhsky dialect of the Circassian diaspora in Turkey]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural Diaspora of the Peoples of the Caucasus: Genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 358–366.
20. Chemso G.K. Nekotorye etnokul'turnye osobennosti adygov, prozhivayushchikh v Izraile [Some ethnocultural features of the Adyghe living in Israel]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural Diaspora of the Peoples of the Caucasus: Genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 280–292.
21. Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. Paris instut d'ethnologie muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, place du trocade'ro. Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. 269 p.
22. Dumezil G. Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. 215 p.
23. Paris C. Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun kōyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. 248 p.
24. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Абазова Марита Мухамедовна, канд. филол. наук, ст. н. с. сектора кабардино-черкесского языка

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 360000, Российская Федерация

marita.abazova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Abazova Marita Mukhamedovna, Cand. of Filol. Sciences, Senior Research Associate of the Sector of the Kabardino-Circassian language

Institute for the Humanities Research – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

18, Pushkin Str., 18, Nalchik, 360000, Russian Federation

marita.abazova@yandex.ru

SPIN-code: 2763-0953

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-62-73

УДК 81

**ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ТАТАРСКОМ,
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Галимуллина Р.И., Шаймарданова М.Р.

В статье представлен анализ татарских, английских и русских паремиологических единиц с компонентами-зоонимами. Паремии рассматриваются в качестве языковых единиц, передающие лингво-культурологическую информацию о народе. Актуальность данного исследования обуславливается недостаточным количеством работ по данной проблематике в сопоставительном аспекте. Выделены группы паремий и установлены их различия и сходства в трех сопоставляемых языках. Выполняется краткий анализ наиболее распространенных компонентов-зоонимов, входящих в состав паремий, и дается их сравнение.

Цель. *Целью настоящей статьи является выявление общих и специфических черт среди татарских, русских и английских паремий с компонентом-зоонимом. Предметом анализа выступают пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют метод научного наблюдения, сравнительно-сопоставительный метод, описательный и статистический метод.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что в нем осуществлено системное изучение лингво-когнитивных особенностей татарских, английских и русских паремий с компонентом-зоонимом. В работе детально проанализированы приемы языкового оформления паремий с компонентом-зоонимом в сопоставительном аспекте в соответствии с определенной коммуникативной направленностью. Работа вносит существенный вклад в разработку*

ку проблемы речевого манипулирования на примере татарской, английской и русской паремиологических картин мира.

Область применения результатов. Результаты исследования могут найти применение при разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвистике, сопоставительной паремиологии, лингвокультурологии.

Ключевые слова: паремия; татарский язык; английский язык; русский язык; компонент-зооним; когнитивный; анализ.

LINGVO-COGNITIVE STUDY OF THE PAROEMIOLOGICAL UNITS WITH A ZOONYM COMPONENT IN THE TATAR, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Galimullina R.I., Shaimardanova M.R.

The article presents the analysis of the Tatar, English and Russian paroemiological units with zoonym components. Paroemias are considered to be language units that convey wide linguo-cultural information about a particular nation. So far, the issue has been insufficiently studied in the comparative aspect. In this article, groups of paroemias have been distinguished and their distinctions and similarities have been revealed in the three languages. A short analysis of the most prevalent zoonym components is carried out as they are elements of paroemias structure, as well as their comparison is given.

Purpose. *The purpose of this article is to identify common and specific features among the Tatar, Russian and English paroemias with the zoonym component. The subject of the analysis is proverbs and sayings with the zoonym component.*

Methodology. *The basis of the study is formed by the scientific observation method, comparative method, descriptive and statistical method.*

Results. *The results of the work are a systematic study of the linguistic and cognitive features of the Tatar, English and Russian paroemia with the zoonym component. In this paper the methods of language design of*

paroemias with the zoonym component have been analyzed in detail in the comparative aspect in accordance with a particular communicative focus. The work makes a significant contribution to the development of the issue of speech manipulation as based on the Tatar, English and Russian paroemiological pictures of the world.

Practical implications. *The results of the study may find application in the development of special courses and seminars in linguistics, comparative paroemiology, linguistics and culture studies.*

Keywords: *proverb (paroemia); Tatar language; English language; Russian language; component-zoonym; cognitive; analysis.*

Введение

В последнее время отмечается повышенный интерес лингвистов к проблеме национально-культурной специфики языковых единиц (Н.Д. Арутюнова [2], Е.С. Яковлева [15], О.А. Корнилов [7], М.В. Пименова [11], В.А. Маслова [9], Н.Н. Фаттахова [17], положения когнитивной лингвистики о взаимосвязи и взаимодействии когнитивных и языковых структур: Дж. Лакофф [8], В.Н. Телия [14]).

Проведение паремиологических исследований в сопоставительном аспекте представляется наиболее перспективным в плане сравнения национальных паремиологических картин мира в различных лингвокультурах, выявления универсальных и уникальных черт в языковом оформлении паремиологических текстов и сопоставлении различных национальных концептуальных систем, реконструирование которых представляется возможным посредством лингвокогнитивного анализа паремиологического материала [3, с. 82].

Целью настоящей статьи является обнаружение общих и специфических черт среди татарских, русских и английских паремий с компонентом-зоонимом. Предметом анализа выступают пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом.

Материалы и методы

Корпус исследования составили 1000 паремиологических единиц, выбранные из авторитетных татарских, англо- и русскоязыч-

ных словарей пословиц, анализ которых позволил нам выделить несколько групп паремий с компонентом-зоонимом:

1. Паремии, номинирующие домашних животных (401 единиц):
2. Паремии, номинирующие диких животных (315 единиц):
3. Паремии, номинирующие птиц (284 единиц):

Результаты и обсуждение

Небезынтересно отметить наличие эквивалентных татарских, русских и английских паремий с компонентом-зоонимом, имеющим схожее символическое значение у англичан и у русских: *Don't sell the skin till you have caught the bear* [18, с. 282] – *He убив медведя, шкуры не продавай* [10, с. 151] – *Аюны үтермәс борын тиресен сатмыйлар* [13, с. 704]; *Конь о четырех ногах, да и то спотыкается* [6, с. 145] – *A horse stumbles that has four legs* [4, с. 22] – *Кеше түгел, дүрт аяклы ат та абына* [13, с. 739].

В ходе анализа пословиц, были также выявлены некоторые различия компонентов-зоонимов в разных языковых единицах, например, *Don't count your chickens before they are hatched* [18, с. 51] – *Кыр казын санарга ярамый, исәбе югала ди* [13, с. 617]; *Dog does not eat dog* [16, с. 45] – *Аюны аю ашамас* [13, с. 641].

Анализ позволяет выделить отличия, свидетельствующие о различиях в менталитете англичан и русских. Так, среди английских пословиц подавляющее большинство паремий содержит компоненты-зоонимы, номинирующие собаку и кошку: *Every dog has his day* [16, с. 45]; *The cat would eat fish and would not wet her feet* [18, с. 47]; *Dog does not eat dog* [16, с. 45]. В то время как в татарских пословицах и поговорках доминирует компонент-зооним аю – медведь: *Аю кышын табан имәр* [13, с. 641]; *Аю көченә ышана, кеше акылына ышана* [13, с. 641].

В русских пословицах и поговорках высокую частотность употребления демонстрирует лексема лошадь (кобыла, конь, кляча), например: *На чужой лошадке, да верть в сторонку* [5, с. 307]; *Старая кобыла борозды не испортит* [6, с. 314]; *Сколько кобылке не прыгать, а быть в хомуте* [5, с. 97]; *Надеючись, и конь копытом бьет* [5, с. 220].

Было также выявлено, что в русских пословицах чаще используются прямые номинации птиц (ворона, воробей, синица, журавль, орел, сорока, сокол), в то время как в татарских и английских паремиологических единицах чаще всего употребляются обобщенные названия птицы *kouş – bird (ntuıca)*: в английских паремиях было зафиксировано 13 случаев употребления, например: *A bird in the hand is worth two in the bush* [16, с. 60]; *A bird never flew on one wing* [18, с. 27]; *The bird has flown the nest* [16, с. 60]; и 20 случаев употребления в татарских пословицах и поговорках: *Аван кеше авызы белән кош тота* [13, с. 339]; *Уңган кеше авызы белән кош тота, арты белән йон тота* [13, с. 340]; *Үзәнә качкан кошны куак та бирмәс* [13, с. 524].

В русском языке наибольшую частотность употребления в паремиях демонстрируют следующие лексемы, номинирующие птиц: ворона, воробей, орел, журавль, синица, сорока. Например: *Лучшие синица в руках, чем журавль в небе* [6, с. 165]; *Старого воробья на мякине не проведешь* [6, с. 314]; *Орлы бьются, а молодым перья достаются* [10, с. 162]; *Не сули журавля в небе, (а) дай синицу в руки* [6, с. 222]; *Бей сороку и ворону – добьешься до ясного сокола* [1, с. 20].

Примечательно отметить, что в английских паремиях не были обнаружены компоненты, номинирующие следующие виды птиц: сороку, синицу, сокола, зафиксированные в русских пословицах и поговорках.

Рассмотрим наиболее распространенные компоненты-зоонимы, входящие в состав паремий. Компоненты-зоонимы, относящиеся ко второй подгруппе «дикие животные», составили 115 слов в татарском языке, 84 слова в английском языке и 116 в русском языке. Полученные данные исследования представлены в приведенной ниже таблице.

Как видно из таблицы, наибольшую частотность употребления в английских паремиях демонстрируют лексемы, номинирующие следующих диких животных: *wolf, bear, hare, monkey*. В русских пословицах и поговорках наблюдается высокая частотность использования в паремиологических единицах таких компонентов-зоонимов, как: волк, медведь, лиса, заяц.

Таблица 1.

Распространенные компоненты-зоонимы подгруппы «дикие животные»

Компоненты-зоонимы в английских пословицах и поговорках	Частотность употребления в паремиях	Компоненты-зоонимы в русских пословицах и поговорках	Частотность употребления в %	Компоненты-зоонимы в татарских пословицах и поговорках	Частотность употребления в паремиях
bear	10	медведь	7,5	аю	35
camel	7	верблюду	-	доя	17
elephant	2	слон	1,5	фил	7
fox	6	лиса	7	төлке	7
hare	10	заяц	6	куян	5
leopard	2	леопард	-	каплан	2
lion	7	лев	2,5	арслан	4
monkey	10	обезьяна	1	маймыл	2
tiger	4	тигр	-	юлбарыс	8
wolf	26	волк	28	бүре	20
-	-	белка	0,5	тиен	8

Кроме того, необходимо отметить, что зооним *белка*, зафиксированный в татарских и русских пословицах и поговорках, не был обнаружен в английских паремиях.

Таблица 2.

Распространенные компоненты-зоонимы подгруппы «домашние животные»

Компоненты-зоонимы в английских пословицах и поговорках	Частотность употребления в паремиях	Компоненты-зоонимы в русских пословицах и поговорках	Частотность употребления в паремиях	Компоненты-зоонимы в татарских пословицах и поговорках	Частотность употребления в паремиях
bull	6	бык	7	үгез	7
cat	32	кошка	17	мәче	13
cock	9	петух	9	этэч	21
cow	15	корова	13	сыер	11
dog	28	собака	20	эт	22
horse	17	лошадь	25	ат	38
goat	-	коза	8	кәжә	15
pig	11	свинья	14	дунгыз	19
sheep	7	овца	7	сарык	10

Ко второй подгруппе паремий относятся единицы, содержащие компоненты, номинирующие домашних животных. В ходе анализа

английских и русских паремий, содержащих компоненты-зоонимы, относящиеся к подгруппе «домашние животные», было выявлено 156 в татарском языке, 125 слов в английском языке и 120 в русском языке, относящихся к названной группе.

Результаты исследования также приведены в Таблице 2. Исходя из данных в приведенной таблице, видно, что наибольшую частотность в английских и русских паремиях демонстрируют такие компоненты-зоонимы, как: *cat* / кошка в английском и в русском языках, *dog* / собака, *horse* / лошадь.

Зооним *goat* / коза не встречался в английских пословицах и поговорках, в то время как частотность употребления данного компонента составляет 8 употреблений в русском языке и 15 употреблений в татарском языке.

Концепт «лошадь» представлен как в русских, так и в английских паремиологических единицах. Сопоставительный анализ показал, что в русском языке концепт «лошадь» объективируется посредством большего количества наименований, чем в английском языке.

В английских пословицах и поговорках доминирующим является компонент *horse* (15), единичны случаи употребления зоонимов *steed* (1), *mare* (1). В русских паремиях доминируют 3 наименования: конь (11), лошадь (8), кобыла (5), отмечается единичный случай употребления компонента *кляча* (1).

В ходе анализа фактологического материала нами были обнаружены английские пословицы и поговорки, эквиваленты которых в татарском языке содержат совершенно иные компоненты, например: *He учи рыбу плавать, а собаку – лаять* [10, с. 151] – *Үрдәк баласын суда йөзәргә өйрәтмиләр* [13, с. 621]; *Не буди спящего пса: пес спит, а ты мимо* [10, с. 136] – *Эт өрер, сандугач тик торыр* [13, с. 591].

Заключение

Во-первых, примечательно то обстоятельство, что в сопоставляемых языках выявляются качественные различия, связанные с национально-культурными особенностями мировидения, этноспецификой зооморфного кода.

Во-вторых, действие антропоцентрического фактора в паремиологии позволил выявить в паремиях сопоставляемых языков много общих черт, обусловленных универсальным характером косвенно-производной номинации, реализации идентичных когнитивных моделей семантического переноса, основанных на действии универсальных культурных кодов, сходная структура которых объясняется схожим способом структурирования мысли.

В то же время в ходе проведенного анализа английских и русских паремий с компонентом-зоонимом были выявлены разнообразные количественные и качественные различия, объясняемые особенностью национальной языковой картины мира.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Галимуллина Р.И., Кулькова М.А. Когнитивно-дискурсивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2015. № 3(41). С. 82–89. (Дата обращения 22.01.18).
4. Гарбузова Т.М. Английский язык в пословицах и поговорках. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 155 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. Т. 1: А – О. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 1280 с.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
8. Лакофф Дж. Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // *Язык и интеллект: сборник статей: пер. с англ. и нем.; под ред. В.В. Петрова*. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184.
9. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: монография. М.: УРСС, 2007. 320 с.

10. Мюррей Ю.В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 252[4] с.
11. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Veriag Empirische Pädagogik, 1999. 262 с.
12. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Университетская типография, 1848. 88 с.
13. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыйнагы: 3 томда / Нәкый Исәнбәт. 1-нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 879 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 312 с.
15. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 344 с.
16. George B., Mieder W. A Dictionary of Anglo-American Proverbs and Proverbial Phrases. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2005. 870 p.
17. Fattakhova N., Kulkova M. The Formation of Paremiology in Russia and Germany. In: World Applied Sciences Journal, 2014. № 31 (5), pp. 935–939.
18. Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs. New York: Oxford University Press, 2008. 388 p.

References

1. Anikin V.P. *Russkie posloviцы i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. М.: Hudozh. lit., 1988. 431 p.
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. М.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 p.
3. Galimullina R.I., Kul'kova M.A. Kognitivno-diskursivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinic s komponentom-zoonimom v anglijskom i russkom yazykah [Cognitive-discursive study of paroemiological units with the zoonym component in the English and Russian languages]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2015. № 3(41), pp. 82–89.
4. Garbuzova T.M. *Anglijskij yazyk v poslovicax i pogovorkax* [English in proverbs and sayings]. Rostov n/D: Feniks, 2013. 155 p.

5. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language]: V. 1: A – O. M.: OLMA-PRESS, 2002. 1280 p.
6. Zhukov V.P. *Slovar' russkix poslovic i pogovorok: Okolo 1200 poslovic i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings: About 1200 proverbs and sayings]. M.: Rus. yaz., 1991. 534 p.
7. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyx mentalitetov*. Izd. 2-e. M.: CheRo, 2003. 349 p.
8. Lakoff Dzh. *Kognitivnaya semantika (iz knigi "Zhenshchiny, ogon' i opasnye predmety")* [Cognitive semantics (from *Women, Fire and Dangerous Things*)] / *Yazyk i intellekt: sbornik statej: per. s angl. i nem.; pod red. V.V. Petrova*. M.: Progress, 1996, pp. 143–184.
9. Maslova V.A. *Homo lingualis v kul'ture: monografiya* [Homo lingualis in culture: monograph]. M.: URSS, 2007. 320 p.
10. Myurrej Yu.V. *Bol'shaya kniga russkix poslovic i pogovorok i ix anglijskix analogov = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents*. M.: AST; SPb.: Sova, 2008. 252 p.
11. Pimenova M.V. *E'tnogermentevika yazykovej naivnoj kartiny mira vnutrennego mira cheloveka* [Ethno-hermeneutics of the language naive picture of the world of the inner world of man]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. 262 p.
12. Snegirev I.M. *Russkie narodnye poslovicy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. M.: Universitetskaya tipografiya, 1848. 88 p.
13. *Tatar halyk məkal'ləre: məkal'lər əçyelmasy: 3 tomda / Nəkyj İsənbət. 1-nche basma*. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1959. 879 p.
14. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 312 p.
15. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoj yazykovej kartiny mira: modeli prostanstva, vremeni i vospriyatiya* [Fragments of the Russian language picture of the world: models of space, time and perception]. M.: Gnozis, 1994. 344 p.
16. George B., Mieder W. *A Dictionary of Anglo-American Proverbs and Proverbial Phrases*. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2005. 870 p.

17. Fattakhova N., Kulkova M. The Formation of Paremiology in Russia and Germany. In: World Applied Sciences Journal, 2014. № 31 (5), pp. 935–939.
18. Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs. New York: Oxford University Press, 2008. 388 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Галимуллина Рузиля Ирековна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
ruzilya.vahitova@mail.ru

Шаймарданова Миляуша Равилевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
milyausha33@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Galimullina Ruzilya Irekovna, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages
Elabuga Institute of Kazan Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 305041,
Russian Federation
ruzilya.vahitova@mail.ru
SPIN-code:
ORCID: 0000-0002-4573-4783 573-4783
ResearcherID: O-3268-2016
Scopus Author ID: 56766136600

Shaimardanova Milyausha Ravilevna, Senior Lecturer, Department
of Foreign Languages, Ph. D. in Philology
Elabuga Institute of Kazan Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 305041,
Russian Federation
milyausha33@mail.ru
ResearcherID: 0-2680-2016
Scopus Author ID: 56178685600

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-74-85

УДК 81'4

**АЛГОРИТМ
ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОСРЕДСТВОМ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ
СРЕДСТВ**

Ермейчук Н.А.

***Цель.** Статья посвящена установлению и описанию механизма создания языковой картины мира в англоязычном тексте Библии короля Якова. Предметом исследования выступает функциональная реализация изобразительно-выразительных средств. Автор ставит целью раскрыть основные функции упомянутых средств для выявления их роли в создании коннотации, модификации целостного значения и, соответственно, формировании библейской языковой картины мира.*

***Метод и методология проведения работы.** Основу исследования образуют метод сплошной выборки, метод выборки с заданными параметрами с помощью конкорданса Библии короля Якова, а также функциональный анализ.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что выявлен и описан алгоритм реконструкции библейской языковой картины мира с опорой на теорию о содержании информации в значениях языковых единиц и теорию проекций М. Блэка. Исходя из функций изобразительно-выразительных средств подтверждена их роль в создании коннотативного значения и влиянии этого значения на семантику слова или выражения.*

***Область применения результатов.** Данное исследование позволит дополнить имеющиеся сведения в области когнитивной лингвистики, стилистики текста и функциональной англистики. Предлагаемая методика актуализации языковой картины мира может применяться при исследовании текстов других англоязычных пе-*

реводов Библии, а также Корана и Торы в сравнительно-сопоставительном и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: библейский текст; языковая картина мира; изобразительно-выразительные средства; значение; коннотация; аппелятивная, волюнтаривная и эмотивная функции.

FORMATION ALGORITHM OF THE BIBLICAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE FIGURATIVE-EXPRESSIVE MEANS OF THE LANGUAGE

Ermeychuk N.A.

Purpose. *The article is devoted to the determination and description of the mechanism of creating a language picture of the world in the English language text of the King James Bible. The subject of analysis is the functional realization of figurative-expressive means of the language. The author aims to reveal the main functions of the above-mentioned means in order to identify their role in creation connotation and modification holistic values of a word or expression, and, consequently, the formation of the biblical language picture of the world.*

Methodology. *The basis of the research is continuous sampling method, sampling method with specified parameters with the help of the King James Bible concordance as well as functional analysis.*

Results. *The results of the study are that the algorithm of reconstruction the biblical language picture of the world is determined and described based upon the theory of information content in the meaning and M. Black's projection theory. Based upon the functions of figurative-expressive means of the language their role is confirmed in creation connotation meaning and the way this meaning influences the semantics of a word or expression.*

Practical implications. *The study can add to the currently available information in the sphere of cognitive linguistics, text stylistics, functional anglistics. The proposed method of updating the biblical language picture of the world can be applied in the researches of other English*

language translations of the Bible, the Quran and the Torah in the comparative and diachronic aspects.

Keywords: *Biblical text; language picture of the world; figurative-expressive means of the language; meaning; connotation; appellative, voluntative and emotive functions.*

Основной задачей исследования является попытка установить и описать механизм создания языковой картины мира (далее – ЯКМ) изобразительно-выразительными средствами (далее – ИВС) в англоязычном текстовом пространстве Библии короля Якова.

Для решения данной проблемы обратимся к концепции о содержании знаний о мире в *значениях языковых единиц*, которая в полной мере отражена в работах таких авторов, как А.Н. Леонтьев «Лекции по общей психологии» [6], В.Н. Телия «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» [13], И.А. Стернин «Лексическое значение слова в речи» [11], Н.Г. Комлев «Компоненты содержательной структуры слова» [5], Г.В. Колшанский «Объективная картина мира в познании и языке» [4] и других ученых. Так, например, ведущий специалист в области номинации, семантики и прагматики языковых единиц В.Н. Телия пишет по этому поводу, что «пространство значений – это реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического знания о мире...» [13, с. 104].

Развивая эту теорию, остановимся подробнее на проблеме о *структуре значения*, решение которой является неоднозначным в лингвистике. В этом отношении И.В. Арнольд на основе двух типов информации, а именно информации, составляющий сам предмет сообщения (информации первого рода) и дополнительной информации (информации второго рода), выделяет два компонента значения: *денотативный*, называющий понятие и *коннотативный*, связанный с условиями и участниками общения [2, с. 153].

М.В. Никитин в своем труде «Основы лингвистической теории значений» называет эти компоненты *когнитивным* и *прагматическим* соответственно, но интерпретирует их в более расширенной форме: «Первый относится к информации о мире на том или ином

его участке, как он представляется сам по себе, вне субъективной оценки, переживания его индивидом <...>. Второй компонент значения относится к информации о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта, субъективной установке индивида на этот факт» [9, с. 20, 21].

В.Н. Телия предлагает макрокомпонентную структуру значения, состоящую из шести блоков:

- 1) *грамматический макрокомпонент* (знание формальных языковых структур и операции с ними на поверхностном и глобальном уровнях);
- 2) *денотативный* или *дескриптивный макрокомпонент* (объективное содержание значения);
- 3) *оценочный макрокомпонент* (манипулирование единицами плана содержания языка);
- 4) *мотивационный макрокомпонент* (имеет дело с ассоциативным механизмом мышления);
- 5) *эмотивный макрокомпонент* (выражение субъектом определенного чувства к обозначаемой реалии);
- 6) *стилистический макрокомпонент* (несет сведения о социальных ролях, сфере и условиях общения) [15, с. 40].

Другой точки зрения по вопросу о структуре значения придерживается И.М. Кобозева. Автор в «Лексической семантике» пишет о *денотативном* (не только воспринимаемые объекты внеязыковой деятельности, но и другие виды означаемые – чувства, эмоции и т. д.), *сигнификативном* (существенные признаки), *прагматическом* (информация об отношении человека к адресату сообщения; тип лексической информации данного компонента – коннотация (или семантические ассоциации) и *синтаксическом* компонентах [3, с. 81].

И.А. Стернин утверждает, что «значение нелимитируемо, то есть не может быть описано исчерпывающим набором семантических компонентов и не имеет четко очерченных границ» [11, с. 34]. Однако в монографии «Проблемы анализа структуры значения слова» автор все же выделяет *денотативный* (предметно-логическая часть значения), *коннотативный* (отражение в значении акта общения,

а также отношения говорящего к предмету речи или участникам акта речи), селективный (отражение в значении правил употребления знака в языке) и *эмпирический* (обобщенное представление о референтах знака) компоненты лексического значения [12, с. 30].

На основе изложенного справедливо констатировать, что единое мнение среди ученых о структуре значения отсутствует. В нашей работе в качестве основополагающей взята теория о его двухкомпонентном составе по М.В. Никитину [9].

Так как предметом исследования являются ИВС как источник коннотации, необходимым представляется изучение, во-первых, *способа формирования ими коннотативных значений* и, во-вторых, *влияние этого значения на семантику слова или выражения в целом*.

Продуктивным источником для обоснования первой проблемы является теория проекций, предложенная М. Блэком. В ходе изучения метафоры автор получает следующие результаты, актуальные для нашей работы: во-первых, метафорическое высказывание имеет *главный субъект* (principal subject) и *вспомогательный субъект* (subsidiary subject); во-вторых, эти субъекты рассматриваются как система; в-третьих, метафора функционирует на основании системы *ассоциируемых импликаций* или *общепринятых ассоциаций*, которые переносятся от вспомогательного субъекта к главному субъекту; в-четвертых, все это влечет за собой сдвиг значения [17, с. 291]. Применяя данные тезисы к ИВС, становится ясно, что главный субъект проецируется на вспомогательный субъект на основе некоторого сходства (эпитет, метафора, олицетворение), смежности (метонимия, синекдоха, гипербола) и прямой противоположности (антитеза), исходя из различных типов ассоциаций по М.М. Покровскому (ассоциации по смежности, по сходству, по прямой противоположности, на основе сходства формы слова) [10] и Г.А. Мартиновичу (ассоциации по смежности и ассоциации по сходству) [7].

В свою очередь, В.Н. Телия подчеркивает что «ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования <...> метафоры, метонимии, гиперболы и т.п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и

прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе «восхождения» от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению» [14, с. 173].

Проиллюстрируем данные рассуждения с помощью примера:

I am the door: by me if any man enter in, he shall be saved, and shall go in and out, and find pasture (John 10:9).

В этом предложении коннотативное значение материализуется в развернутой метафоре, выбор которой нацелен на ассоциативное переосмысление исходного значения. Эффект метафорического использования слова «*door*» применительно к сыну Божьему состоит в актуализации ассоциации по сходству. Если Иисус Христос – дверь, то исходя из трактовки лексемы «*door*», представленной в английском толковом словаре («the part of a building, room, vehicle, or piece of furniture that you open or close to get inside it or out of it» [18]), он является переходом в мир добра и справедливости. Обращение приобретает максимальную силу за счет использования антитезы «*shall go in and out*» и полисиндетона «*and shall go in and out, and find pasture*».

Что касается связи коннотации значения с ее денотацией, то в этом отношении важным является замечание И.В. Арнольд, которая пишет, что информация первого и второго рода, денотативные и коннотативные значения, субъективное и объективное в сообщении в тексте образуют единство и разные стороны одного целого» [2, с. 15, 16]. При этом, как отмечает А.Н. Маслова «коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубокий смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину» [8, с. 56], а по мнению Ю.Д. Апресяна, коннотация даже характеризует исходные значения слов [1].

В рамках предлагаемого исследования коннотация ИВС детерминируется их функциями. Основываясь на типах функций, предложенных И.В. Арнольд, которая разделяет их на две группы в зависимости от *типа информации*: интеллектуально-коммуникативные

и коннотативные функции (*эмотивную, волюнтативную, аппелятивную, фатическую и эстетическую функции*) [2, с. 15]. В ходе анализа ИВС, создающих доминанту в англоязычном тексте Библии короля Якова выявлены их коннотативные функции: **волюнтативная, аппелятивная и эмотивная**. Рассмотрим реализацию этих функций на конкретных примерах.

Волюнтативная функция ставит своей целью призвать, побудить и убедить адресата совершать положительные и правильные действия и поступки с точки зрения религии.

Обратимся к репрезентативным примерам функционирования эпитета:

This is the portion of a wicked man with God, and the heritage of oppressors, which they shall receive of the Almighty. (Job 27:13)

В предложении употребляется эпитет с положительной семантикой «*Almighty*», характеризующее Всевышнего как всемогущего, который, несомненно, заставляет адресата задуматься о вере.

Прекрасным воздействующим потенциалом обладает и персонификация, что можно проиллюстрировать следующим высказыванием:

So shall my righteousness answer for me in time to come, when it shall come for my hire before thy face... (Genesis 30:33)

Персонификация основана на сочетании глагола «*answer*» с нейтральной коннотацией и неодушевленного существительного «*righteousness*», относящегося к Иакову. В рамках такой персонификации представлена вербализация общечеловеческой ценности – справедливость.

Реализация **аппелятивной функции**, под которой, вслед за И.В. Арнольд, будем понимать привлечение внимания адресата, побуждение его к восприятию сообщения [2, с. 192] прослеживается в следующем примере:

And they brought up an evil report of the land which they had searched unto the children of Israel... (Numbers 13:32)

В данном случае употребляется эпитет с отрицательной семантикой «*evil*», определяющее весть или послание как негативное или неприятное, что заставляет реципиента насторожиться и задуматься о дальнейшем ходе событий.

Проанализируем функциональную реализацию антитезы, в составе которой в контексте анализируемой Библии превалируют противопоставления следующих контрастирующих пар: «*good*» и «*evil*», «*light*» и «*darkness*», «*heaven*» и «*earth*», «*male*» и «*female*», «*sons*» и «*daughters*», «*day*» и «*night*», «*summer*» и «*winter*» и других, например:

While the earth remaineth, seedtime and harvest, and cold and heat, and summer and winter, and day and night shall not cease (Genesis 8:22).

Оппозицию в данном случае составляют антонимичные пары «*seedtime*» и «*harvest*», «*cold*» и «*heat*», «*summer*» и «*winter*», «*day*» и «*night*», использование которых привлекает внимание реципиента и позволяет донести до него большой объем информации, а употребление полисиндетона «...*and harvest, and cold and heat, and summer and winter, and day and night...*» позволяет удержать это внимание.

И, наконец, последней, но не менее важной, является **эмотивная функция**. Она заключается в том, что ИВС указывают на повышенное проявление характеристик Всевышнего или каких-либо человеческих ценностей и, соответственно, вызывают эмоции у реципиента. Например, использование эпитета «*LORD*» к Всевышнему идентифицирует его как владыку и повелителя:

Thus saith the LORD of hosts; It shall yet come to pass, that there shall come people, and the inhabitants of many cities (Zechariach 8:20).

Методом выборки с заданными параметрами с помощью конкорданса Библии короля Якова определено 5575 случаев употребления выделенной заглавными буквами лексики «*LORD*». Ее употребление оказывает воздействие на реципиента, а равномерное распределение по всему корпусу библейского текста дает возможность сохранить эмоциональное состояние, производимое на него.

Проанализируем еще один пример

Every word of God is pure: he is a shield unto them that put their trust in him (Proverbs 30:5).

Интерпретируя метафоризацию в терминах А.П. Чудинова, отметим, что она основана на взаимодействии одной ментальной сферы (сферы-источника) «*God*» и другой сферы (сферы-магнита) – «*shield*». Используя формулу метафоры «*X подобен Y*», предложен-

ную А.П. Чудиновым [16, с. 70], отношение между компонентами анализируемой метафоры можно представить следующим образом: «Всевышний подобен щиту». Следовательно, Бог характеризуется как опора и защита человека. Употребление в первой части этого предложения эпитета «*pure*» к слову Божьему служит своего рода доказательством такого соотношения.

Обратимся к другим ярким примерам функционирования метафоры: *Simeon and Levi are brethren; instruments of cruelty are in their habitations (Genesis 49:5)*.

Использование метафоры «*instruments of cruelty are in their habitations*» позволяет с большей выразительностью и эмоциональностью передать информацию о том, что сыновья Иакова Семион и Левий являются искусными войнами.

And they set on for him by himself, <...> because the Egyptians might not eat bread with the Hebrews; for that is an abomination unto the Egyptians (Genesis 43:32).

В этом предложении метафора «*for that is an abomination unto the Egyptians*» позволяет выразить неприязнь египтян к евреям, а метонимия «*the Egyptians might not eat bread with the Hebrews*» подчеркивает остроту этой неприязни и ненависти.

Таким образом, выстраивается следующий алгоритм создания ЯКМ в англоязычном библейском тексте: ИВС формируют коннотативную нагрузку значения путем возбуждения сети ассоциаций (ассоциации по сходству – эпитет, метафора, олицетворение; ассоциации по смежности – метонимия, синекдоха, гипербола; ассоциации по прямой противоположности – антитеза). Выполняемые ими функции (аппелятивная, волюнтаривная и эмотивная) подтверждают их влияние на семантику слова и роль в реконструкции библейской ЯКМ.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М.: Наука, 1992. С. 45–64.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.

3. Кобозева И.М. Лексическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича. Изд. 2-е, доп. М: Эдиториал УРСС, 2005. 128 с.
5. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
6. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. Москва: Смысл. 2000. 508 с.
7. Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // *Филологические науки*, 1989, № 3. С. 39–45.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия». 2001. 208 с.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значений. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
10. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. 382 с.
11. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 137 с.
12. Стернин И.А. Проблемы анализа структурного значения слова. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1979. 122 с.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1986. 142 с.
14. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
15. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых значений: монография. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
16. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.
17. Black M. Metaphor. URL: <http://www.jstor.org/stable/4544549> (дата обращения: 15.08.2017).
18. Cambridge dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.08.2017).

19. King James Bible. URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org> (дата обращения: 02.04.2017).

References

1. Apresjan Ju.D. Konnotacii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskiy aspekt) [Connotations as part of the pragmatics of the word (lexicographical aspect)]. *Russkij jazyk. Problema grammaticheskoy semantiki i ocenochnye faktory v jazyke* [Russian language. The problem of grammatical semantics and evaluation factors in the language]. M.: Nauka, 1992, pp. 45–64.
2. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskiy jazyk* [Stylistics. Modern English]. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
3. Kobozeva I.M. *Leksicheskaja semantika* [Lexical semantics]. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p.
4. Kolshanskiy G.V. *Objektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke* [Objective picture of the world in cognition and language] / Ed. A.M. Shahnarovich. Predisl. S.I. Mel'nik and A.M. Shahnaronicha. M: Editorial URSS, 2005. 128 p.
5. Komlev N.G. *Komponenty sodержatel'noj struktury slova* [Components of the word content structure]. M.: KomKniga, 2006. 192 p.
6. Leont'ev A.N. *Lekcii po obshhej psihologii* [Lectures on General Psychology]. Moskva: Smysl. 2000. 508 p.
7. Martinovich G.A. Verbal'nye associacii i organizacija leksikona cheloveka [Verbal associations and organization of human vocabulary]. *Filologicheskie nauki*, 1989, № 3, pp. 39–45.
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Cultural Linguistics]. M.: Izdatel'skiy centr «Akademija». 2001. 208 p.
9. Nikitin M.V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znachenij* [Fundamentals of the linguistic theory of meanings]. M.: Vysshaja shkola, 1988. 168 p.
10. Pokrovskij M.M. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. M: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1959. 382 p.
11. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of the word in speech]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985. 137 p.
12. Sternin I.A. *Problemy analiza strukturnogo znachenija slova* [The issues of analysis of the word structural meaning]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1979. 122 p.

13. Telija V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [Connotative aspect of nominative units semantics]. / Ed. A. A. Ufimceva. M.: Nauka, 1986. 142 p.
14. Telija V.N. Metaforizacija i ee rol' v sozdanii russkoj jazykovoj kartiny mira [Metaphorization and its role in creating the Russian language picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language: Language and the world picture] / Ed. B.A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988, pp. 173–204.
15. Telija V.N. *Mehanizmy jekspressivnoj okraski jazykovyh znachenij: monografija* [Mechanisms of linguistic meanings expressive coloring: monograph]. M.: Nauka, 1991, pp. 36–66.
16. Chudinov A.P. *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii: monografija* [Metaphorical mosaic in modern political communication: monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2003. 248 p.
17. Black M. Metaphor. <http://www.jstor.org/stable/4544549>
18. Cambridge dictionary. <http://dictionary.cambridge.org>
19. King James Bible. <http://www.kingjamesbibleonline.org>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ермейчук Наталья Андреевна, аспирант кафедры английской филологии
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
Петербургское ш., 10, Пушкин, Ленинградская обл., 196605,
Российская Федерация
natali555777@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ermeychuk Natalia Andreevna, post-graduate Student, Department of English Philology
Leningrad State University named by A.S. Pushkin
10, Peterburgskoe sh., Pushkin, Leningrad Region, 196605, Russian Federation
natali555777@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-86-95

УДК 811.111'367

**ОБРАЗ СОБЫТИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)**

Чепурная А.И.

***Цель.** Статья посвящена анализу стратегий интерпретации и модализации образа события в американских средствах массовой информации (на примере крушения рейса МН17).*

***Метод или методология проведения работы.** В ходе исследования использовались методы дискурс-, контент- и лексикографического анализа.*

***Результаты.** В результате исследования были выявлены следующие стратегии модализации анализируемого образа события в американском медиадискурсе, направленные на управление процессом восприятия события аудиторией: имажинеринг-драматизация, атрибуция ответственности, тематическая подача информации, семантическое манипулирование.*

***Область применения результатов.** Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области языкознания, когнитивной лингвистики, журналистики и кризисной коммуникации, а также в рамках учебных курсов по этим направлениям.*

***Ключевые слова:** интерпретация; медиадискурс; модализация; образ события; стратегия модализации.*

**EVENT IMAGE:
INTERPRETATION OF REALITY IN MEDIA DISCOURSE
(BASED ON THE AMERICAN MEDIA)**

Chepurnaya A.I.

***Objective.** The article deals with an analysis of strategies of interpretation and modalization of an event image in the American mass media (on the example of MN17 flight crash).*

Methods and methodology. *The methods of discourse, content and lexicographic analysis were used in the research.*

Results. *As a result of the research, the following strategies of modalization of the analyzed event image in the American media discourse were revealed, aimed at managing the process of the event perception by the audience: imagineering-dramatization, responsibility attribution, thematic framing, and semantic manipulation.*

Scope of results application. *Research materials can be used by specialists in the field of linguistics, cognitive linguistics, journalism and crisis communication, within training courses in these areas.*

Keywords: *interpretation; media discourse; modalization; event image; modalization strategy.*

Средства массовой информации выступают мощным инструментом формирования общественного мнения и конструирования социальной реальности, важным средством информирования массовой аудитории о событиях реального мира. Событие является фрагментом действительности, обладающим внутренней структурой с такими неотъемлемыми характеристиками, как субъект, средства, объект, время, обстоятельства или условия, причина, цель и результат [4, с. 51]. Событие как феномен объективно существующей действительности не может быть обличено в словесную форму. В сущности, с помощью языковых средств в медиадискурсе транслируется образ события, принадлежащий психической сфере журналиста и являющийся результатом когнитивной обработки параметров события.

Задача журналиста заключается в обеспечении объективного и достоверного образа события, однако процесс формирования последнего, как и его дальнейшая вербализация, не свободны от возможных деформаций, как намеренных, так и ненамеренных [там же, с. 52]. Причинами ненамеренных деформаций могут быть внутренние и внешние (по отношению к психической сфере субъекта) факторы. Первые обусловлены особенностями когнитивной деятельности человека, поскольку, как отмечает Е.Г. Беляевская,

«восприятие человеком окружающей действительности является интерпретационным. Это означает, что благодаря особенностям отражательной способности мозга сознание фиксирует не ту информацию, которую могли бы дать точные физические приборы, регистрирующие параметры окружающей среды, но данные, которые необходимы человеку для обеспечения жизнедеятельности и принятия адекватных решений в соответствующей ситуации» [1, с. 5]. Внешними причинами ненамеренных деформаций образа события могут выступать, например, недоступность полной информации обо всех характеристиках события, неадекватная вербальная презентация и др. Основаниями намеренных деформаций могут быть политические взгляды автора, социальный статус, коммуникативные интенции, особенности медиасистемы государства, поскольку «media framing is also determined by the media system in the country in which the media operate» (фрейминг событий в массмедиа определяется также медиасистемой страны, в которой они функционируют) (здесь и далее перевод наш. – А.Ч.) [19, с. 361].

Следовательно, образ события является индивидуальным продуктом психической деятельности субъекта речи-мысли, интерпретацией, что, очевидно, обуславливает возможность существования разных вариантов образа события у разных авторов. Перенос образа события из области психического в область дискурсивного сопровождается модализацией, под которой, согласно концепции И.А. Якобы, «понимается процесс передачи интенционального состояния, репрезентации своих убеждений, мотивов, оценок, стремление «заразить» ими адресата так, чтобы оно соответствовало желаниям говорящего» [5, с. 89]. «Отбираемая для публикации фактуальная сторона сообщения определяется модусом установочного целеполагания (тем, что необходимо, возможно или желательно показать)» [там же, с. 88], а текст представляет собой «многослойное иерархическое образование», объединяющее дескриптивную и модусную составляющие [2, с. 53].

Настоящее исследование посвящено анализу медиаобраза авиакатастрофы MH17 Malaysia Airlines (17.07.2014 г., Украина), кото-

рая широко освещалась в средствах массовой информации, стала предметом обсуждений и научного исследования, в том числе с позиций лингвистики [5], журналистики [14] и кризисной коммуникации [12, 8]. В качестве материала исследования были выбраны американские средства массовой информации (канал CNN) с целью анализа стратегий интерпретации и модализации события крушения рейса МН17. Определение стратегий проводилось с опорой на типологии коммуникативных стратегий и лингвокогнитивных механизмов, разработанных в рамках теорий кризисной и массовой коммуникации, исследований дискурса, а именно стратегии, предложенные в ситуационной теории кризисной коммуникации (SCCT) Т. Кумбса [9, 10], теории восстановления имиджа (IRT) В. Бенуа [20], стратегии тематической или эпизодической подачи информации [11], лингвокогнитивные механизмы «умной» настройки дискурса [6], метод семантического манипулирования [3].

В результате исследования было выявлено использование четырех стратегий модализации образа события: имажинеринг-драматизация, атрибуция ответственности, тематическая подача информации, семантическое манипулирование.

Стратегия имажинеринг-драматизации (т.е. «создание отрицательного имиджа, нагнетание негативных эмоций по отношению к какому-либо факту, событию, человеку, коллективу, государству, народу и т.д.» [6, с. 271]) может рассматриваться как гиперстратегия в медиадискурсе CNN при освещении крушения рейса МН17 в том смысле, что она является доминирующей, определяет вектор модализации события, и именно на ее реализацию, как представляется, направлено использование трех других стратегий. Ее суть заключается в представлении России как агрессора, мировой угрозы: *“Putin and the Russian government “have to make a strategic decision,” Obama said on Friday. “Are they going to continue to support violent separatists whose intent is to undermine the government of Ukraine?” <...> “If he [Putin] ever had an intention of backing off, this could be an opportunity for him to do that,” another U.S. official said. “I don’t think he does have that intention, though.” <...> “This is very likely to*

harden views that Russia is not a problem,” one official said. “If there were any Europeans who believe it had nothing to do with them, that Ukraine was merely a local issue, that will change” [13].

Стратегия атрибуции ответственности в проанализированных фрагментах медиадискурса CNN при представлении крушения рейса МН17 реализуется через возложение ответственности за произошедшее на Россию: *Russian President Vladimir Putin bears at least some responsibility for the shooting down of Malaysia Airlines Flight МН17, former U.S. Secretary of State Hillary Clinton said Friday. <...> Clinton’s comments come just over a week since Flight МН17 crashed in eastern Ukraine, killing all 298 on board. Pro-Russian militants have been accused of downing the plane using Russia-supplied armaments and of interfering with the subsequent investigation at the crash site [15].*

Стратегия тематической подачи информации. Как отмечает Ш. Айенгар, форма подачи информации в СМИ оказывает значительное влияние на атрибуцию ответственности со стороны общества. Так, при эпизодической подаче информации общественность менее склонна возлагать ответственность за описываемые проблемы на правительство и политических деятелей, тогда как при тематическом представлении события, т.е. помещении его в более широкий контекст, проявляется обратная тенденция [11]. В проанализированном материале преобладает тематическое освещение авиакатастрофы МН17, а именно ее представление в контексте украинского кризиса: *In all, the nearly 300 victims hailed from more than 10 countries, leaving nations mourning and politicians debating how to deal with Moscow, whose ties with the Ukrainian rebels suspected of downing the jet on July 17 are being cast in the most negative light. The tragedy has stirred European officials to look at new action against a country that is crucial to their economies. <...> On July 16, the U.S. imposed its harshest sanctions yet on Russia over its annexation of Crimea, and what the Obama administration said was Russia’s failure to end the Ukraine conflict [17].*

Стратегия семантического манипулирования заключается во влиянии на восприятие информации за счет использования лекси-

ческих единиц, вызывающих в сознании аудитории положительные или отрицательные ассоциации [3]. Так, группа людей на востоке Украины, оказывающих сопротивление официальному правительству, обозначается с использованием лексем ‘rebels’ (повстанцы), ‘separatists’ (сепаратисты), ‘militants’ (бойцы), часто с определениями ‘pro-Russia(n)’ (пророссийские), ‘Russian-backed’ (поддерживаемые Россией): *The horrifying crash of Malaysia Airlines Flight 17 has put the pro-Russia rebels operating in Ukraine’s eastern regions center stage – and raised all kinds of questions about who they are, what they want and who’s in charge* [18]. Анализ лексикографических источников показал присутствие в семантической структуре указанных единиц компонентов значения «вооруженный», «сепаратистский», «насилованный», «конфронтационный» [16]. Отметим, что в российских СМИ употребляется обозначение «ополченцы», которое задает противоположный вектор модализации, поскольку, как указывает В.А. Белов, «в историческом сознании российского человека несет положительную стилистическую окраску (например, народное ополчение Минина и Пожарского, народное ополчение 1812 года), символизируя освобождение от захватчиков» [7, с. 393].

Таким образом, использование стратегий модализации позволяет задать систему координат для восприятия события аудиторией, сформировать у адресата желаемый образ события.

Список литературы

1. Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 5–13.
2. Дускаева Л.Р., Краснова Т.И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 51–58.
3. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 260 с.
4. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами

- [Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского]. М.: Медя, 2004. 328 с.
5. Якоба И.А. Модусная ориентированность при интерпретации событий-аттракторов медийного дискурса (на примере ситуации крушения самолета МН17 Malaysia Airlines) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 88–95.
 6. Якоба И.А., Тимофеев С.С. К. Маркс как эффективный дискурсолог XX века: лингво-когнитивные механизмы «умной» настройки дискурса // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2015. № 1. С. 270–274.
 7. Belov V. Некоторые лексические процессы в российском политическом дискурсе (на материале российских Интернет-газет) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2017. Vol. 72 (2). С. 383–411.
 8. Chepurnaya A. Strategies and means of presenting a crisis event in modern media // International Journal of Crisis Communication. 2017. Vol. 1 (1). С. 9–15.
 9. Coombs W.T. Choosing the right words: The development of guidelines for the selection of the “appropriate” crisis-response strategies // Management Communication Quarterly. 1995. Vol. 8 (4). С. 447–476.
 10. Coombs W.T. Parameters for crisis communication // The handbook of crisis communication [Ed. by W.T. Coombs, S.J. Holladay]. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. С. 17–53.
 11. Iyengar S. Is anyone responsible? How television frames political issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 195 с.
 12. Jong W., Dückers M.L.A., van der Velden P.G. Crisis leadership by mayors: A qualitative content analysis of newspapers and social media on the MH17 disaster // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2016. Vol. 24 (4). С. 286–295.
 13. Labott E. Jet downing a ‘game-changer’ in world relations with Russia. URL: <http://edition.cnn.com/2014/07/18/politics/russia-ukraine-world-relations/index.html> (дата обращения: 29.01.2018).
 14. Latif R.A. Errors of judgement in reporting the MH17 tragedy // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities. 2015. Vol. 23 (July). С. 155–168.
 15. Miks J. Hillary Clinton: Putin ‘bears responsibility’ in downing of MH17. URL: <https://edition.cnn.com/2014/07/25/world/europe/hillary-clinton-vladimir-putin-mh17/index.html> (дата обращения: 29.01.2018).

16. Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/rebel> (дата обращения: 30.01.2018).
17. Sanchez R. Things to know about Russia and sanctions. URL: <http://edition.cnn.com/2014/07/24/world/europe/russia-sanctions-explainer/index.html> (дата обращения: 29.01.2018).
18. Smith-Spark L. Who are Ukraine's pro-Russia rebels? URL: <https://edition.cnn.com/2014/07/22/world/europe/ukraine-rebels-explainer/index.html> (дата обращения: 30.01.2018).
19. Valentini C., Romenti S. The press and Alitalia's 2008 crisis: Issues, tones, and frames // *Public Relations Review*. 2011. Vol. 37 (4). С. 360–365.
20. Zhang J., Benoit W.L. Message strategies of Saudi Arabia's image restoration campaign after 9/11 // *Public Relations Review*. 2004. Vol. 30 (2). С. 161–167.

References

1. Beljaevskaja E.G. Medijnyj diskurs: kognitivnye modeli interpretacii sobytija (na materiale anglijskogo jazyka) [Media discourse: Cognitive models of an event interpretation (on the material of the English language)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no 3 (044) (2015), pp. 5–13.
2. Duskaeva L.R., Krasnova T.I. Intencional'nost' i modalizacija mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshhenija) [Intentionality and modalization of a media text in the context of culture (generalization experience)]. *Politicheskaja lingvistika*, no 3 (2014), pp. 51–58.
3. Panarin I.N. *SMI, propaganda i informacionnye vojny* [Media, propaganda and information wars]. Moscow: Pokolenie, 2012. 260 p.
4. *Ponjatija chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: Spornye teksty SMI i problemy ih analiza i ocenki juristami i lingvistami* [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists] [Ed. by A.K. Simonov, M.V. Gorbanevskij]. Moscow: Medeja, 2004. 328 p.
5. Jakoba I.A. Modusnaja orientirovannost' pri interpretacii sobytij-attraktorov medijnogo diskursa (na primere situacii krushenija samoleta MH17 Malaysia Airlines) [Modus orientation in the interpretation of

- events-attractors in media discourse (on the example of MH17 Malaysia Airlines crash)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, no 3 (41) (2016), pp. 88–95.
6. Jakoba I.A., Timofeev S.S. K. Marks kak jeffektivnyj diskursolog XX veka: lingvo-kognitivnye mehanizmy «umnoj» nastrojki diskursa [K. Marx as an effective discourse analyst of XX century: Lingvo-cognitive mechanisms of “smart” discourse tuning]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shuhova*, no 1 (2015), pp. 270–274.
 7. Belov V. Nekotorye leksicheskie processy v rossijskom politicheskom diskurse (na materiale rossijskih Internet-gazet) [Some lexical processes in Russian political discourse (on the material of Russian Internet newspapers)]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, no 72 (2) (2017), pp. 383–411.
 8. Chepurnaya A. Strategies and means of presenting a crisis event in modern media. *International Journal of Crisis Communication*, no 1 (1) (2017), pp. 9–15.
 9. Coombs W.T. Choosing the right words: The development of guidelines for the selection of the “appropriate” crisis-response strategies. *Management Communication Quarterly*, no 8 (4) (1995), pp. 447–476.
 10. Coombs W.T. Parameters for crisis communication. The handbook of crisis communication / Ed. by W.T. Coombs, S.J. Holladay. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010, pp. 17–53.
 11. Iyengar S. Is anyone responsible? How television frames political issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991, 195 p.
 12. Jong W., Dückers M.L.A., van der Velden P.G. Crisis leadership by mayors: A qualitative content analysis of newspapers and social media on the MH17 disaster. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, no 24 (4) (2016), pp. 286–295.
 13. Labott E. Jet downing a ‘game-changer’ in world relations with Russia. <http://edition.cnn.com/2014/07/18/politics/russia-ukraine-world-relations/index.html> (accessed January 29, 2018).
 14. Latif R.A. Errors of judgement in reporting the MH17 tragedy. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, no 23 (July) (2015), pp. 155–168.

15. Miks J. Hillary Clinton: Putin ‘bears responsibility’ in downing of MH17. <https://edition.cnn.com/2014/07/25/world/europe/hillary-clinton-vladimir-putin-mh17/index.html> (accessed January 29, 2018).
16. Oxford Dictionaries. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/rebel> (accessed January 30, 2018).
17. Sanchez R. Things to know about Russia and sanctions. <http://edition.cnn.com/2014/07/24/world/europe/russia-sanctions-explainer/index.html> (accessed January 29, 2018).
18. Smith-Spark L. Who are Ukraine’s pro-Russia rebels? <https://edition.cnn.com/2014/07/22/world/europe/ukraine-rebels-explainer/index.html> (accessed January 30, 2018).
19. Valentini C., Romenti S. The press and Alitalia’s 2008 crisis: Issues, tones, and frames. *Public Relations Review*, no 37 (4) (2011), pp. 360–365.
20. Zhang J., Benoit W.L. Message strategies of Saudi Arabia’s image restoration campaign after 9/11. *Public Relations Review*, no 30 (2) (2004), pp. 161–167.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чепурная Алена Ивановна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
*Ставропольский государственный аграрный университет
пер. Зоотехнический, 12, г. Ставрополь, Ставропольский край, 355017, Российская Федерация
alena-chep@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chepurnaya Alena Ivanovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
*Stavropol State Agrarian University
12, Zootekhnicheskyy Ln, Stavropol, Stavropol Region, 355017, Russian Federation
alena-chep@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3329-0070
ResearcherID: C-5141-2013
Scopus Author ID: 56285833500*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-96-108

УДК 811.161.1

МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Магомедгаджиева П.Н., Магомедова Л.А.

Связь между историей языка и историей общества состоит в том, что существуют особенности языка и языковых ситуаций, соответствующие определенным ступеням этносоциальной истории общества. В статье анализируются англоязычные заимствования политического дискурса медиа-текстов в русском языке рубежа веков, процессы их адаптации и функционирования.

Заимствование является одним из самых динамических процессов русского языка, и в связи с активными общественно-политическими процессами в российском обществе исследование пласта заимствованной политической лексики представляется наиболее актуальным и интересным.

Цель: *описание заимствованной лексики в русском политическом медиа-дискурсе конца XX – начала XXI вв. и проведение ее тематической классификации.*

Методы исследования. *Реализация цели и задач осуществляется с помощью описательного (приемы наблюдения, обобщения, типологизации исследуемого материала), сопоставительного и социолингвистического методов.*

Научная новизна *заключается в описании и классификации заимствованной политической лексики медиа-текстов как направления современных лингвистических исследований.*

Результаты. *Расширение русского лексического фонда рубежа веков происходит как за счет актуализации старых политических лексем, так и посредством использования в медиа-текстах новых иноязычных слов. Это дает возможность показать тенденции языкового развития, говорить о соотношении внутриязы-*

ковых и экстралингвистических факторов в определенные этапы развития.

Область применения результатов. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания лексикологии, неологии, а также в спецкурсах, посвященных проблемам межкультурной коммуникации и иноязычных заимствований в русском языке.

Ключевые слова: лексика; заимствования; англицизм; политика; дискурс; термин; медиа-текст; глобализация.

MEDIA-POLITICAL BORROWINGS IN THE SYSTEM OF CONTEMPORARY COMMUNICATION

Magomedgadzhieva P.N., Magomedova L.A.

The connection between the history of language and the history of society is that there are features of language and language situations that correspond to certain stages of the ethno-social history of society. The article analyzes the English-language borrowings of the political discourse of media texts in the Russian language of the turn of the century, the processes of their adaptation and functioning.

Relevance. *Borrowing is one of the most dynamic processes in the Russian language, and studying the layer of borrowed political vocabulary is most interesting and relevant in view of the active socio-political processes going on in Russian society.*

Purpose. *The authors are aimed at providing a description of the borrowed vocabulary in the Russian political media discourse at the end of the 20th and early 21st centuries as well as perform its thematic classification.*

Methods of research. *The realization of the goal and tasks is carried out with the help of the descriptive method that includes methods of observation, generalization, typology of the material being studied, as well as the comparative and sociolinguistic methods.*

The scientific novelty *lies in the description and classification of the borrowed political vocabulary of media texts as a direction of modern linguistic research.*

Results. *The expansion of the Russian lexical fund of the turn of the century is due both to the actualization of old political lexemes and through the use of new foreign words in media texts. This makes it possible to show the trends of linguistic development, to talk about the correlation of intralinguistic and extralinguistic factors in certain stages of development.*

Practical implications. *The materials and results of the research can be used in the practice of teaching lexicology, neology, and also in special courses on the problems of intercultural communication and foreign language borrowings in the Russian language.*

Keywords: *vocabulary; borrowing; Anglicism; politics; discourse; term; media text; globalization.*

Активность политических процессов в последние 100 лет в российском обществе и государстве, связанная с глобальными социальными потрясениями, интенсивными изменениями в мировой политике и экономике обусловила всевозрастающий интерес к исследованиям политической лексики. Лексика – это наиболее восприимчивый пласт языковой системы, фиксирующий все изменения в жизни общества. Наиболее заметное влияние внешние факторы оказывают именно на политическую лексику. История языка – это история культуры и политики, политическая история.

Заемствование – один из самых динамических процессов современного русского языка, и в связи с активными общественно-политическими процессами в российском обществе и государстве в период конца XX – н. XXI вв. пласт заимствованной политической лексики в этом плане наиболее интересен и актуален. Заимствования являются результатом коммуникации, взаимодействия языков и культур. Одним из наиболее значимых в языковой картине современной России нам представляется социополитический аспект.

Период рубежа веков отмечен кардинальными изменениями в мировой экономике, политике и культуре, вызванными процессом глобализации. Актуальные вопросы глобализации обсуждаются в медиа-текстах, в выступлениях политических лидеров, экономистов, бизнесменов, ученых.

В научной лингвистической литературе исследуются различные аспекты проблемы политической лексики в русском языке. Это работы А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова (1991), Е.И. Шейгал (2000), Л.П. Крысина (2000,2008), Е.В. Сенько (2000), Н.С. Валгиной (2001), Грушевской Т.Т. (2002), М.В. Китайгородской (2003), Е.В. Какориной (2003), А.П. Чудинова (2006), О.В. Загоровской (2008), С.В. Ивановой (2008), И.О. Ткачева (2008), Э.В. Будаева (2010), Г.А. Гришенковой (2013) и др.

Политическая лексика – один из элементов глобальной коммуникации. Использование этой лексики не должно вызывать неоднозначной трактовки событий, их оценки и неадекватной эмоциональной реакции на них. Язык политики – это синтез лексических средств выражения политических интересов и взглядов, которые используются для контактов между политиками и народом, т.е. совокупность политической терминологии.

Реализация общественно-политической лексики имеет особое значение в СМИ. Язык политики близок газете своей понятностью, доступностью, что включается в ее функциональный признак. Другой важной особенностью является ее социально-оценочный характер, свидетельствующий о языковой реакции на существующие или зарождающиеся социальные проблемы в обществе.

Для определения границ рассматриваемого разряда слов, уточнения, какие же слова из всего потока новой лексики, появившиеся в начале нового столетия, правомерно относить в разряд политической, вероятно, следует иметь устоявшиеся критерии. Многие лингвисты основным показателем, служащим для отграничения языка политики от других семантических групп, отмечают смысловую связь слова с общественно-политической сферой [3; 4; 9]. Принимая во внимание многослойность данной сферы, исследователи классифицируют этот пласт лексики с учетом тематического подхода.

По мнению Е.В. Розен, состав политического словаря определяют, с одной стороны, тенденция к точности и однозначности, с другой, – тенденция к экспрессивности, эмоциональной оценочности [8, с. 95].

Основной функцией современного языка политики является функция управления общественным мнением. Такая нацеленность языка политики создала своеобразный арсенал лексических средств языкового воздействия на массовое сознание: политические метафоры, идеологические штампы, политические эвфемизмы. Эмоционально-оценочная лексика по своей природе, являясь одним из основных элементов языка политики, очень подвижна, часто ситуативна и неоднозначна по своей природе. Политические метафоры зачастую слишком тесно связаны с конкретным культурным фоном, чтобы быть адекватно понятыми представителями иных культур. Безусловно, одной из важных задач исследования политической лингвистики является выявление ориентированной политической лексики, т.е. определение границ лексического поля, предполагаемого для использования в глобальном политическом дискурсе.

Иноязычные источники пополняли и обогащали русский язык на протяжении всего процесса его исторического развития. Одни заимствования появились еще в древности, другие – в современный период. По мнению специалистов, сегодня в мире мало живых языков, избежавших значительного иноязычного влияния. Проблема заимствований остается дискуссионной как среди специалистов, так и широкой общественности. Известный исследователь современной лексики Г.П. Нецименко отмечает, что только учет коммуникативной составляющей позволяет задуматься над тем, влияет ли избыточный приток иноязычных слов на выполнение основной функции языка – обеспечение взаимопонимания в рамках этнической общности. Также важно и наличие политической составляющей, определяемой характером взаимоотношений с другими этносами, прагматической сменой тех или иных политических предпочтений [7, с. 1]. Большинство исследователей акцентируют внимание на проблемы выбора языка межнационального общения, изучения процесса глобального распространения английского языка, а также вопросы сохранения национальных языков и излишнего влияния на них английского языка. А.В. Зеленин, отмечая, что из всех языков на планете английский – самый гибкий и наиболее быстро реагиру-

ющий на меняющуюся реальность, утверждает, что доминирующая роль английского языка всегда сопряжена с некоторыми политическими выгодами англоговорящих стран [6, с. 94].

В современной русской языковой картине мира заимствования из английского языка представляют следующие сферы коммуникации: компьютерные технологии, экономика, политика, СМИ, культура, спорт и т.д. В настоящее время одним из главных критериев при оценке англицизмов является их функциональная значимость. Нами была проведена сплошная выборка материалов из печатных и электронных СМИ. Источниками фактического материала послужили периодические издания: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Московские новости», «Новая газета», «Литературная газета». Отобраны наиболее частотные случаи употребления этой лексики в языке масс-медиа. Количественный анализ лексем свидетельствует о том, что “наиболее открытыми” для проникновения заимствований являются сферы политики (~30% выборки) и экономики и финансов (~21%). Таким образом, наиболее отчетливо влияние экстралингвистических факторов в сфере неологизмов – заимствований наблюдается, прежде всего, в наиболее динамичных сферах социальной жизни – политической и экономической. Русский язык интегрирует сегодня много новых обозначений из английского языка. Многие заимствования сохраняют английское написание, но подчиняются русской орфографии.

Ни одна политическая власть не обходится без коммуникации, и потому политика немыслима без языка. Это и публичные выступления политиков, и вечерние политические ток-шоу, и предвыборные кампании, и обсуждения за столом переговоров и т.д. Освещение текущих политических событий, их «интерпретация» осуществляется в современных средствах массовой коммуникации именно посредством языка.

Политика проникла во все сферы общественной жизни: науку, экономику, религию, культуру, спорт и т.д. Наиболее чутким «индикатором» языковых изменений являются СМИ. Сегодня человек

живет и взаимодействует в медиа-пространстве. Изучение языка средств массовой информации как отражения речевой культуры и политики общества позволяет проиллюстрировать языковую картину мира современника.

Можно выделить два основных типа иноязычных слов по времени заимствования. Первый тип – заимствования относительно старые, актуализированные в последние годы в связи с изменением политической и экономической системы России. Второй тип – заимствования новые, появившиеся непосредственно на рубеже веков.

Характерными примерами первого типа являются слова: “*президент*”, “*мэр*”, “*префект*”, “*муниципалитет*”, “*губернатор*”, “*олигарх*”. Как новые воспринимаются в исследуемый период массовым сознанием некоторые слова, получившие в последнее десятилетие XX века широкое распространение в русском языке в связи с актуализацией для российской действительности обозначаемых ими понятий. Таковы слова – *легитимный*, *электорат*; например: “*У него стойкий электорат*” [КП., 28.04.01].

Говоря о политической лексике сегодня, мы можем распределить ее на следующие группы по сферам человеческой деятельности, сферам активного словоупотребления. Слова собственно политического дискурса:

1. Наименования лиц: *президент*, *премьер*, *спикер* – “*Если бы Путин взял в премьеры Примакова и дал ему карт-бланш...*” [КП, 28.04.01]; ведомств, органов и т.п.: *парламент*.

2. Собственно политическая терминология: *баллотироваться* – “...В. Путин, *баллотируясь* в президенты...” [РГ, 23.06.00]; *импичмент* – “...внести в повестку дня вопрос об *импичменте* президенту...” [КП, 28.04.01]; *импичмент* – «процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства с их последующей отставкой» [11, с. 89]; *инаугурация* – “После его *инаугурации*...” [РГ, 23.06.00]; *инаугурация* – «торжественная процедура вступления в должность главы государства» – [11, с. 91]; *лоббисты* – “Завоевывать верхнюю палату парламента уже активно ринулись представители политических партий, разного рода лоб-

бисты...” [КП, 27.01.01]; *рейтинг, референдум, электоральный, электорат* – “Одним из основных рейтингов является электоральный; хуже обстоит дело с электоральным антирейтингом” [КП, 28.04.01]; *электорат* – «избиратели, поддерживающие того или иного кандидата, голосующие за определенную политическую партию [12, с. 902]. “Сам факт приглашения на *саммит* «большой восьмерки» лидеров ряда африканских стран можно рассматривать как желание G-8 показать, что эта международная организация не собирается ограничиваться «проблемами богатых» [РГ, 03.06.03]; *саммит* – «встреча, переговоры глав государств; встреча на высшем уровне» [12, с. 602]; *олигарх, харизма, харизматический* – “Некоторые наблюдатели уже успели назвать РСПП “профсоюзом *олигархов*” [РГ, 23.06.00]; “... приморцев, разочаровавшихся в многолетних игрищах *харизматических* лидеров” [КП, 28.04.01]. Сегодня “*олигархи*” – представители отечественной финансовой олигархии – крупные бизнесмены, имеющие большое личное влияние на политический процесс. “В. Путин получил очевидный мандат на демонтаж *кланово-олигархической* системы...” [РГ, 23.06.00].

3. Наименования политических партий, движений: *национал-сепаратистский, плюралисты* – “...что выберут наши *плюралисты...*” [ЛГ, 28.04.-1.05.01].

4. Термины права, употребляемые в политическом дискурсе СМИ: *легитимный, федеральный, экстрадиция, экстрадировать, прайвэси*. “Теперь многие наблюдатели убеждены, что Скотланд-Ярд счел действия Генпрокуратуры за скрытый намек и предложил обмен *экстрадициями*: Лугового – в Лондон, Березовского – в Москву” [Русский Newsweek от 24.01.12]; “Знаменитое “*прайвэси*”, право на уединение и неприкосновенность...” [КП, 26.04.01].

Займствование “*легитимный*” выполняет не только номинативную функцию, но используется и в стилистических целях – придает тексту ироническую окраску, что характерно для газетного стиля. “– А единственный достаточно полномочный и *легитимный* орган власти – Мосгордума – страшно далек от горожан” [МК, 04.05.2009].

Некоторые политические термины не просто определить в ту или иную тематическую группу. Например, лексема *коррупция* имеет отношение, как к собственно политике, так и к экономике, а помимо этого – к уголовному праву. Среди приведенных примеров есть лексемы, являющиеся старыми заимствованиями. Ранее не актуальные слова *лобби*, *лоббист*, *парламент* – сегодня – часть российской действительности и входят в активную лексику СМИ. Под термином *лобби* понимаются депутаты законодательного органа власти, представляющие (лоббирующие) интересы той или иной финансовой, промышленной или национальной группы.

Частота употребления в СМИ интернациональной лексической единицы *пиар*, на наш взгляд, заключается в более свободном функционировании (*пиарщик*, *пиаровец*, *пиарный*, *пиарить*) и в уникальном усвоении русским языком английского варианта – PR: “**Пиар-усилия** российских властей убедить население страны и весь мир в том, что они проводят социально ориентированную политику и прилагают максимум усилий, чтобы смягчить последствия кризиса” [НГ, 31.03.2009]; “**Большим спросом также пользуются сейчас пиар-технологии**” [АиФ, 12.10.2008].

5. Экономические термины, употребляемые в политическом дискурсе СМИ: *дефолт* – “...последствия **дефолта**” [КП, 13.03.02]; *дилер*, *инвестиция*, *инфляция*, *коммерциализация*, *консалтинговый* “...сотрудников **консалтинговой** компании...” [КП., 26.04.01].

Неологизмы, образованные способом словообразования, также встречаются в текстах разных семантических групп. “**Деофшоризация** – проведение государством комплекса мероприятий в законодательной и информационной областях для снижения вовлеченности в национальный хозяйственный оборот резидентов под видом иностранных лиц” [МК, 22.05.13]. “Как рассказал «МК» декан филологического факультета Института русского языка им. Пушкина Андрей Щербаков, чаще всего к языковедам обращаются те, кто создает тексты. Это рекламщики, **пиарщики**, журналисты и **спичрайтеры**” [МК, 10.02.17]. **Спичрайтер** – (от англ. *Speechwriter: speech – речь, writer – писатель*) – составитель текстов

речей, выступлений для высокопоставленного лица (обычно политического или государственного деятеля) [12, с. 675].

Однако наиболее многочисленную группу новых лексических единиц составляют неологизмы общественно-политической сферы, в которой процессы номинации отличаются разнообразием языковых средств.

Современная политическая лексика активно используется в актуальных материалах СМИ, таких, как проблемы Евросоюза, партийные выборы, борьба с терроризмом, политические перевороты, реформы, экономические, военные союзы. Появлению новых заимствованных политических неологизмов способствуют такие значимые события, как миграция беженцев из стран Ближнего Востока, война в Сирии, сложная ситуация на Украине, мировой экономический кризис. Сложная ситуация с *евро* в некоторых странах Евросоюза привела к появлению новых слов в политическом дискурсе: *еврооборона*, *евромайдан*, *евроэкономика*, *евровалютные страны*, *евросодом*: “**Евромайдан** будет существовать до вступления Украины в Евросоюз” [МК, 21.11.13].

Таким образом, классифицируя заимствованные политические лексемы, мы видим, что, помимо слов собственно политического дискурса, в данную лексическую парадигму действительно входят также некоторые заимствованные термины права, экономические термины, обозначающие реалии, получившие большую общественную значимость. Заимствования при этом выполняют как номинативную функцию, так и стилистическую, придавая журналистской речи актуальность, живость, яркость, образность.

Каждому периоду истории соответствуют свои заимствования, которые, с одной стороны, способствуют обогащению и развитию русского языка, а с другой, знаменуют определенные перемены в жизни общества.

В работе использованы следующие сокращения: АиФ – «Аргументы и факты», НГ – «Независимая газета», КП – «Комсомольская правда», РГ – «Российская газета», МК – «Московский комсомолец», ЛГ – «Литературная газета».

Список литературы

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Политическая метафора как объект лингвистического исследования // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1991. С. 12–16.
2. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 21 с.
3. Грушевская Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста // Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2002. 116 с.
4. Гришенкова Г.А. Современная немецкая лексика в политическом дискурсе как отражение общественно-политических событий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. №8(668). М., 2013. С. 48–54.
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. №3. С. 32–43.
6. Зеленин А.В. Англо-американизмы в русском и некоторых европейских языках // Русский язык в школе. М. 2003. №5. С. 94–98.
7. Нещименко Г.П. Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // *Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowianskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce, 2009, pp. 29–41.
8. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. М: Просвещение, 1976. 174 с.
9. Ткачева И.О. Политическая лексика в современном русском языке: семантические особенности и проблемы лексикографического представления. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2008. 21 с.
10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М.: Флинта, 2006. 256 с.
11. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология. М.: Цитадель, 1997. 320 с.
12. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М.: Астрель, 2009. 944 с.

References

1. Baranov A.N., Karaulov U.N. *Politicheskaja metafora kak objekt lingvisticheskogo issledovanija* [The political metaphor as an object of linguistic study]. *Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju)* [Russian political metaphor (materials to the dictionary)]. M.: AN SSSR, In-t russkogo jazyka, 1991, pp. 12–16.
2. Budaev E.V. *Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologija* [Comparative political metaphorology]. Ekaterinburg, 2010. 21 p.
3. Grushevskaja T.M. *Politicheskij diskurs v aspekte gazetnogo teksta* [Political discourse in the aspect of newspaper text]. Ros. gos. ped. univ. im. A.I. Herzena. SPb., 2002. 116 p.
4. Grishenkova G.A. *Sovremennaja nemeckaja leksika v politicheskom diskurse kak otrazhenie obshhestvenno-politicheskikh sobytij* [Modern German vocabulary in the political discourse as a reflection of social and political developments]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 8 (668). M., 2013, pp. 48–54.
5. Demyankov V.Z. *Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoi filologii* [Political discourse as subject of Philology political science]. *Politicheskaja nauka. Politicheskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija* [Political Science. Political Discourse: History and Modern Studies]. M.: INION RAN, 2002. No. 3, pp. 32–43.
6. Zelenin A.V. *Anglo-amerikanizmy v russkom i nekotoryh evropejskikh jazykakh* [American English borrowings in Russian and some other European languages]. *Russkij jazyk v shkole*. M., 2003. № 5, pp. 94–98.
7. Neschimenco G.P. *Borrowings and internationalisms in modern verbal communication. Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowianskich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce, 2009, pp. 29–41.
8. Rosen E.V. *Novoe v leksike nemeckogo jazyka* [New findings in the vocabulary of the German language]. M.: Prosveshhenie, 1976. 174 p.
9. Tkachev I.O. *Politicheskaja leksika v sovremennom russkom jazyke: semanticheskie osobennosti i problemy leksikograficheskogo predstavlenija* [Political vocabulary in the modern Russian language: semantic features and problems of lexicographic presentation]. SPb., 2008. 21 p.
10. Chudinov A.P. *Politicheskaja lingvistika. Uchebnoe posobie* [Political linguistics. Textbook]. M.: Flinta, 2006. 256 p.

11. *Slovar' inostrannyh slov: aktual'naja leksika, tolkovaniya, jetimologija* [Dictionary of foreign words: topical vocabulary, interpretation, etymology]. M.: Citadel, 1997. 320 p.
12. *Slovar' novejsih inostrannyh slov (konec XX – nachalo XXI vv.)* [Dictionary of the newest foreign words (the end of XX – beginning of XXI centuries)]. M.: Astrel, 2009. 944 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Магомедгаджиева Патимат Набижуевна, к.ф.н., доцент кафедры теории и истории русского языка
*Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан, 367003, Российская Федерация
patina1256@mail.ru*

Магомедова Лейла Абдулхакимовна, к.ф.н., доцент
*Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Дагестан, 367003, Российская Федерация*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Magomedgadzhieva Patimat Nabizhuyevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of Theory and History of the Russian Language
*Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367003, Russian Federation
patina1256@mail.ru*

Magomedova Leyla Abdukhakimovna, Ph.D., Associate Professor
*Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Dagestan, 367003, Russian Federation*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-109-122

УДК 81'34

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМЕРИКАНСКОГО УЧЕНОГО-АНТРОПОЛОГА: ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Мучкина Е.С., Битнер М.А., Немчинова Н.В., Цыкина А.О.

Цель. Данная статья посвящена описанию фонетических особенностей речи американских ученых-антропологов и выполнена в рамках актуального направления лингвистических исследований – лингвоперсонологии. Предметом исследования выступают фонетические особенности речи ученых, в частности доминантные интонационные черты устной речи.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили расшифровки видео- и аудиозаписей публичных выступлений и интервью ученых-антропологов. Для обработки звучащей речи была использована программа *WaveSurfer*, а для создания транскрипций устной речи была применена система «ТРУД» М.Л. Макарова.

Результаты. В ходе исследования были выделены фонетические характеристики, являющиеся доминантными для антропологов: равномерность в расстановке логических пауз, использование вопросительных интонационных конструкций в речи, склонность к имитации фонетических характеристик, реакция на экстралингвистические факторы. В статье приводится утверждение о том, что фонетические явления, выявленные в ходе анализа речи ученых, в значительной мере обусловлены спецификой профессиональной деятельности антропологов.

Область применения результатов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать приведенные в нем материалы и методы для изучения особенностей речи иных профессиональных подгрупп.

Ключевые слова: лингвоперсонология; речевой портрет; ученый-антрополог; фонетика; фонология; паузация; интонация.

SPEECH PECULIARITIES OF AMERICAN ANTHROPOLOGISTS: FOCUS ON PHONETICS

Muchkina E.S., Bitner M.A., Nemchinova N.V., Tsykina A.O.

Purpose. *The aim of this paper is to describe phonetic features of American anthropologists' speech. The research is carried out in the framework of identification linguistics – lingvopersonology. The paper is focused on phonetic peculiarities of American anthropologists' speech, i.e. their intonation dominant features.*

Materials and Methods. *The authors analyzed spoken conversations and interviews given by American anthropologists. In this paper the authors used WaveSurfer programme to process and visualize speech patterns, as well as «TRUD» system developed by L.M. Makarov that allowed the authors to accurately transcribe and mark the texts produced by American anthropologists.*

Results and Discussions. *The paper states phonetic features that are most specific for anthropologists, i.e. logical pauses, interrogative intonation patterns, tendency to imitate phonetic characteristics, reaction to extra-linguistic factors, etc. The research proves that phonetic phenomena, identified during the analysis of American anthropologists' speech, largely derive from their professional activities.*

Practical Implications. *This study is part of a growing body of research on speech portraits of different professional groups. Therefore, this paper will contribute to future research on similar topics.*

Keywords: *lingvopersonology; speech portrait; scientist; anthropologist; phonetics; phonology; pausation; intonation.*

Введение

В конце XX в. в языкознании происходит смена научных парадигм: системно-структурная парадигма сменяется антропоцентрической. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «взамен требования изучать систему или структуру языка выдвигается требование изучать язы-

ковую способность идеального говорящего/слушающего, его языковые знания, его компетенцию» [5, с. 6].

Такой подход во многом способствовал развитию ряда работ, ориентированных на изучение человека в языковом измерении, в частности человека как языковой личности. Среди такого рода исследований стоит выделить работы, которые посвящены особенностям речевого поведения отдельных личностей и профессиональных групп.

На данном этапе развития лингвистической мысли одним их наиболее полных и признанных является определение речевого портрета, введенное Ю.Н. Карауловым, который отмечает, что речевой портрет – «это реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [1, с. 32].

В соответствии с классификацией речевых портретов, учитывающей тип объекта исследования, лингвисты выделяют «индивидуальный речевой портрет» и «коллективный речевой портрет». Коллективный речевой портрет – понятие, в котором обобщаются «факты, процессы и явления, которые свойственны речи представителей определенного круга, выделяемого по возрастному, профессиональному, социальному, национальному или какому-либо другому признаку» [11, с. 60].

Создание речевого портрета любого из вышеупомянутых типов базируется на ряде принципов, среди которых одним из ведущих является принцип выявления «диагносцирующих пятен». Диагностирующие пятна понимаются как «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств» [4, с. 86].

Модель, разработанная М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, предполагает анализ речевого портрета по трем уровням: лексикон (анализ запаса словосочетаний и слов), тезаурус (использование формул разговорной речи, особой лексики и речевых оборотов) и прагматикон (система коммуникативных функций, целей, интенций, мотивов личности) [3, с. 4]. Исследуя русский речевой пор-

трет на основе корпуса записей устной речи, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова фокусируют внимание на выявлении речевых особенностей, «несущих в себе признаки групповой принадлежности» [3, с. 4].

В последние десятилетия, в связи с появлением новых технологий для исследования устной речи, интерес к изучению фонетических характеристик устной речи человека сильно возрос, о чем свидетельствует появление большого количества исследований по данной тематике (Р.К. Потапова, Н.Ю. Мороз, F. Nolan, P. Foulkes, и др.).

М.В. Панов одним из первых начал создавать фонетическое портреты, среди которых были портреты людей творческих профессий (А.А. Вознесенский, М.А. Реформатская, В.Н. Яхонтов), [9, с. 59]. В монографии «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» ученый ставит задачу выявить, «в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой – внутренними законами языка» [9, с. 5]. Создавая фонетические речевые портреты, М.В. Панов учитывает социальные характеристики людей (принадлежность к конкретной общественной группе, возраст, профессия, диалект и др.), поэтому каждый из созданных им портретов несет в себе речевые особенности конкретной социальной общности. Развивая его идеи, Т.М. Николаева пишет о том, что, создавая речевые портреты, следует опускать общенормативные явления, обнаруживающиеся на всех уровнях языка, вместо этого «важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [8, с. 73]. В связи с этим, при создании фонетического портрета ученого-антрополога представляется необходимым учет таких ключевых параметров, как интонация (и её составляющие), предпочтения в использовании интонационных конструкций, паузация, а также изменения в речевом поведении с учетом экстралингвистических факторов и профессиональной специфики.

В данном исследовании представлен фонетический фрагмент речевого портрета антропологов, в работе определяется степень, с какою внешний, в данном случае профессиональный фактор про-

является в фонетической составляющей речевого поведения американских ученых-антропологов.

Материалы и методы

В качестве эмпирического материала для анализа и описания речевого портрета американских ученых антропологов мы воспользовались видео- и аудиозаписями выступлений учёных, которые находятся в свободном доступе в глобальной сети Интернет. Всего было обработано около 10 часов материалов.

Обработка материалов, содержащих данные о фонетических особенностях речи антропологов, осуществлялась с помощью метода наблюдения, описательного метода, а также программы Wavesurfer, позволяющей отследить такие параметры, как форма звукового сигнала, изменение высоты тона и паузация.

Для создания транскрипций устной речи была выбрана система «ТРУД» («Транскрипция Устного Дискурса») разработанная М.Л. Макаровым и ставшая на сегодняшний день широко распространенной [см. подробнее 6, с. 116–117].

Вышеперечисленные инструменты анализа позволяют наиболее четко фиксировать неотъемлемые составляющие интонации: паузацию, мелодику, ритм, темп, логическое ударение. Изучение тембра не входит в данное исследование, так как зависит от индивидуальных физических характеристик ученых, и по сей день является малоизученным параметром.

Анализ звукового многообразия также выносится за рамки данного исследования, так как для всех носителей языка фонетический состав является общим, в то время как в данной работе отмечаются наиболее характерные фонетические признаки, присущие профессиональной группе в целом.

Результаты исследования

При создании фонетического портрета ученого-антрополога представляется необходимым учет таких ключевых параметров, как интонация (и её составляющие), предпочтения в использова-

нии интонационных конструкций, паузация, а также изменения в речевом поведении с учетом экстралингвистических факторов и профессиональной специфики.

Интонация – «это ритмико-мелодическая сторона речи, способствующая членению потока речи на отдельные отрезки – фонетические синтагмы и фразы и служащая в предложении средством выражения синтаксических значений, модальности и эмоционально-экспрессивной окраски» [2, с. 83].

Во время лекций и выступлений антропологи используют в основном стандартные повествовательные и вопросительные интонационные конструкции, сопровождающиеся логическим ударением. Антропологи прибегают к вопросительным конструкциям довольно часто (от 1 до 15 р.). С помощью вопросительной интонации антрополог акцентирует внимание на самых важных смысловых составляющих своего выступления, как показано в следующих примерах:

«So/ what did he make of \all this?» [16, 2:06]

«.../who cleans up after us in Istanbul? Who cleans up after us in Rio, or in Paris or in London?» [19, 1:33]

Благодаря размеренному темпу, равномерным логическим паузам, плавному повышению и понижению тона, наблюдающимся у большинства антропологов, мелодика речи создает эффект спокойствия и уверенности в своей правоте. Умеренный темп речи указывает на желание быть понятым, равномерная паузация придает весомости сказанному и дополняет образ эксперта.

«They don't seem to be of our creation. ... They don't seem to be under our control. ... They seem to come from the outside, ... and to /mimic \ perception.» [22, 0:43]

В логических ударениях и акцентных выделениях содержится большая часть эмоциональной составляющей речи антропологов. Акцент на слове или фразе, почти всегда несет в себе такие эмоции как восторг, воодушевление. Тогда антропологи часто переходят на шепот, говорят с придыханием, резко повышают тон, или в голосе наблюдается дрожь.

«*Even the /slightest hint of color on the underbelly of a cloud would inform them and help them navigate with the keenest Λ accuracy*» [18,

3:46]. Посредством яркой эмоциональной окраски антрополог делится со слушателями своими личными впечатлениями и опытом.

«We will be taking Hiram Bingham's *impossible* dream and turning it into an amazing future that we can all share in together» [21, 2:12]. В данном примере С. Паркак также выделяет слово «impossible», повышая тон и произнося его с придыханием.

Несмотря на ограничение по времени (20–30 мин.), темп речи большинства антропологов, как правило, является стабильным и варьируется у выступающих от размеренного до умеренно быстрого. Средний темп речи преобладает (77,8%) и объясняется тем, что во время выступления ученые «адаптируются», т. е. тщательно планируют свое выступление. Более быстрый темп может наблюдаться у тех, кто всё же надеется изложить как можно больше информации за отведенное время, но таких антропологов меньшинство (11,1%).

О высокой адаптивной способности антропологов также свидетельствует **ритм** как подготовленной, так и спонтанной речи ученых – благодаря равномерной расстановке пауз, он размеренный и постоянный. В большинстве случаев паузы короткие (~0.2-0.5 сек.). **Паузы** в речи антропологов проявляются в основном посредством деления речи на смысловые части с помощью логических пауз. В следующем примере фразы друг от друга логическими паузами, которым, как правило, предшествует пониженный тон.

«They sing for love, (0.2 sec) they dance for love, (0.2 sec) they compose poems and stories about love. (0.2 sec) They tell myths and legends about love. (0.2 sec) They /pine for love\, (0.2 sec) they /live for love\, (0.2 sec) they /kill, for love\, (0.2 sec) and they \die for love\» (14, 1:46). Такие паузы равномерно распределены в речи и создают ритмичность.

Хезитационные паузы также можно услышать в речи антрополога, но менее часто, так как большинство из них хорошо владеет дискуссионными навыками, обладает высоким уровнем компетентности и подготовки к своему выступлению. При этом во время хезитационных пауз признаков волнения чаще всего не наблюдается. Длина такой паузы в среднем не превышает 2-х секунд.

Транскрипция видеоматериалов показывает, что антропологи редко прибегают к долгим паузам, их речь практически непрерывна. В основном необходимость прервать речь связана с таким экстралингвистическим фактором, как реакция аудитории.

«And then they write a paper, an' an' maybe a few other anthropologists read it, and we think it's very exotic. Well, what's happening is that ... (4.5 sec.) {rum, laughter} we've suddenly found a new species» [13, 4: 33].

Когда реакция аудитории по тем или иным причинам, способствует прерыванию речи, наблюдается также повтор слов, как в следующем примере:

«Because it's only when you do that, that you can talk about (Laughter 3 sec.) that's (Laughing 1 sec.) – it's only when (Laughing 1 sec.) it's only when you do that, that you can talk about how we looked like and how we behaved at different times, and how those likes and looks and behaviors changed through time» [12, 2:50].

Почти все антропологи прерывают свою речь, давая аудитории возможность отреагировать на сказанное, что свидетельствует об уважительном отношении антропологов к своим слушателям, высокой культуре речи.

Слова-паразиты, выполняющие функцию заполнения пауз, в речи антропологов практически отсутствуют или же отсутствуют вовсе, что в очередной раз свидетельствует о высоком уровне подготовки антрополога к выступлению и отсутствию признаков волнения, при котором они обычно появляются.

Интересной фонетической особенностью речи антропологов является имитация фонетических характеристик людей, которые как-либо взаимосвязаны с объектом их изучения. Цитируя людей, антропологи стараются «подстраиваются» под них, «имитируют» их с фонетической точки зрения, в результате чего в различной мере изменяются такие фонетические параметры, как тон, темп речи, интонация, иногда – особенности произношения отдельных звуков, и др. Это может говорить о том, что антропологи, пусть даже бессознательно, придают значение этим параметрам.

В приведенном ниже примере антрополог О. Сакс рассказывает о заболевании своей пациентки. Когда он цитирует её, то несколько изменяет мелодику – она становится менее стабильной. Тон несколько повышается, в размытом произношении буквы «г» наблюдается попытка передать особенности произношения данного звука пожилым человеком.

«Sometimes, she said, before the people come on, she may hallucinate pink and blue squares on the floor, which seem to go up to the ceiling. So, I said, «Is this like a dream?» And she said, «No, it's not like a dream. It's...it's like a movie». She said, «It's got color. It's got motion. But it's completely silent, like a silent movie». And she said that it's a rather boring movie. She said, «All these people with Eastern dress, walking up and down, very repetitive, very limited» [22, 2:51].

В следующем примере антрополог Фр. Ларсон, занимающаяся исследованием вопроса об интересе людей к сценам публичных казней, приводит свои наблюдения:

«People used to say, «Oh, the shrunken head museum, the shrunken head museum!» [17, 15:09] В данном случае наблюдается ускорение темпа речи, повышение тона, мимика и интонация отображают заинтересованность.

В наличии имитации исследуемого объекта посредством частичного изменения фонетических параметров проявляется профессиональная специфика антропологов: их наблюдательность, стремление к многостороннему изучению человеческой личности.

Итак, фонетический анализ устной речи американских ученых-антропологов позволяет говорить о таких доминантных характеристиках их речи, как плавное повышение и понижение тона; преобладание среднего размеренного темпа; постоянный ритм; равномерная расстановка пауз, активное использование вопросительных интонационных конструкций, логических пауз и акцентных выделений; отсутствие слов-паразитов; прерывание речи как форма реакции на экстралингвистический фактор, склонность к имитации фонетических характеристик людей при цитировании.

Выявленный комплекс закономерных фонетических характеристик также позволяет сделать вывод о высокой адаптивной способности американских ученых-антропологов к экстралингвистическим факторам (временной фактор, аудитория), о навыке лаконичного и логичного изложения своих мыслей, о высоком опыте выступления перед публикой.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность М.: Наука, 1987. 264 с.
2. Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.
4. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. Вып. 1. С. 90–106.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК Гнозис 2003. 280 с.
7. Мороз Н.Ю. К вопросу о создании «портрета» говорящего по его фонетическим характеристикам при обучении профессиональной коммуникации. М.: Вестник МГЛУ. Вып. 8 (614), 2011. С. 196–204.
8. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. всесоюз. науч. конф. М.: 1991. С. 73–75.
9. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: УРСС, 2002. 456 с.
10. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, Речь, Личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.

11. Юдина Н.В., Кузнецова Е.А. Языковой портрет современного финансиста. М.: Финансовый университет, 2016. 280 с.
12. Alemseged Z. Looks for humanity's roots. 2007. URL: <https://goo.gl/DyC9Sw> (дата обращения: 7.08.2016).
13. Case A. We are all cyborgs now. 2010. URL: <https://goo.gl/E4hSht> (дата обращения: 7.10.2016).
14. Fisher H. The brain in love. 2008. URL: <https://goo.gl/P7oaa3> (дата обращения: 10.12.2016).
15. Foulkes P. Phonological variation: a global perspective // Handbook of English Linguistics. Oxford: Blackwell, 2006, pp. 625–669.
16. Jablonski N. Skin Color is an illusion. 2009. URL: <https://goo.gl/kA-ZGvP> (дата обращения: 13.11.2016).
17. Larson F. Why public beheadings get millions of views. 2015. URL: <https://goo.gl/9MKbgu> (дата обращения: 2.12.2016).
18. Lindsey E. Curating humanity's heritage. 2010. URL: <https://goo.gl/iKox9I> (дата обращения: 19.12.2016).
19. Nagle R. What I discovered in New York City trash. 2013. URL: <https://goo.gl/HvXlkk> (дата обращения: 20.11.2016).
20. Nolan F. Auditory and acoustic analysis in speaker recognition // Language and the Law. London: Longman, 1993, pp. 326–345.
21. Parcak S. Archaeology from space. 2012. URL: <https://goo.gl/cllKPw> (дата обращения: 15.11.2016).
22. Sacks O. What hallucination reveals about our minds. 2009. URL: <https://goo.gl/MMtZjA> (дата обращения: 17.10.2016).

References

1. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [The Russian Language and the Language Personality]. М.: Science Publ., 1987. 264 p.
2. Kasatkin L.L. *Sovremennij russkij jazyk. Fonetika* [Russian Language Today: Phonetics]. М.: Academia Publ., 2008. 256 p.
3. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Russkij rechevoj portret* [Russian Speech Portrait]. М.: Science Publ., 1995. 128 p.
4. Krysin L.P. *Sovremennij russkij intelligent: popytka rechevogo portreta* [Modern Russian Intellectual: speech portrait]. *The Russian Language in Scientific Light*. М.: Slavic Languages Publ, 2001. no. 1: 90–106.

5. Kubryakova E.S. *Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalyjugo analiza)* [Evolution of Linguistics Thought at the end of XX century: paradigm analysis]. *Journal of Language and Science at the End of XX century*. M.: RGGU Publ., 1995: 144–238.
6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [The Basic Ideas of the Discourse]. M.: Gnosis Publ., 2003. 280 p.
7. Moroz N.Ju. *K voprosu o sozdanii «portreta» govornjashhego po ego foneticheskim harakteristikam pri obuchenii professional'noj kommunikacii* [Constructing speech portraits based on phonetic peculiarities of the speaker when teaching professional communication]. *Journal of Moscow State Linguistic University*. M.: Journal of MGLU Publ. no. 8 (614), 2011: 196–204.
8. Nikolaeva T.M. Sociolingvisticheskij portret i metody ego opisaniija [Sociolinguistic Portrait and Methods of its Description] *The Russian Language Today. Problems and Perspectives of Russian Philology*, M., 1991: 73–75.
9. Panov M.V. *Istorija russkogo literaturnogo proiznoshenija XVIII–XX vv* [History of Russian Literary Pronunciation, XVIII–XX centuries]. M.: URSS Publ., 2002. 456 p.
10. Potapova R.K., Potapov V.V. *Jazyk, Rech', Lichnost'* [Language, Speech, Personality]. M.: Slavic Languages Publ., 2006. 496 p.
11. Yudina N.V., Kuznetsova E.A. *Jazykovej portret sovremennogo finansista* [Language Portrait of a Modern Banker]. M.: University of Finance Publ., 2016. 280 p.
12. Alemseged Z. Looks for humanity's roots. 2007. <https://goo.gl/DyC9Sw> (accessed August 7, 2016).
13. Case A. We are all cyborgs now. 2010. <https://goo.gl/E4hSht> (accessed October 7, 2016).
14. Fisher H. The brain in love. 2008. <https://goo.gl/P7oaa3> (accessed December 10, 2016).
15. Foulkes P. Phonological variation: a global perspective. *Handbook of English Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2006: 625–669.
16. Jablonski N. Skin Color is an illusion. 2009. <https://goo.gl/kAZGvP> (accessed November 13, 2016).

17. Larson F. Why public beheadings get millions of views. 2015. <https://goo.gl/9MKbgu> (accessed December 2, 2016).
18. Lindsey E. Curating humanity's heritage. 2010. <https://goo.gl/iKox9I> (accessed December 19, 2016).
19. Nagle R. What I discovered in New York City trash. 2013. <https://goo.gl/HvXlkk> (accessed October 20, 2016).
20. Nolan F. Auditory and acoustic analysis in speaker recognition. *Language and the Law*. London: Longman, 1993, pp. 326–345.
21. Parcak S. Archaeology from space. 2012. <https://goo.gl/cllKPw> (accessed November 15, 2016).
22. Sacks O. What hallucination reveals about our minds. 2009. <https://goo.gl/MMtZjA> (accessed October 17, 2016).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мучкина Екатерина Сергеевна, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
mes_kras@mail.ru*

Битнер Марина Александровна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук
*Красноярский государственный педагогический университет
имени В.П. Астафьева
ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, Красноярский край,
660049, Российская Федерация*

Немчинова Наталья Викторовна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат филологических наук
*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация*

Цыкина Анастасия Олеговна, магистр, кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Muchkina Ekaterina Sergeevna, Associate Professor, Department of Germanic Languages and Intercultural Communication, Ph. D. in Linguistics
Siberian Federal University
79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
mes_kras@mail.ru

Bitner Marina Aleksandrovna, Associate Professor, Department of English Language, Ph.D. in Linguistics
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
89, A.Lebedovoy St., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660049, Russian Federation

Nemchinova Natalya Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Ph. D. in Linguistics
Siberian Federal University
79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

Tsykina Anastasiya Olegovna, postgraduate student, Department of Germanic Languages and Intercultural Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Av., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-123-142

УДК 81

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ)

Немчинова Н.В., Мучкина Е.С., Битнер М.А.

Цель. *Статья посвящена проблемам культурно-коммуникативной адаптации и успешной интеграции мигрантов в чужую среду. Предметом анализа выступают текстовые фрагменты из англоязычных блогов, которые ведут мигранты, работающие или обучающиеся в КНР. Авторы ставят целью изучить языковые особенности культурно-коммуникативной адаптации мигрантов.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют анализ и синтез эмпирического материала, его обобщение и классификация, а также лингвистическое наблюдение и дефиниционный анализ.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что авторами было выявлено, что каждая стадия культурно-коммуникативной адаптации сопряжена с переживанием индивидом определенных эмоций, которые фиксируются в личных интернет-дневниках мигрантов – блогах. В текстах блогов эмоции и переживания мигрантов в процессе культурно-коммуникативной адаптации передаются через употребление эмотивных единиц (лексических и грамматических) и отмечаются на графическом уровне.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в дальнейших научно-исследовательских работах, связанных с изучением языковых особенностей культурно-коммуникативной адаптации, а также при разработке специальных тренингов и программ для обеспечения успешной интеграции мигрантов в «чужую» среду.*

Ключевые слова: миграция; культурно-коммуникативная адаптация; языковые маркеры.

LANGUAGE FEATURES OF CULTURAL-COMMUNICATIVE ADAPTATION OF MIGRANTS (ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE BLOGS)

Nemchinova N.V., Muchkina E.S., Bitner M.A.

Purpose. *The article is devoted to the issues of cultural and communicative adaptation and successful integration of migrants into a foreign environment. The subject of analysis are text fragments from English-language blogs that are kept by migrants working or studying in China. The authors aim to study the linguistic features of the cultural and communicative adaptation of migrants.*

Methodology. *The research is based on the analysis and synthesis of empirical material, its generalization and classification, as well as linguistic observation and definition analysis.*

Results. *The results of the research are that the authors have discovered that each stage of cultural and communicative adaptation is associated with an individual's experience of certain emotions that are recorded in the migrants' personal Internet diaries, i.e. blogs. In the texts of blogs, emotions and experiences of migrants in the process of cultural and communicative adaptation are transmitted through the use of emotional units (lexical and grammatical) and are marked on a graphic level.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in further research work related to the study of linguistic features of cultural and communicative adaptation, as well as in the development of special training and programs to ensure the successful integration of migrants into a "foreign" environment.*

Keywords: *migration; cultural adjustment; language markers.*

Миграция населения на протяжении долго времени становилась инструментом демографического регулирования. В связи с этим

проблема культурно-коммуникативной адаптации и успешной интеграции в чужую среду обретает всю большую значимость. Несмотря на растущий интерес к проблемам межкультурной коммуникации как отечественных (Е.Н. Белая, 2011; Т.Г. Грушевицкая, 2003; Д.Б. Гудков, 2003; Л.В. Куликова, 2004), так и зарубежных учёных (Ф. Бок, 1970; Я. Ким, 1988; К. Оберг, 1960; Г. Триандис, 1994; А. Furnham, 1986), тем не менее, работы, в которых рассматриваются языковые особенности репрезентации этапов культурно-коммуникативной адаптации практически отсутствуют.

В теории межкультурной коммуникации для обозначения процесса вхождения индивида в новую культуру и её освоение используются термины «межкультурная адаптация» и «аккультурация» [6]. Однако, в данном исследовании используется термин «культурно-коммуникативная адаптация», под которым понимается процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора) [5] и основной акцент ставится именно на части «коммуникативная», т.к. в процессе адаптации к новой культуре индивид непосредственно вступает в контакт с представителями другой языковой среды. Таким образом, данные понятия обозначают как сложное психологическое состояние, свойственное человеку, вступающему в длительный контакт с чужой культурой, так и результат этого трансформационного процесса.

Развитие культурно-коммуникативной адаптации может проходить в несколько этапов, и разные исследователи в сфере межкультурной коммуникации предлагают разные модели протекания данного процесса. Безусловно, не все люди одинаково проходят процесс адаптации, но общие закономерности все-таки существуют.

К. Оберг, американский ученый-антрополог, разработал четырехступенчатую модель культурно-коммуникативной адаптации (рис. 1), опираясь на чувства индивида, входящего в чужую культуру [10].

Рис. 1. Модель культурно-коммуникативной адаптации

Данное исследование посвящено анализу языковой репрезентации первых двух фаз культурно-коммуникативной адаптации. Первая фаза – «медовый месяц» – характеризуется тем, что индивид позитивно воспринимает новую культурную среду. Вторая же фаза – кризис – характеризуется целым рядом неприятных ощущений [там же]. Каждая из стадий характеризуется определенным психоэмоциональным состоянием индивида, что выражается в языке через использование эмотивных языковых маркеров, представленных в виде эмоционально нагруженной лексики, грамматических структур и графических средств. В качестве материала исследования были выбраны текстовые фрагменты из англоязычных блогов, которые ведут мигранты, работающие или обучающиеся в КНР.

*Языковые маркеры стадии «медового месяца»
(Honeymoon stage)*

Стадия медового месяца является первым этапом культурно-коммуникативной адаптации мигрантов. На данном этапе мигранты позитивно воспринимают новую культурную среду. Они переполнены энтузиазмом и воодушевлением, что находит отражение в первую очередь в их лексиконе.

Характерные для этой стадии желание приобрести опыт нахождения в новой культурной среде и восприятие переезда в другую страну в качестве приключения или путешествия передаются лексическими единицами: *experience* и *adventure*. Отметим, что именно эти единицы являются наиболее частотными.

Восприятие переезда в другую страну в качестве приключения может отождествляться с появлением новых возможностей, т.е. воз-

возможностей осуществления чего-либо (*new possibilities* в значении *something that may happen or be true* – CALD) для мигрантов:

(1) Dec 16, 2011 [Donuts to Dumplings] ...and yet, I'm excited. Excited for new possibilities. New adventures.

Часто миграция также отождествляется с получением богатого жизненного и культурного опыта:

(2) Oct 20, 2014 [What Happens in China] ...a rich cultural experience.

(3) Oct 5, 2013 [Shanghai Education] I feel like I'm getting a really authentic Chinese experience and I'm really grateful to the guys in the lab for being such great hosts.

(4) Sep 9, 2010[Shanghai Shangrila] It is sure to be the experience of a lifetime!!

Для передачи повышенного эмоционального состояния мигранта в первые месяцы нахождения в чужой стране существительные *experience* и *adventure* часто употребляются вместе с эпитетами: *new* (в значении: not yet familiar or experienced – CALD), *huge* (of great importance or seriousness – OALD) и *insane* (astonishingly good or impressive; amazing – OALD).

(5) Aug 30, 2012 [The Further Adventures of Bennet] Last year, when I had just arrived in China and all the wonderful new experiences I felt.

(6) Sep 17, 2012 [Lost in Shanghai] My plan for this blog is to provide friends and family with regular updates, pictures, and information on how Karen, Howard, Cassidy and Stephanie Hampton are faring on their insane adventure in Shanghai China.

Для иностранных студентов переезд в чужую страну представляет собой не только начало новых приключений, но и начало нового учебного года.

(7) Sep 8, 2012 [An American Girl in Shanghai] This school year is going to be a huge adventure.

Переезд в новую страну многие мигранты часто воспринимают в качестве благоприятных обстоятельств, чтобы сделать или получить что-то, что маркируется в текстах блогов лексической едини-

цей *opportunity* в значении *a situation in which we can do something that we want to do* (CALD).

Некоторые из авторов блогов подчеркивают, что такая возможность выпадает не каждый день:

(8) Jul 15, 2011 [The Further Adventures of Bennet] I suppose the most important thing now is to make the most of the opportunity. You know, not everybody goes to China every day of the week.

Для других возможность миграции в другую страну представляется как возможность путешествовать:

(9) Mar 26, 2012 [Traveling with JC] We have been given the opportunity to travel, and we get to see so many beautiful places.

Многие авторы блогов рассматривают миграцию не только в качестве получения новых возможностей, но и как ряд жизненных изменений (*change*):

(10) Tuesday, December 21, 2010 [Shanghai Shangrila] Coming from LA, where practically everyone has their own car and often drives by themselves, not having a car in Shanghai has been quite a change.

(11) Jan 26, 2013 [Hunting Cheese] Anyways, feeling a little off my game with all the changes I suggested to Matt we eat somewhere with a little bit of our home comforts.

Часто лексемы *opportunity* и *change* сопровождаются эпитетами: *great* (very good, enjoyable, or attractive – MEDAL), *big* и *huge* (of considerable importance or seriousness – OALD):

(12) Mar 7, 2012 [An American Girl in Shanghai] Then Chris had the conversation with Tom, his supervisor. A big opportunity was coming his way...in Shanghai.

(13) Dec 1, 2010 [Shanghai Shangrila] Working in Ningbo has been such a huge change for me.

Под возможностью мигранты часто понимают возможность получения культурного опыта и возможность дальнейших путешествий по Азии:

(14) Sep 18, 2012 [Lost in Shanghai] ...we knew moving to Shanghai was a great opportunity – experiencing a foreign culture, traveling throughout Asia.

Высказывания мигрантов также содержат огромное количество имен прилагательных с положительной коннотацией, например, *wonderful, amazing, exciting, awesome, brilliant, etc.*:

(15) Feb 20, 2015 [Shanghere We Go] Prayer flags were flying everywhere and there was just an amazing atmosphere.

(16) Mar 18, 2012 [Further Adventures of Bennet] There is so much exciting stuff going on in my life right now.

Предложения с положительно-маркированными именами прилагательными также могут сопровождаться повтором восклицательных и вопросительных знаков препинаний, что еще больше усиливает экспрессивность высказываний:

(17) Oct 26, 2010 [Shanghai Shangrila] We got a great place near the former French Concession area, which is apparently a “happening” part of town frequented by Expats. We live on the 12th floor and the view is awesome!!

На стадии медового месяца мигрантов часто приводят в восторг реалии другой культуры (ср.: пончо для езды на велосипеде):

(18) Mar 2, 2012 [Donuts to Dumplings]: ...in Shanghai, people simple cover themselves and their bike with one of my favorite things, the bike poncho. Tell me that isn't brilliant!?!?!?

В первые месяцы нахождения в новой стране мигранты замечают, как стала разнообразна их жизнь и как много восхитительных вещей в ней происходит. Они получают возможность жить в другой стране, познать другую культуру, попробовать местную кухню, путешествовать. Для придания высказыванию большей экспрессивности могут использоваться *междометия (oh my god)* и *заглавные буквы*:

(19) May 30, 2014 [Donuts to Dumplings] There are many wonderful things about being an expat. The chance to live in another country and experience a different culture. The traveling. The food. Oh my god. THE FOOD»

Переезд в чужую страну может рассматриваться как событие, которое полностью изменило жизнь мигранта:

(20) Aug 5, 2010 [Two Americans in China] Preparing for this life-changing event has been about 9 months in the making.

(21) Jun 27, 2015 [An American Girl in Shanghai] It's really hard to believe three years ago, my best friend and I started an adventure halfway around the globe that completely changed my world, as I knew it.

Часто имена прилагательные сопровождаются интенсификаторами по типу *extremely, absolutely, really*:

(22) March 7, 2013 [Many the Miles]: ... the weather was insanely wonderful...

Некоторые из мигрантов не подозревали, что вскоре окажутся в чужой стране. Но этот факт приносит им еще больше радости и воодушевления:

(23) Feb 20, 2015 [Figuring It Out] ... the whole place was absolutely stunning ... one that I was extremely glad to accidentally be a part of.

Таким образом, систематический анализ практического материала показал, что наиболее ярко стадия медового месяца выражена через использование лексических единиц *experience* и *adventure*. Также популярными языковыми средствами репрезентации культурно-коммуникативной адаптации среди мигрантов являются лексические единицы *opportunity* и *change*. Количественная информация представлена на диаграмме 1.

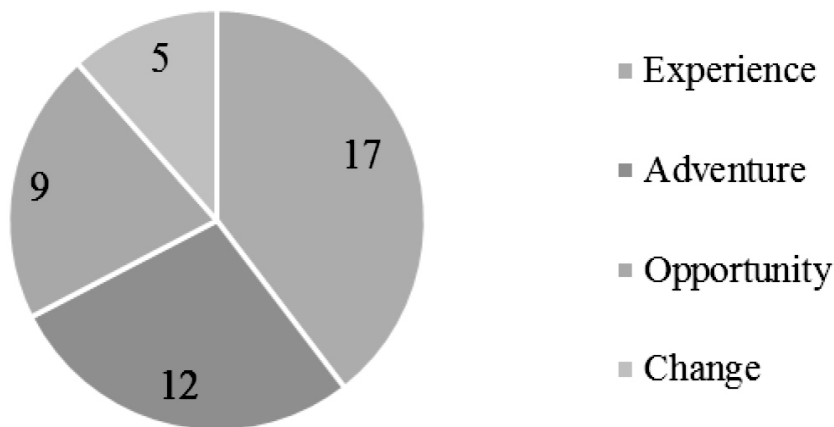

Диаграмма 1. Частотность употребления ключевых слов
(стадия «медового месяца»)

Частое употребление *восклицательных предложений* свидетельствует о приподнятом настроении в первые месяцы нахождения в новой стране:

(24) Jul 24, 2011 [The Further Adventures of Bennet] I'm not sure what moving to China to teach English will entail, but we'll see what happens over the next 6 months anyway!

(25) Jan 26, 2013 [Hunting Cheese] And the adventure begins! So I've officially landed in Shanghai!

(26) Aug 31, 2011 [Riccles Blog] I'm here, Ordos!

Восклицательные предложения также свидетельствуют об успешном преодолении первых трудностей (ср.: первая неделя работы как преподавателя):

(27) Sep 8, 2012 [An American Girl in Shanghai] I did it! I made it through the first week of teaching!

Восторженное эмоциональное состояние мигрантов в тексте блога также может быть репрезентировано в тексте с помощью *повтора восклицательных знаков препинания*:

(28) Apr 10, 2012 [An American Girl in Shanghai] All of these tests would have taken days to complete in the US, but not in China. I was able to complete the exam in 15 minutes!!! You gotta love assembly line health care!!

Наряду с повтором восклицательных знаков препинания в качестве одного из графических средств репрезентации повышенного эмоционального состояния в первое время нахождения в другой стране выступает *удвоение, утроение, учетверение и т.д. гласных или согласных*:

(29) Sep 9, 2010 [Shanghai Shangrila] Come one, come all!!! Step right up!! Step right uuuuup!! To see, read, and hear us tell the tales of the amazing and unpredictable Adventures of Tiff Sawyer and Mike Finn!!

Таким образом, наиболее ярко стадия «медового месяца» представлена через использование лексических единиц *experience, adventure, opportunity* и *change*, которые часто сопровождаются различными положительно-маркированными эпитетами. Употребление восклицательных предложений в текстах блогов символи-

зирует повышенное эмоциональное состояние мигранта в первые месяцы нахождения в новой инокультурной среде. Повтор восклицательных и вопросительных знаков препинания и повтор гласных или согласных букв внутри слова также свидетельствуют о возмущенном состоянии индивида во время стадии медового месяца.

Языковые маркеры стадии кризиса (Crisis stage)

Во время кризисной стадии мигранты постепенно начинают подвергаться негативному воздействию новой среды, сталкиваясь с явными межкультурными различиями, что и приводит к культурному шоку – состоянию физического и эмоционального дискомфорта, возникающего в процессе приспособления личности к новому культурному окружению [1, 100-111].

Анализ практического материала показал, что наиболее часто в тексте блогов мигранты оперируют такими лексическими единицами как: *frustration, homesickness, miss, shock*, которые характеризуют негативное воздействие среды на индивида (см. диаграмма 2).

Например, на стадии кризиса человек понимает, насколько пока неадекватна его способность глубоко и полно выражать свои мысли и эмоции:

(1) December 7, 2015 [Figuring It Out] ... my frustrations with being unable to communicate (something that is entirely my own fault).

Также мигранта может шокировать осознание культурных различий между своей и чужой культурой:

(2) Nov 23, 2013 [Shanghaier Education] So I think my biggest shock came from how different things were in the lab.

Чувство новизны к этому моменту уже исчезает, и люди все острее ощущают тоску по дому, но некоторые из средств интернет-коммуникации помогают мигрантам поддерживать связь с близкими и родными:

(3) May 1, 2014 [Shanghai'dLex] Facebook, FaceTime, Instagram and Skype are all decent meds to combat homesickness.

Всё чаще мигранты пишут о том, что им больше всего не хватает в чужой стране. Например, находясь в КНР, в стране с большой

плотностью населения, один из авторов проанализированных блогов замечает, как ей не хватает чувства уединения:

(4) May 30, 2013 [Still Times] However, there are times such as today, when I miss the solitude of space.

Другой пример, когда мигрант скучает по личному автомобилю и возможности делать то, что хочется:

(5) Jan 24, 2013 [Woshuodebuhao] But the people part of home wasn't what I was missing. It was the convenience part. I miss jumping into my car to do whatever it is I want to do.

Нахождение в кризисной стадии впоследствии может привести к возникновению депрессии и культурному шоку.

(6) Nov 25, 2013 [An American Girl in Shanghai] My Bosch, Pacican, and Purdue crews have celebrated with me during the highs, and have supported me when I hit my culture shock lows.

На появление депрессии может повлиять и такой фактор, как погодные условия:

(7) Aug 28, 2013 [Many the Miles] Honestly, the cold of Beijing had brought on a depression thick as the snow and something I didn't want to face.

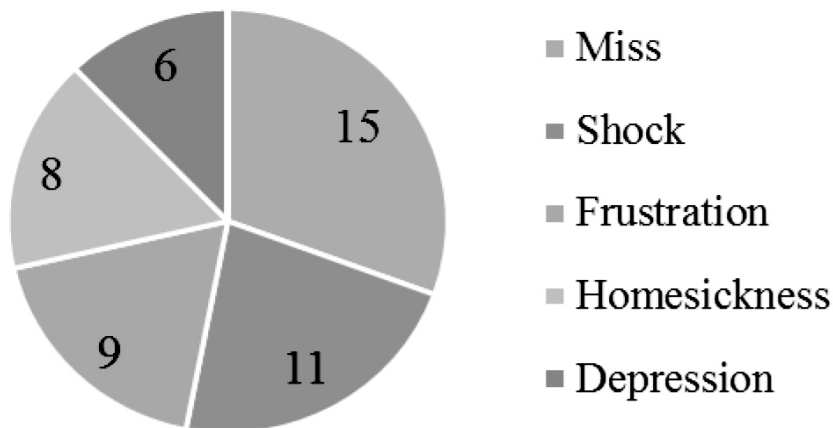

Диаграмма 2. Частотность употребления ключевых слов (стадия кризиса)

В то время, когда мигрант начинает осознавать разницу между двумя культурами и воспринимает чужую культуру как другую

(отличную от родной), странную и необычную, то в тексте блога это получает отражение через использование прилагательных одного семантического поля: *different* (used when you think someone or something is unusual or shows bad judgment – CALD), *odd* (unusual or unexpected in a way that attracts your interest or attention – MEDAL), *strange* (unusual or surprising; difficult to understand or explain – OALD) и *weird* (very strange and unusual, unexpected, or not natural – CALD) (см. диаграмма 3).

(8) September 24, 2011 [Traveling with JC] It's been three weeks since we arrived in China. Life is slow and very different here.

Будучи в городах КНР, где число иностранных граждан очень мало, мигранты находят это необычным – быть почти единственными иностранцами в городе:

(9) Dec 1, 2010 [Shanghai Shagrila] Since we live in an expat area in Shanghai, and are used to seeing people from all over the world, it's going to be strange to be one of only a few foreigners in the city.

Других мигрантов могут удивлять низкие цены в местных супермаркетах:

(10) (без даты) [Crashing a bike in China] In supermarkets, it is possible to buy something at – for example - ¥0.72. However, as the fēn is so rarely seen, it is rounded to either ¥0.70 or ¥0.80. Odd.

Некоторых также удивляет чрезмерная доброта местных жителей, к которой мигранту трудно привыкнуть:

(11) Aug 7, 2016 [Life in China] I think it's just me, but the kindness I'm receiving is a little weird and hard for me to get used to.

Реалии чужой культуры могут приводить мигранта в изумлении или замешательство:

(12) Oct 11, 2012 [An American Girl in Shanghai] Unfortunately most schools and older buildings have the most disgusting, confusing type of toilet...the squattie.

(13) Dec 14, 2010 [Shanghai Shagrila] Anyways, it is surprising how many people did nothing about others cutting in front of them.

Приближаясь к кризисной стадии, мигрант начинает подвергаться ряду трудностей и испытаний, что передается через негатив-

но-маркированные лексемы (см. диаграмма 3): *difficult* (characterized by or causing hardships or problems – OALD), *challenging* (difficult, in a way that tests your ability or determination – CALD), *hard* (difficult to do – MEDAL).

(14) Feb 24, 2012 [The Further Adventures of Bennet] So it's always going to be a little difficult at the start. Looking forward to the challenge though!

(15) Mar 26, 2012 [Traveling with JC] China has been hard for us.

Усложнять ситуацию может тот факт, что мигранту приходится работать или учиться в чужой стране:

(16) Oct 13, 2014 [An American Girl in Shanghai] This September, I experienced the most challenging month of teaching of my teaching career.

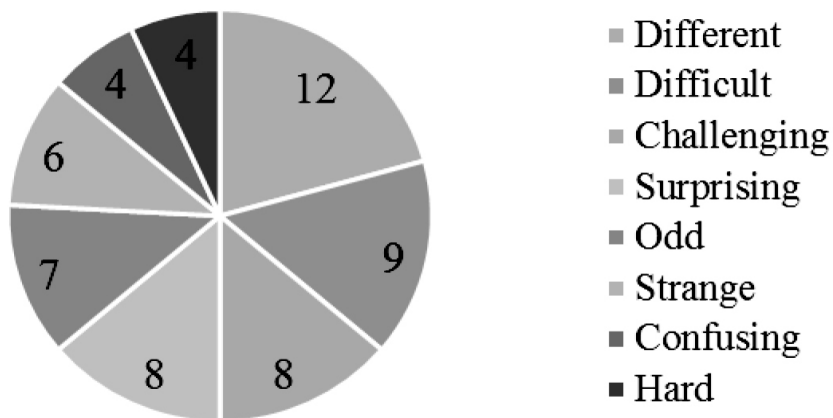

Диаграмма 3. Частотность употребления прилагательных (стадия кризиса)

Нередко на стадии кризиса авторы блогов прибегают к использованию *вульгарной лексики*, и на данной стадии культурно-коммуникативной адаптации речь мигрантов может характеризоваться наличием большого количества *интенсификаторов*, которые используются для усиления значения слов, обладающих негативной коннотацией:

(17) October 25, 2015 [Figuring It Out] Today I had a day where I became completely and utterly fed up of trying to learn Chinese.

(18) Sep 18, 2010 [Two Americans in China] Needless to say, these are just some of the many reasons I was incredibly depressed for about two weeks.

На стадии кризиса мигрант начинает сомневаться о правильности принятого решения отправиться в Китай:

(19) August 3, 2015 [Emerland City Erin] Our real-life sabbatical to China suddenly began to feel like nothing more than a highly stressful chore and we did both question whether it was actually worth it.

Синтаксические особенности построения предложений, например, *синтаксический параллелизм* и *однородные члены предложения* (часто имена прилагательные в сравнительной степени) маркируют те вещи или события, которые оказали негативное влияние на эмоциональное состояние мигранта:

(20) Aug 22, 2012 [Shanghai'dLex] However, some of the challenges I experienced living in Shanghai seemed heightened in Beijing: the spitting is more frequent; the subway trains, more packed. The streets are dirtier; the cab drivers, ruder; the stares, even harder.

Прием синтаксического повтора может сопровождаться употреблением негативно-маркированных прилагательных (*broken, disgusting, filthy*):

(21) Sep 18, 2010 [Two Americans in China] Most of the lights did not work. There was no internet. Everything was filthy. Dust and mold on everything. The bathroom was disgusting. Many of the furniture pieces were broken. The bed linens were disgusting.

Однородные члены предложения могут использоваться вместе с категорией отрицания. Совокупность единиц, вербализующих категорию отрицания, может быть представлена в виде поля, в центре которого находятся грамматические средства: отрицательная частица *not*, отрицательные местоимения, наречия и союзы: *no, nothing, nobody, never, nowhere* и т.д., *neither... nor*, а также имплицитные негаторы *hardly, scarcely, barely, few, little*. На периферии поля находятся словообразовательные суффиксы и префиксы *-less, dis-, mis-, un-, ir (il, im)-, ill-, without*; и обширный круг лексем, относящихся к разным частям речи, в которых сема отрицания находится в семан-

тической структуре значения – fail, miss, object, differ, underachiever, loser, absent, lack и т.д. [Добричев, 2013]:

(22) Mar 26, 2012 [Traveling with JC] China has been hard for us. It certainly hasn't been anything like living in South Korea. The dirt, the lack of socialization, no church, little foreigners, and barely any foods that we like to eat.

Риторические вопросы также используются в текстах блогов мигрантов в качестве эмотивных синтаксических единиц, выражающих недоумение или негодование:

(23) Nov 11, 2014 [What Happens in China] After tea the host sang us a song which was lovely as she is a very good singer. She then popped into the lounge and came back with a song book...I started to get nervous. One by one everyone sang a song: surely I wasn't going to have to oblige?

(24) Feb 20, 2013 [Hunting Cheese] Well, we knew it was too good to last. Why would husband and wife want to see each other every day? That's just ridiculous!

На графическом уровне такие пунктуационные особенности, как *повтор восклицательных и вопросительных знаков препинания, многоточие* используются для репрезентации того, что шокировало, удивило и разочаровало мигранта:

(25) Mar 8, 2013 [Hunting Cheese] Finally, I watched long enough to see said woman go back into the house and bring out more clothes to hang. “People LIVE there?!?!?!?” was my new internal monologue.

(26) Oct 20, 2011 [The Further Adventures of Bennet] I had to keep asking Gaby what he was saying obviously, but he was apparently saying that my earrings were like what Chinese women wear (!)

Разочарование может принести неспособность местных жителей общаться на английском языке и несостоятельность мигранта общаться на языке той страны, где он находится. Для придания высказыванию большей экспрессивности в текстах блогов мигрантов также используются *междометные слова*:

(27) Mar 4, 2015[ShanghereWeGo] I'll leave it at that, as it has traumatized me enough. Oh yeah, they don't speak English...

Пунктуационный знак многоточие в изученных текстах блогов может представлять собой не стандартные три точки, а вариант множества точек:

(28) (без даты) [Crashing a bike in China] Seems to me that I'll have to get some practice in.....

Использование заглавных букв (upper-case – верхнего регистра) и зачеркивание текста указывают на повышенную раздражительность или недовольство мигранта в этот период.

Прием верхнего регистра в Интернете приравнивают к «крику», и такое написание ассоциируется с повышенным эмоционально-экспрессивно-оценочным тоном их произнесения:

(29) Sep 2, 2011 [Traveling with JC] For the first 4 days, we CLEANED, CLEANED...AND CLEANED SOME MORE!!!

(30) August 28, 2013 [Many the Miles]: «they don't tell you that a big part of culture shock is not initially but MONTHS AFTER»

Прием зачеркивания текста указывает на самоиронию автора, и может восприниматься читателями как мысли вслух автора блога:

(31) Jun 4, 2014 [Riccles Blog] ~~Yes, it absolutely does, after a year of teaching them I see little creativity, a sea of drones and even some who lack basic motor skills at the age of 16/17. [Editor's note: Simon, give a slightly more diplomatic answer, lest you offend the censors or something].~~

Итак, характерными для кризисной стадии лексическими единицами являются *frustration*, *homesickness*, *miss*, *shock*, которые символизируют негативное воздействие инокультурной среды на индивида. Более того, высказывания мигрантов в текстах блога насыщены негативно-маркированными прилагательными (*different*, *difficult*, *confusing* и др.) и словами-интенсификаторами (*completely*, *utterly*, *incredibly*). Для предания высказыванию большей экспрессивности используются приемы синтаксического повтора, повтора однородных членов предложения и риторический вопрос. На графическом уровне повтор восклицательных знаков препинания, использование многоточия, верхнего регистра и приема зачеркнутого текста указывают на чувства раздражительности, недовольства и разочарования мигранта.

Таким образом, каждая стадия культурно-коммуникативной адаптации сопряжена с переживанием индивидом определенных эмоций, которые фиксируются в личных интернет-дневниках мигрантов – блогах. В текстах блогов эмоции и переживания мигрантов в процессе культурно-коммуникативной адаптации передаются через употребление эмотивных единиц (лексических и грамматических) и отмечаются на графическом уровне.

Список литературы

1. Белая Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2011. 208 с.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Добричев С.А. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней: монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 202–204.
5. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. М.: Академический проект, 2000. 671 с.
6. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультуры: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
7. Bock Ph.K. (Ed.). *Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology*. NY: Knopf, 1970. 408 p.
8. Furnham A., Bochner S. *Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. London: Methuen, 1986. 320 p.
9. Kim Y.Y. *Communication and Cross Cultural Adaptation*. Philadelphia: Multilingual Matters, 1988. 158 p.
10. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments. // *Practical Anthropology*, 1960: 177–182.
11. Triandis H.C. *Culture and social behavior*. NY: McGraw-Hill, 1994. 330 p.
12. CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. Cambridge University Press, 2013. 1856 с.

13. MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2007. 1748 с.
14. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press, 2013. 1796 с.

References

1. Belaja E.N. *Teorija i praktika mezhkul’turnoj kommunikacii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. M.: FORUM, 2011. 208 p.
2. Grushevickaja T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. *Osnovy mezhkul’turnoj kommunikacii* [Basics of Intercultural Communication]. M.: JuNI-TI-DANA, 2003. 352 p.
3. Gudkov D.B. *Teorija i praktika mezhkul’turnoj kommunikacii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 288 p.
4. Dobrichev S.A. *Jetnokul’turnyj potencial jazykovyh edinic razlichnyh urovnej* [Ethnocultural Potential of Language Units of Different Levels]. Barnaul: AltGPA, 2013: 202–204.
5. Kravchenko A.I. *Kul’turologija* [Culturology]: Slovar’. M.: Akademicheskij proekt, 2000. 671 p.
6. Kulikova L.V. *Mezhkul’turnaja kommunikacija: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoj i nemeckoj lingvokul’tur* [Intercultural Communication: Theoretical and Applied Aspects. On the Material of Russian and German Linguocultures]: monografija. Krasnojarsk: RIO KGPU, 2004. 196 p.
7. Bock Ph.K. (Ed.). *Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology*. NY: Knopf, 1970. 408 p.
8. Furnham A., Bochner S. *Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. London: Methuen, 1986. 320 p.
9. Kim Y.Y. *Communication and Cross Cultural Adaptation*. Philadelphia: Multilingual Matters, 1988. 158 p.
10. Oberg K. *Cultural shock: adjustment to new cultural environments*. // *Practical Anthropology*, 1960: 177–182.
11. Triandis H.C. *Culture and social behavior*. NY: McGraw-Hill, 1994. 330 p.
12. CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. Cambridge University Press, 2013. 1856 p.

13. MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2007. 1748 p.
14. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press, 2013. 1796 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Немчинова Наталья Викторовна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат филологических наук
*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
nvnemchinova@sfu-kras.ru*

Мучкина Екатерина Сергеевна, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации
*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
mes_kras@mail.ru*

Битнер Марина Александровна, доцент кафедры английского языка
*Красноярский государственный педагогический университет
имени В.П. Астафьева
ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, Красноярский край,
660049, Российская Федерация
mbitner@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nemchinova Natalya Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Ph. D. in Philology
*Siberian Federal University
79, Svobodnyy Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Region, 660041,*

Russian Federation
nvnemchinova@sfu-kras.ru

Muchkina Ekaterina Sergeevna, Associate Professor of the Department of Theory of Germanic Languages and Intercultural Communication, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
79, Svobodnyy Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Region, 660041, Russian Federation
mes_kras@mail.ru

Bitner Marina Aleksandrovna, Associate Professor of the English Language Department, Ph. D. in Philology
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev
89, Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Region, 660041, Russian Federation
mbitner@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-143-165

УДК 802.0-25

СЕМАНТИКА И ГРАНИЦЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОЛЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Березина О.А.

Признаки категории «безличность», в том числе объединяющие разнородные синтаксические структуры в единое поле, представляются недостаточно полно описывающими сущность данной категории в семантическом плане. Данный факт ведет к неопределенности границ самой категории, к неоднозначности критериев включения определенных сентенциональных структур в рассматриваемое поле.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить инвариантную семантику категориального поля «безличность», на ее основе предложить иное толкование основного общего содержательного компонента данного поля, выявить признаки и аспекты проявления данного семантического признака на материале неомогенного класса сентенциональных структур, а также установить границы категории «безличность» на материале английского языка.

Методология проведения работы основывается на положениях теории биологии познания, развиваемых в лингвистическом аспекте, концепций теории системы «организм-среда», разрабатываемой в русле психологии восприятия, а также положений когнитивных направлений в исследовании лингвистического материала.

Результаты. В результате выявлен семантический инвариант категории «безличность», которым является признак **СОБЫТИЙНОСТЬ**, актуализирующийся в различных аспектах в ряде сентенциональных структур. Именно данный признак постулируется как фундаментальное свойство, на основе которого говорящий конструирует сентенциональную структуру определенным образом.

На основе проведенного исследования предлагается иное толкование термина «безличность», который может рассматриваться как «событийность».

Область применения результатов определяется общей исследовательской парадигмой и связана со сферой междисциплинарных исследований в области когнитивной лингвистики, биокогнитивной лингвистики, и общей теоретической грамматики.

Ключевые слова: безличность; семантический инвариант; система «организм-среда»; наблюдатель; категория; событийность; модель структуры предложения.

SEMANTICS AND BOUNDARIES OF IMPERSONALITY CATEGORIAL DOMAIN IN MODERN ENGLISH

Berezina O.A.

The properties of the “impersonality” category, especially the ones that embrace various syntactic structures into a homogeneous domain, do not appear to have been thoroughly researched into in semantic studies. Therefore, there is no definite criterion of an “impersonal” structure, which inhibits stating the status of syntactical structures within or beyond the domain under study.

***Purpose.** The purpose of the article is to define the invariant semantics of the “impersonality” category, which suggests a different approach to the basic general semantics of this domain, research into differentiation of this fundamental property in various aspects within a highly diverse type of sentence structures, as well as state the boundaries of the “impersonality” category in English.*

***Methodology** of the present study is based upon the concepts of biology of cognition developed within the field of linguistic research, the theory of “organism-environment” system that has emerged within psychology of perception, as well as cognitive theories in linguistic studies.*

***Results.** As a result, the semantic invariant of the “impersonality” category is explicated and stated as CO-EXISTENCE that is projected*

in a range of sentence structures. This property is defined as basic or fundamental, which leads the speaker to construct the sentence structure according to a certain configuration. Thus in the study present it is suggested that the traditional term “impersonality” describing the type of a syntactic structure should be replaced by a more accurate term “co-existence”.

***Practical implications** evolve out of the general paradigm of the research that has been conducted within the fields of cognitive linguistics, biocognitive linguistics and general theory of grammar.*

***Keywords:** impersonality; semantic invariant; “organism-environment” system; observer; category; co-existence; sentence structure pattern.*

Вопрос об инвариантной семантике и статусе т.н. безличных структур является одним из наиболее дискутируемых в лингвистике. В связи с отмечаемой многими лингвистами «аномальностью» безличной структуры в языках различного строя, предпринимались многочисленные попытки свести безличную структуру к некоторой «базовой», или исходной модели (как правило, прямо-переходной, субъектно-объектной или субъектно-предикатной), которая рассматривалась бы как основа, структурно изоморфная отражаемой пропозиции, которая претерпевает некоторое число трансформаций на довербальном уровне и актуализируется как «безличная» в проекции синтаксической структуры. Однако, в русле когнитивного подхода «безличность» могла бы получить объяснение без привлечения дополнительных – трансформационных – ступеней в процессе порождения высказывания, оказываясь, таким образом, «нормальным» типом структуры, адекватным образом отражающим ментальные репрезентации конструируемой в лингвистическом плане структуры.

Безличность несомненно является категорией, репрезентированной разнообразным репертуаром языковых форм актуализации данного значения. Категориальный принцип организации языковых актуализационных средств в поле безличности отмечался в исследованиях Т.Б. Алисовой, И.В. Недялкова, В.А. Петрова [1; 19; 20]

и др. Также в ряде исследований безличность рассматривается как субкатегория более широкого категориального поля «личность / безличность»: В.Г. Гак [11], Г.А. Золотова [12], В.Ю. Копров [14], Ю.С. Степанов [22], А.А. Худяков [25] и др. В теории функциональной грамматики «безличные» семантические признаки рассматриваются в рамках функционально-семантического поля «персональность» (см. [7]). Как показывают исследования материала, ни один из конститuentов «безличной» структуры сам по себе не актуализирует значение «безличность», данный признак (сколь бы условным или спорным этот термин ни был) выявляется только на уровне синтаксической структуры, равно как на уровне синтаксической структуры происходит актуализация лексической семантики и референция, поскольку: «Референция не является свойством лексических единиц в изоляции, но присуща им только в рамках синтаксической конструкции» [15, с. 95]. Таким образом, объектом анализа в настоящей работе станут: лексическая семантика единиц, комплекующих рассматриваемые структуры, конфигурации самих структур, пресуппозиции, лингвистический контекст, а также по возможности и экстралингвистический контекст. Для поставленной задачи, а именно, установления фундаментального признака, объединяющего разнообразные структуры в единое поле, а также для установления границ этого поля, необходимо выяснить семантический инвариант «безличности», поскольку существующий для обозначения данной категории термин не представляется адекватным при описании исследуемого материала.

В общем плане, трактовка семантического инварианта безличности сводится к следующим признакам: феноменологическая природа описываемого события, представленная как неантропоморфная (о бессубъектности безличной структуры говорят почти все исследователи), где сопровождающими характеристиками в сигнификативном плане выступают неконтролируемость, казуальность, произвольность и странность (неожиданность, непредсказуемость), акцент делается на отсутствии субъекта действия, процесса или состояния. Однако, отсутствие субъекта в пропозициональном

содержании не может считаться признаком, удовлетворительным образом описывающим сущность семантики безличности, т.к. обладает довольно узкой сферой применимости и опирается на признак субъектности, который также пока не получил исчерпывающего описания в исследованиях. Таким образом, в рамках данной работы необходимо выявить конститuentы общего семантического наполнения определенного типа пропозициональных структур, которые могли бы объединить весь репертуар безличных предложений в границах категории безличности и послужить основой для обоснования избираемой говорящим формы высказывания, т.е. раскрыть причины для выбора говорящим определенной проекции глубинной семантики в актуализационный формат. Представляется возможным это сделать с привлечением положений теории «организм-среда», поскольку в семантике т.н. безличной структуры в базовой конфигурации, как правило, отражены параметры окружающей человека среды.

В современных исследованиях акцент на различных аспектах взаимодействия организма и среды, где восприятие организмом параметров среды постулируется как «отправная точка» в данном взаимодействии, разрабатывается довольно активно в нескольких парадигмах. В философии в данном направлении разрабатывается концепция биологии познания, в рамках которой отношение в системе «организм-среда» описывается как отношение взаимной казуальной детерминации (Ф. Варела, С. Имото, У. Матурана, А. Морено, М. Моссио, Р. Урибе и др.; см. [13; 28; 30; 31]). В психологии восприятия также разрабатываются положения теории, описывающей систему «организм-среда» (organism-environment system), которая постулируется как основа экспериментальных исследований (см. [26; 27]). В лингвистике аналогичные концепции разрабатываются в рамках теории «распределенного сознания» (см. [26]), а также в когнитивно-ориентированных исследованиях, так или иначе строящихся на основе теории «биологии познания» (см. [2; 3; 8; 9; 10; 15; 16; 17; 18; 21; 23; и др.]). В рамках данной концепции принимается базовая посылка о том, что между организмом и

средой невозможно провести четкие границы, организм «встроен» в среду и зависим от среды в той же мере, в какой среда зависит от организма, они формируют единство и не могут исследоваться изолированно [26]. Ключевым понятием этой концепции является понятие «результата», возникающего в динамике опыта и организации системы «организм-среда». Однако, условием для возникновения человеческого сознания является функциональное сопряжение некоторого числа таких систем, в результате чего возникает «общий результат» (common result). Таким образом, сознание в общем смысле рассматривается как признак социальной организации. Индивидуальное сознание возникает в результате интериоризации и осмысления опыта взаимодействия в совместной деятельности некоторого числа систем «организм-среда». Сознательный индивидуальный опыт связан с коммуникацией и лингвистическим описанием «общего результата» [26]. Таким образом, в этой системе особое место принадлежит языку как физическому компоненту среды, который наделяется значимостью (становится каузальным фактором), что «...» втягивает его в *динамическую систему отношений* между двумя взаимодействующими организмами (сознаниями); последняя имеет «...» *ориентирующий характер*, поскольку взаимодействия между организмами направлены, в конечном итоге, на сохранение экологической (казуально взаимообусловленной) системы «организм-мир» [17, с. 153].

На наш взгляд, инвариантная семантика безличности максимально полно отражает взаимодействие конститuentов системы «организм-среда» и может быть наиболее точно описана как СОБЫТИЙНОСТЬ (об. этом см. подробно в [5; 6]). В данном случае, в отличие от канонической ситуации (вовлекающей в общий семантический рисунок сентенциональной структуры процесс в широком смысле и участвующие в процессе субстанциональные сущности – также в широком смысле), событие концептуализирует некий отрезок действительности дискретно в специфическом плане. Сознанием говорящего выявляются два конститuentа при концептуализации данного инварианта в аспекте взаимодействия в

системе «организм-среда», а значение т.н. «безличности» – описание этого взаимодействия. Актантная сетка данных структур в актуализационной проекции включает только один компонент – «среда». Поскольку, «организмом» в прототипическом случае является лицо говорящего (наблюдатель), то этот конституент не получает актуализационного оформления, представляя собой «данность». «Организм» в данном взаимодействии (по причине совпадения с говорящим-наблюдателем) в прототипическом случае находится «за кадром», его актуализация избыточна. Однако, есть еще одно следствие, вытекающее из положений концепции биологии познания У. Матураны [30, с. 5–34] и теории системы «организм-среда» Т. Ярвилехто [27, с. 112–120], которое также необходимо учитывать. Это то свойство данного взаимодействия, или сцепления (*coupling*), которое заключается в том, что в организме при таком взаимодействии возникают изменения. Таким образом, СОБЫТИЙНОСТЬ как инвариант «безличности» понимается в данной работе как в общем плане «взаимодействие организма и среды, параметры которой, индуцируют состояние или дальнейшие действия организма». В этой связи необходимо рассмотреть несколько примеров, чтобы выявить различные аспекты в актуализации инвариантного значения СОБЫТИЙНОСТЬ в различных моделях т.н. безличного предложения, являющегося объединяющим различные форматы концептуализации признаков.

Так, в типе предложений, традиционно рассматриваемом как собственно-безличные (в нашей классификации в эту группу входят «событийно-перцептивная», типа *It is raining; It has dawned*, «перцептивная», типа *It smells of autumn here; It felt like freezing weather* модели предложений с глагольными предикатами, а также т.н. «простая» модель предложения с именными предикатами, типа *It is hot; It was Sunday*) (см. подробно в [4]), наблюдается следующая картина:

1. It must be eleven, he thought, and peered into a diary to see the time. The clock in the dairy told him that it was five minutes to five but, as he turned away, he heard a clock somewhere near him, but unseen,

beating eleven strokes in swift precision. He laughed as he heard it for it made him think of McCann, and he saw him a squat figure in a shooting jacket and breeches and with a fair goatee, standing in the wind at Hopkins' corner, and heard him say <...> (Joyce 1996, с. 201).

В данном фрагменте качествами наблюдателя автор произведения наделяет главного героя (в границах контекста обозначен местоимением *he*). Он является «точкой отсчета» и его восприятие некоторых параметров физической среды задается рядом языковых единиц, отражающих происходящее в «сенсорном» ракурсе (*to see the time, heard a clock, unseen, beating eleven strokes, heard, saw*). Параметры среды в аспекте темпоральных значений описаны в форме двух «безличных» структур (*It must be eleven, it was five minutes to five*), где первое из этих двух предложений описывает предположение главного героя о темпоральных параметрах среды, в которой он находится, второе – реальное время происходящего в данном контексте. Воздействие параметров среды на организм также получает отражение в тексте данного фрагмента (*He laughed as he heard it for it made him think of McCann*). Необходимо отметить, что подобная «подробная инвентаризация» всех компонентов системы «организм-среда», т.е. их эксплицитное вербальное обозначение, возникает только в тексте художественного произведения, поскольку автору произведения необходимо эксплицитировать все конститuentы системы «организм-среда» и взаимоотношений элементов в этой системе по причине отсутствия актуальной консенсуальной области взаимодействия между читателем и героями произведения.

В следующем фрагменте текста также представлены все конститuentы системы «организм-среда» в их взаимодействии, и закономерно, событие, индуцирующее определенное состояние и/или действия в «организме» актуализируются в форме т.н. безличных предложений «перцептивно-событийной» модели (*Was it going to rain? Was it going to pour?*):

2. The thunder rolled over the building. There was a dead silence. Was it going to rain? Was it going to pour? Was the storm confined to the metropolis? Would it reach Epsom? A deluge, and the course would

be a quagmire, the strength might baffle speed. Another flash, another explosion, the hissing noise of rain. <...> Mr Latour walked to the window, surveyed the heavens, sighed that there was not time to send his tiger from the door to Epsom, and get information whether the storm had reached the Surrey hills, for tonight's operations. It was too late. So he took a rusk and a glass of lemonade, and retired to rest with a cool head and a cooler heart (Disraeli 1995, с. 6).

«Точка отсчета», или наблюдатель в авторской трактовке – *Mr Latour*, который наблюдает параметры физической среды (в акустическом плане: *the thunder rolled, the hissing noise of rain*, а также в визуальном плане: *another flash, another explosion, surveyed the heavens*). Наблюдатель оценивает значение данных (наблюдаемых) физических параметров среды (гроза) в плане их влияния на его действия (*there was not time, it was too late*) и решает не предпринимать никаких действий (*he took a rusk and a glass of lemonade, retired to rest*), что можно рассматривать как воздействие параметров среды на деятельность «организма».

Рассмотрим иные модели т.н. безличных предложений, выявленные в данном исследовании. Наиболее близка т.н. «перцептивной» и «событийно-перцептивной» моделям глагольной безличной структуры т.н. «реципиентно-когнитивная» модель глагольной безличной структуры, типа: *It dawned upon me that I had forgotten the documents; It occurred to me that he knew everything* etc. Сближение типовой семантики данных структур с перцептивными моделями основывается на сигнификативных значениях данного типа структур (неожиданность, неконтролируемость, каузальность). Средой, параметры которой оказывают воздействие на организм, является внутренняя среда ментальных и эмоциональных состояний когнитивного субъекта. Собственный когнитивный опыт метафорически концептуализируется когнитивным субъектом как некая физическая среда, взаимодействие с которой вызывает изменения в состоянии / деятельности субъекта (организма). Таким образом, СОБЫТИЙНОСТЬ в семантике данных структур актуализируется в интроспективном плане:

3. *It struck her* that it was hopeless to look for charity in such a man (Foster 1990, с. 43)

В примере 3 главная героиня делает вывод на основе поведения одного из героев. Зафиксированные в ее когнитивном опыте факты о поведении человека, которые она оценивает, становятся той средой, которая вызывает изменения в ее ментальном состоянии и приводит к формированию нового, неожиданного для нее знания об этом человеке. Таким образом, изменение ментального состояния главного героя (каузация знания) происходит на основании контакта с другим человеком, фиксации в перцептивном плане фрагментов его поведения, осмысления и оценивания, что, собственно, (контакт, каузальность) и обуславливает актуализацию «безличного» инварианта СОБЫТИЙНОСТЬ в данном случае.

Довольно близок к «реципиентно-когнитивной» модели в плане репрезентации содержательной структуры т.н. «сложный» тип именных безличных предложений без осложняющего компонента, типа *It sounded as if he found it difficult to work alone; It appeared that she and lost all her money in the crisis; It wasn't that she really had to work hard;* etc. Так же, зачастую кумулятивная семантика данных структур реализует сигнификативные признаки «наконтролируемость», «каузальность», «неожиданность» в случае выражения данными структурами значений: «неконтролируемое» получение знаний / понимания или эпистемическая оценка. Среда в данном случае рассматривается как некое «информационное» поле, или пространство, формируемое либо крайне широким охватом информационных источников, либо множественностью получаемых реципиентом информационных поводов для формирования знания или оценки в ментальном плане. Воздействие на наблюдателя, или «организм», данной – информационной – среды выражается в содержании пропозиционального компонента как описание фрагмента знания или мнения:

4. The heralds furnished his pedigree, and assured the world that, although the exalted rank and extensive possessions enjoyed at present by the Greymounts have their origin immediately in great territorial

revolutions of a recent reign, it was not for a moment to be supposed that the remote ancestors of the Ecclesiastical Commissioner of 1530 were by any means obscure. On the contrary, it appeared that they were both Norman and baronial, their real name Egremont, which, in their patent of peerage, the family now resumed (Disraeli 1995, с. 11).

Данному контексту предшествует описание процесса формирования Палаты Лордов, автор дает характеристику происхождения главного героя, который претендует на пэрство. В его знатном происхождении сомнений ни у кого нет, поскольку уже в 1530 году его предки занимали пост, требующий древности и знатности происхождения. Новое же знание заключается в том, что, как оказалось, он является потомком одного из значительно более древних родов английской аристократии, его родословная уходит корнями в раннее средневековье, т.к. его предки прибыли в Англию в ходе Нормандского завоевания. Когнитивный субъект в данном случае довольно широк – группа людей, формирующих Палату Лордов Британского парламента. Формирование знания происходит на основе того, что они слышали / прочитали (увидели), далее осмыслили, оценили.

В одну большую группу моделей можно объединить два довольно крупных типа моделей т.н. безличных структур: 1) безличные предложения с именным предикатом и осложняющим компонентом (типа: *It is unusual for a man of his status to behave like that*) и 2) модально-оценочную модель безличных предложений с глагольным предикатом (типа: *It takes two hours to get there; It annoys me to be interrupted while I am busy*). Основанием для объединения данных двух типов можно считать их общую модально-оценочную категориальную семантику. В плане отражения общей семантикой данных структур взаимодействия в рамках системы «организм-среда», составляющего основу реализации инвариантного значения категории «безличность» – СОБЫТИЙНОСТЬ, необходимо выявить те компоненты данных структур, которые являются формами актуализации компонентов указанной системы. Обращает на себя внимание тот факт, что актуализация объема «среды» в данном случае различна в структурах с актуализированным экспериенциром, с одной сторо-

ны, и без оного, с другой стороны. Актуализация экспериенцира в косвенно-падежных субстанциональных или прономинальных формах, как правило, указывает на то, что «средой», воздействующей на «организм» является, как правило, зона его личного пространства. Особенно ярко этот факт демонстрируют своей семантикой предложения т.н. «аффективного» типа с именными предикатами, а также предложения с глагольными предикатами, отражающими эмоциональную реакцию когнитивного субъекта. Собственно, формат воздействия «среды» на «организм» отражается в семантике предиката. При невыраженном экспериенцире оценка некоторого факта, явления, ситуации реализуется говорящим как «объективная», т.е. сформированная на основе структурального знания о естественном, типичном, широко известном, в редких случаях – собственном когнитивного опыта (рассматриваемого и описываемого когнитивным субъектом как бы «со стороны»), при определенной степени когнитивного дистанцирования себя как наблюдателя и себя же как наблюдаемого). В данном случае «средой», параметром которой является содержание пропозициональной части, является некоторое «социально-конвенциональное» поле, а оценка не является частью личного пространства когнитивного субъекта, но частью структурального знания о различных социальных, институциональных, культурных, сословных, профессиональных и т.д. нормах и нарушениях нормы. Наиболее частотны в данной большой группе модели с именными предикатами с осложняющими компонентами, рассмотрим их в первую очередь:

5. It was difficult to get there by car, the trains were infrequent and overcrowded and the local airport closed down at 5 p.m. (Queen Camilla 2007, с. 94).

6. But Lord Marney talked a good deal, though chiefly dogmatical or argumentative. It was rather difficult for him to find a sufficient stock of opposition, but he lay in wait and seized every opening with wonderful alacrity (Disraeli 1995, с. 41).

В примерах 5 и 6 семантика предикативного члена связана с отражением нормативно-рациональной оценки, в первом случае

без актуализации экспериенцира, во втором случае экспериенцир актуализован в формате именного элемента инфинитивного предикативного комплекса. Когнитивным субъектом в случае 5 является главная героиня, планирующая поездку и транслирующая общеизвестный факт о логистических проблемах в интересующем ее направлении. В примере 6 когнитивный субъект назван в предыдущем контексте (*Lord Marney*) и, собственно, экспериенцир безлично-оценочного предложения ему кореферентен. Интересен этот пример тем, что оценочное значение здесь (несмотря на экспликацию субъекта оценки) не представляет сегмента личного пространства наблюдателя, поскольку отсутствие оппозиции представляет в данном контексте не объект поисков главного героя, но условие, контекст его вербальной деятельности, некое социальное пространство, среда – люди, которыми он окружен.

Аналогичную картину наблюдаем в примере 7. Здесь среда представлена более узко – частная апперцепционная база в рамках одной семьи, однако, данный контекст интересен тем, что указывается источник формирования оценки – зрительное восприятие (*to see* в комплементарной части):

7. It seemed queer to the children to see their mother, who was always busy about the house, sitting writing in her rapid fashion, thinking, referring to books, and writing again (Lawrence 1999, с. 47).

Таким образом, в рассматриваемых контекстах наблюдается актуализация инварианта СОБЫТИЙНОСТЬ. Событие представлено в его фундаментальных признаках: временная / пространственная соположенность (организма и среды) и каузальность (независимость от деятельности наблюдателя) (о признаках семантического инварианта безличности см. подробно в [6], [5]).

Еще один тип сентенциональной структуры – «безагентно-пассивная» модель предложения, является самой «личной» по своему типовому содержанию среди всех моделей сентенциональных структур, построенных по модели «безличного» предложения. В семантике данной модели всегда отражается довольно высокая степень антропоморфности за счет семантики глагола-сказуемого

модусной части. Как убедительно демонстрируют исследования данного типа структур, избирая безлично-пассивную синтаксическую форму говорящий выражает иные смыслы, нежели при выборе «личных» или «неопределенно-личных» функционально синонимичных структур. Поэтому, можно сказать, что выбор формы, ассоциируемой с «безличным» содержанием в данном случае должен быть обусловлен связью данной модели синтаксической структуры с отражением общего инварианта безличности – СОБЫТИЙНОСТЬ. Когнитивный субъект представляет определенный факт как параметр (сегмент) некоторого «информационного» пространства, где источник знания представлен как максимально обобщенный или максимально нерелевантный, что собственно, и концептуализируется как «среда». Воздействие на «организм» представлено в семантике данных структур как сформированное на основе «собранных» в «информационном» поле информации для формирования знания / мнения / суждения:

8. In a few minutes it was announced that dinner was served, and so, secured from a scene, having a fair appetite, and surrounded by dishes that could agreeably satisfy it, a kind of vague fraternal sentiment began to stir the breast of Lord Marney (Disraeli 1995, c. 40).

9. Soon after this, there was a stir in the saloons; a murmur, the ingress of many gentlemen <...> The House was up; the great Jamaica division was announced; the Radicals had thrown the Government, who, left in a majority of only five, had already intimated their sense of the unequivocal feeling of the House with respect to them. It was known that on the morrow the Government would resign (Disraeli 1995, c. 221).

Данные примеры иллюстрируют два основных контекста употребления «безлично-пассивных» структур. В примере 8 субъект действия глагола *announce* вполне конкретен и единичен (человек из обслуживающего персонала). Однако для главного героя (когнитивного субъекта) этот человек абсолютно нерелевантен как источник сообщения. Параметр физической среды (некоторое объявление) задается как некий акустический сигнал в ней, каузирующий определенные изменения в когнитивном субъекте (*a kind of vague*

fraternal sentiment began to stir the breast of Lord Marney). В примере 9 представлен второй контекст употребления «безлично-пассивной» структуры. Описана ситуация многочисленных светских разговоров в салонах с участием многих людей (*a stir in the saloons; a murmur; the ingress of many gentlemen*), далее автором произведения создается «информационный фон», перечисляется некоторое число тем разговоров, обсуждаемых в многочисленных светских салонах (*The House was up; the great Jamaica division was announced; the Radicals had thrown the Government, who, left in a majority of only five, had already intimated their sense of the unequivocal feeling of the House with respect to them*). И все это множество «информационных поводов» интериоризируется, осмысливается, обобщается и складывается в сформированное суждение, что и актуализируется в форме «безлично-пассивной» структуры (*It was known that on the morrow the Government would resign*). То есть, в данном контексте инвариант СОБЫТИЙНОСТЬ актуализируется в следующих признаках: пространственно-временной контакт (множества людей со множеством сообщаемых им фактов) и каузальность (информационное поле как среда, каузирующее в когнитивном субъекте изменение состояния, приводящее к формированию суждения).

Таким образом, можно сделать вывод, что объединяющим признаком в поле рассматриваемой категории является СОБЫТИЙНОСТЬ, или «взаимодействие организма и среды, параметры которой (перцептивного пространства, социального контекста, общей или частной апперцепционной базы), индуцируют состояние или дальнейшие действия организма», или, другими словами: пространственно-временной контакт организма и среды, а также каузальность (неинтенциональное изменение состояния организма в результате данного контакта). Границы данного категориального поля включают довольно негетерогенный репертуар сентенциональных структур: от базовых прототипических предложений с «метеорологической» семантикой до модально-оценочных и безлично-пассивных структур. Возвращаясь к вопросу о неадекватности термина «безличность», который принимается многими как рабо-

чий инструмент в лингвистических исследованиях за отсутствием более приемлемого, можно предложить трактовку данной категории как категории «событийности», что наиболее точно отражает параметры инвариантной семантики сентенциональных структур, комплекующих исследуемое категориальное пространство.

Список литературы

1. Алисова Т.Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 27–36.
2. Архипов И.К. ИмPLICITные и эксплицитные значения, или парадокс обыденного сознания // *Studia Linguistica XXII. Язык. Текст. Дискурс. Современные аспекты исследований.* СПб.: Политехника-сервис, 2013. С. 5–10.
3. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia linguistica cognitiva. Язык и познание (методологические проблемы и перспективы).* М.: «Гнозис», 2006. №1. С. 157–171.
4. Березина О.А. Классификация моделей безличного предложения в современном английском языке // *Эмпирические исследования в области теоретического и прикладного языкознания.* Новосибирск, 2014(a). С. 67–84.
5. Березина О.А. Семантический инвариант безличности // *Вестник Челябинского государственного университета.* Челябинск: Изд. Челябинского государственного университета, 2014 (b). №7 (336). С. 11–14.
6. Березина О.А. Событийность как инвариантная семантика безличности // *В мире научных открытий.* Красноярск, 2013. № 11.6(47). С. 146–153.
7. Бондарко А.В. Семантика лица // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость.* СПб.: Наука, 1991. С. 5–40.
8. Верхотурова Т.Л. Аналитический комплекс «наблюдатель + наблюдаемое» в лексической семантике // *Вестник Новосибирского государственного университета.* Серия: Лингвистика и межкультурная

- коммуникация. Новосибирск, 2008. Т.6, вып.2. С. 33–41. URL: <http://elibrary.ru/download/19688241.pdf> (дата обращения: 24.02.2014).
9. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // *Studia linguistica cognitiva. Язык и познание (методологические проблемы и перспективы)*. М., «Гнозис», 2006. №1. С. 45–65.
 10. Верхотурова Т.Л. Статус наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. Иркутск, 2009. №1. С. 167–175. URL: <http://elibrary.ru/download/11074960.pdf> (дата обращения: 24.02.2014).
 11. Гак В.Г. Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб.: Наука, 1991. С. 72–86.
 12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 528 с.
 13. Имото С. Филосовское основание теории восприятия Матураны // *Studia linguistica cognitiva. Язык и познание (методологические проблемы и перспективы)*. М.: «Гнозис», 2006. №1. С. 8–19.
 14. Копров В.Ю. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения // *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*. Воронеж, 2002. С. 141–154.
 15. Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск: Изд. Иркутского университета, 1992. 212 с.
 16. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 1993. № 54/1. С. 45–56.
 17. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой // *Studia linguistica cognitiva. Язык и познание (методологические проблемы и перспективы)*. М.: «Гнозис», 2006. №1. С. 135–156.
 18. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2004. 206 с.

19. Неद्याлков И.В. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 233–243.
20. Петров В.А. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2007. 295 с.
21. Похолкова А.Г. Когнитивная семантика указательного местоимения «это». Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 188 с.
22. Степанов Ю.С. Личности-безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 272–273.
23. Хрисонопуло Е.Ю. Категория лица местоимений и категоризация когнитивного и коммуникативного опыта // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: «Гнозис», 2006. С. 276–294.
24. Худяков А.А. Категория персональности/имперсональности: опыт когнитивного анализа // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. СПб.: Тригон, 2005. С. 190–198.
25. Cowley S.J. Linguistic Embodiment and Verbal Constraints: Human Cognition and the Scales of Time // *Frontiers in Psychology*. 2014: URL: https://www.academia.edu/8619129/Linguistic_embodiment_and_verbal_constraints_human_cognition_and_the_scales_of_time?auto=download&campaign=weekly_digest (дата обращения 14.12.2014).
26. Järvillehto T. The Theory of the Organism-Environment System as a Basis of Experimental Work in Psychology // *Ecological Psychology*. 2009 (a). #21. Routledge. Taylor and Francis Group. С. 112–120.
27. Järvillehto T., et al. The Role of Anticipation in Reading // *Pragmatics & Cognition*. 2009 (b). #17:3. John Benjamins Publishing Company. С. 509–526.
28. Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // *Psychology and Biology of Language and Thought*. / G. Miller & E. Lenneberg (Eds.). New York: Academic Press, 1978. С. 27–63.
29. Maturana, H.R. Autopoiesis, structural coupling and cognition: a history of these and other notions in the biology of cognition // *Cybernetics and Human Knowing*. 2002. 9 (3/4). С. 5–34.

30. Mossio M., Bich L., Moreno A. Emergence, closure and inter-level causation in biological systems, 2013; URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10670-013-9507-7> (дата обращения: 23.08.2014).
31. Varela F, Maturana H, Uribe R. Autopoiesis: the organization of living systems, its characterization and a model // *BioSystems*. 1974. #5. С. 187–196.

References

1. Alisova T.B. Semantiko-kommunikativniy substrat bezlichnykh predlozheniy [Semantic-communicative Substratum of the Impersonal Sentences] *Invariantnye sintaksicheskiye znacheniya i struktura predlozheniya* [Invariant Syntactic Meanings and Sentence Structure]. М., 1969, pp. 27–36.
2. Arkhipov I.K. Implitsitnye i explitsitnye znacheniya, ili paradoks obydenного soznaniya [Implicit and Explicit Meanings, or the Paradox of the Everyday Consciousness]. *Studia Linguistica XXII. Yazyk. Tekst. Diskurs. Sovremenniyе aspekty issledovaniy* [Studia Linguistica XXII. Language. Text. Discourse]. SPb: Politehnika-servis, 2013, pp. 5–10.
3. Arkhipov I.K. Polifoniya mira, tekst i odinochestvo poznayushchego soznaniya [The Polyphony of the World and the Solitude of the Cognizing Mind]. *Studia linguistica cognitiva. Yazyk i poznaniye (metodologicheskiye problemy i perspektivy)* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and Cognition (Methodological Issues and Perspectives)]. М.: “Gnozis”, 2006. №1, pp. 157–171.
4. Berezina O.A. Klassifikatsiya modeley bezlichnogo predlozheniya v sovremennom angliyskom yazyke [The Classification of the Impersonal Sentence Structures in the Modern English Language]. *Empiricheskiye issledovaniya v oblasti teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniya* [The Empirical Studies in the Field of Theoretical and Applied Linguistics]. Novosibirsk, 2014(a), pp. 67–84.
5. Berezina O.A. Semanticheskiy invariant bezlichnosti [The Semantic Invariant of Impersonality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Chelyabinsk State University Bulletin]. Chelyabinsk, 2014 (b). №7 (336), pp. 11–14.

6. Berezina O.A. Sobytiynost kak invariantnaya semantika bezlichnosti [Co-existence as the Invariant Semantics of Impersonality]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries]. Krasnoyarsk, 2013. № 11.6(47), pp. 146–153.
7. Bondarko A.V. Semantika litsa [The Semantics of the Person]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Personalnost. Zalogovost* [The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice]. SPb: Nauka, 1991, pp. 5–40.
8. Verkhoturova T.L. Analiticheskiy kompleks “nablyudatel + nablyudayemoye” v leksicheskoy semantike [The Analytical Complex “the Observer + the Observed” in the Lexical Semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Linguistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [The Novosibirsk State University Bulletin. Linguistics and Inter-cultural Communication Series]. Novosibirsk, 2008. vol.6, #2, pp. 33–41. URL: <http://elibrary.ru/download/19688241.pdf> (accessed February 24, 2014).
9. Verkhoturova T.L. Metakategoriya “nablyudatel” v nauchnoy kartine mira [The Meta-category of “the Observer” in the Scientific World Picture]. *Studia linguistica cognitiva. Yazyk i poznaniye (metodologicheskiye problemy i perspektivy)* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and Cognition (Methodological Problems and Perspectives)]. M.: “Gnozis”, 2006. №1, pp. 45–65.
10. Verkhoturova T.L. Status nablyudayemogo v kognitivnoy modeli nablyudeniya [The Status of the Observed in the Cognitive Pattern of Observation]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Irkutsk State University Bulletin]. Irkutsk, 2009. №1, pp. 167-175. URL: <http://elibrary.ru/download/11074960.pdf> (accessed February 24, 2014).
11. Gak V.G. Neopredelyonnolichnost v plane sodержaniya i v plane vyrasheniya [Indefinite Personality in the Aspects of Meaning and Form]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Personalnost. Zalogovost* [The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice]. SPb: Nauka, 1991, pp. 72–86.
12. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The Communicative Grammar of the

- Russian Language]. M.: Izdatelstvo MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. 528 p.
13. Imoto S. Filosofskoye osnovaniye teorii vospriyatiya Maturany [The Philosophical Nature of Maturana's Theory of Perception]. *Studia linguistica cognitiva. Yazyk i poznaniye (metodologicheskiye problemy i perspektivy)* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and Cognition (Methodological Problems and Perspectives)]. M.: "Gnozis", 2006. №1, pp. 8–19.
 14. Koprov V.Yu. Podlezhashchnost / bespodlezhashchnost / bezlichnost v sopostavitel'noy tipologii predlozheniya [Subjectivity / Non-subjectivity / Impersonality in the Comparative Typology of the Sentence]. *Yazyk i natsionalnoye soznaniye. Voprosy teorii i metodologii* [Language and National Consciousness. The Issues of Theory and Methodology]. Voronezh, 2002, pp. 141–154.
 15. Kravchenko A.V. *Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost. Deyk-tichnost. Indeksalnost* [The Aspects of the Theory of Demonstrativity: Egocentricity. Deixis. Indexality]. Irkutsk: Izdaniye Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992. 212 p.
 16. Kravchenko A.V. K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke [Towards the Problem of Observation as System Forming Factor in the Language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Proceedings of Russia's Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 1993. № 54/1, pp. 45–56.
 17. Kravchenko A.V. Yavyayetsya li yazyk reprezentativnoy sistemoy [Is the language a System of Representation?]. *Studia linguistica cognitiva. Yazyk i poznaniye (metodologicheskiye problemy i perspektivy)* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and Cognition (Methodological Problems and Perspectives)]. Moscow: "Gnozis", 2006. №1, pp. 135–156.
 18. Kravchenko A.V. Yazyk i vospriyatiye. Kognitivnyye aspekty yazykovoy kategorizatsii [Language and Perception. The Cognitive Aspects of Language Categorization]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. 206 p.
 19. Nedyalkov I.V. Angliyskiye i russkiye bezlichniye konstruksii: poleviye struktury, tsentr i periferiya [English and Russian Impersonal construc-

- tions: field structures, centre and periphery]. *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Poleviye struktury* [The Issues of Functional Grammar. Field Structures]. SPb, 2005, pp. 233–243.
20. Petrov V.A. *Bezlichnost kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya russkogo yazyka* [Impersonality as a semantic and grammar category of the Russian Language]. Arkhangelsk: Izd-vo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, 2007. 295 p.
21. Pokholkova A.G. *Kognitivnaya semantika ukazatel'nogo mestoimeniya "eto"* [The Cognitive Semantics of the Demonstrative Pronoun "This"]. Diss. ...kand.filol.nauk. Irkutsk, 2003. 188 p.
22. Stepanov Yu.S. *Lichnosti-bezlichnosti kategoriya* [The Category of Personality-Impersonality]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedia]. Moscow, 1990, pp. 272–273.
23. Khrisonopulo Ye.Yu. *Kategoriya litsa mestoimений i kategorizatsiya kognitivnogo i kommunikativnogo opyta* [The Category of Person and the Categorization of the Cognitive and Communicative Experience]. *Studia Linguistica Cognitiva, # 1. Yazyk i poznaniye (metodologicheskoye problemy i perspektivy)* [Studia Linguistica Cognitiva. Language and Cognition (Methodological Problems and Perspectives)]. Moscow: "Gnozis", 2006, pp. 276–294.
24. Khudyakov A.A. *Kategoriya personalnosti/impersonalnosti: opyt kognitivnogo analiza* [The Category of Personality/Impersonality: Experimental Cognitive Analysis]. *Kognitivnaya lingvistika: mentalniye osnovy i yazykovaya realizatsiya. Ch. 1.* [Cognitive Linguistics: Mental Grounding and Language Realization]. SPb: Trigon, 2005, pp. 190–198.
25. Cowley S.J. Linguistic Embodiment and Verbal Constraints: Human Cognition and the Scales of Time. *Frontiers in Psychology*. 2014: https://www.academia.edu/8619129/Linguistic_embodiment_and_verbal_constraints_human_cognition_and_the_scales_of_time?auto=download&-campaign=weekly_digest (accessed December 14, 2014).
26. Järvillehto T. *The Theory of the Organism-Environment System as a Basis of Experimental Work in Psychology*. *Ecological Psychology*. 2009 (a). #21. Routledge. Taylor and Francis Group, pp. 112–120.

27. Järvillehto T., Nurkkala V.-M., Koskela K. The Role of Anticipation in Reading. *Pragmatics & Cognition*. 2009 (b). #17:3. John Benjamins Publishing Company, pp. 509–526.
28. Maturana H.R. *Biology of Language: The Epistemology of Reality*. Psychology and Biology of Language and Thought. New York: Academic Press, 1978, pp. 27–63.
29. Maturana, H.R. Autopoiesis, structural coupling and cognition: a history of these and other notions in the biology of cognition. *Cybernetics and Human Knowing*. 2002. 9 (3/4), pp. 5–34.
30. Mossio M., Bich L., Moreno A. Emergence, closure and inter-level causation in biological systems. 2013; <http://link.springer.com/article/10.1007/s10670-013-9507-7> (accessed August 23, 2014).
31. Varela F, Maturana H, Uribe R. Autopoiesis: the Organization of Living Systems, its Characterization and a Model. // *BioSystems*. 1974. #5, pp 187–196.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Березина Ольга Александровна, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, кандидат филологических наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Наб.реки Мойка, 48, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, 191186, Российская Федерация
berezinaolga@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Berezina Olga Aleksandrovna, Associate Professor, Department of the English Language and British Studies, Ph.D in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moyka River emb., Saint-Petersburg, Leningrad region, Russian Federation
berezinaolga@gmail.com
SPIN-code: 6704-4227
ORCID: 0000-0002-2604-8702

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-166-175

УДК 81.367 +81.38

ЭЛЛИПСИС КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ

Чайко Н.Н.

Статья посвящена анализу эллиптических конструкций, традиционно причисляемых к эмоционально-экспрессивным. Предметом анализа выступают современные немецкие публицистические тексты интервью. Принято считать, что эллипсис, с одной стороны, присущ разговорной речи, с другой стороны, он широко используется в ораторской речи и художественной литературе. Выбор текста жанра интервью в качестве материала исследования позволяет по-новому проанализировать эту стилистическую фигуру. Автор ставит целью определить эмоциональный и экспрессивный потенциал эллиптических конструкций среди различных средств синтаксической экспрессии. Изучение фактического материала осуществлялось описательным методом лингвостилистического анализа.

Проведенный анализ показал, что наблюдается частотное употребление разных типов эллиптических предложений. Эллиптическая компрессия в заголовках и предзаголовках интригуют читателя, заставляя его продолжить чтение, а также придает выразительность всей публикации. Эллипсис распространен и в самом тексте интервью, способствует созданию живого диалога с читателем, придает лаконичность и особое ритмическое оформление высказыванию. Результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по стилистике немецкого языка, а также в спецкурсах по дискурсу современной немецкой прессы.

Ключевые слова: экспрессивность; стилистический синтаксис; вид текста; интервью; эллипсис.

ELLIPSIS AS ONE OF THE WAYS OF IMPLEMENTING EXPRESSIVE SYNTAX IN MODERN JOURNALISTIC INTERVIEWS

Chaiko N.N.

The article is devoted to the elliptical constructions traditionally considered to be emotionally expressive. The subject of analysis is the modern German publicistic texts – interviews. It is generally believed that ellipsis, on the one hand, is inherent in colloquial speech, on the other hand, it is widely used in oratorical speech and fiction. The choice of the text of the interview genre as a research material allows us to analyze this stylistic figure in a new way. The author aims to determine the emotional and expressive potential of elliptic structures among various means of syntactic expression. The study of factual material was carried out by a descriptive method of linguistic analysis.

The analysis showed frequent use of different types of elliptic sentence. Elliptical compression in headlines and pre-headlines intrigues the reader, getting them to continue reading. It also gives expressiveness to the entire publication. Ellipsis is also common in interviews, as it helps to create a lively dialogue with the reader, laconism and a special rhythmic formulation of the statement. The results of the study can be used in theoretical courses on the stylistics of the German language, as well as in special courses on the discourse of the modern German press.

Keywords: *expressiveness; stylistic syntax; type of text; interview; ellipsis.*

Важнейшим лингвистическим, конструктивным признаком публицистического стиля является тесное взаимодействие и взаимопроникновение выразительных, эмоционально воздействующих речевых средств и стандартных, широко употребляемых в данном стиле языка. Широкое привлечение выразительных средств обусловлено в первую очередь агитационно-пропагандистской функцией данного стиля. Такие особенности публицистического стиля как

ориентация на массового многоликого читателя, безмерная широта и разнообразие тематики требуют броских, мгновенно воспринимаемых выразительных средств.

Целью данной статьи является рассмотрение эллипсиса как одного из синтаксических средств эмоциональной экспрессии в современных публицистических интервью. Анализу этой стилистической фигуры в художественном тексте и в разговорной речи на разных языках посвящено очень много работ, где рассматриваются как грамматические стороны эллипсиса [1, 2, 5, 6, 7, 13, 14], так и стилистический аспект проблемы [3, 4, 8, 11, 12, 15]. Выбор текста жанра интервью в качестве материала исследования позволяет по-новому представить употребление этой стилистической фигуры. Материалом для исследования послужили 237 текстов печатного интервью немецкого информационно-политического журнала «Der Spiegel» 2016 г. Данное печатное издание является одним из ведущих средств массовой коммуникации современной Германии и оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения. Являясь средством массовой информации, журнал «Der Spiegel» выполняет прежде всего информационно-воздействующую функцию. Из необходимости воздействия на адресата – массового читателя – проистекает специфическая особенность газетно-публицистического стиля, а именно: его эмоционально-экспрессивный характер [10, с. 352].

Интервью является одним из самых популярных газетно-журнальных видов текста и, как следствие, распространенным способом получения информации в современном социуме. Интервью как вид текста, в том числе и в журнале «Der Spiegel», представляет собой метод диалогического получения информации. Диалог является специфической формой социального контакта, которая предстает как взаимонаправленная речевая связь субъектов, как особая система межличностного взаимодействия [9, с. 66; 10, с. 352]. Являясь текстом стиля массовой коммуникации, публицистические тексты интервью воздействуют на общественное сознание посредством информирования широких кругов населения о событиях современности [3, с. 21]. Они освещают социально-значимые

события [9, с. 129], имеющие социальный интерес. В современном массмедийном дискурсе интервью выделяются высокой степенью востребованности и частотностью. Интервью позволяют воспроизвести различные точки зрения по политическим, социальным, экономическим, морально-этическим проблемам современного общества, вопросам воспитания, культуры, спорта и др.

Как показал проведенный нами анализ практического материала, для привлечения внимания читателя к тексту интервью могут использоваться различные средства синтаксической экспрессии. Одной из самых распространенных синтаксических особенностей текстов интервью, публикуемых в журнале «Der Spiegel», является интенсивное употребление эллиптических конструкций, которые являются характерной чертой современного интервью и понимаются как явление живой разговорной речи [10, с. 22]. Из античной риторики эллипсис известен как фигура, производящая эффект «интеллектуальной неожиданности». Этот эффект основан на контрасте синтаксиса и семантики, который возникает из структурной неполноты конструкции, ее открытости к домысливанию. Структурная неполнота проявляется, прежде всего, в выпадении строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например, вспомогательного глагола. Однако процесс сокращения высказывания может затронуть и полнозначные лексические элементы, такие, как глаголы, личные местоимения, отдельные существительные, а также целые словосочетания.

Абсолютно частотным является употребление эллиптических конструкций в заголовках, например:

«Die letzte Potenz» (Der Spiegel, № 27.2016, S. 69), «Ein riesiges Schattensystem» (Der Spiegel, № 15.2016, S. 81), «Pausenlos am Limit» (Der Spiegel, № 31.2016, S. 100), «Angela May und Theresa Merkel» (Der Spiegel, № 31.2016, S. 68).

Эллипсисы, которые используются в заголовках, интригуют читателя, заставляя его продолжить чтение, а также придают выразительность всей публикации. Современные заголовки текстов интервью, стремясь к компрессии, представляют собой высказывания,

т.е. речевые действия, выполняемые с определенным намерением и влекущие за собой определенный эффект воздействия.

Эллиптическими высказываниями могут быть представлены и подзаголовки (предтекст), посредством которых осуществляется представление опрашиваемого (имя и фамилия, общественное положение, возраст), а также излагается основная тема беседы, например:

Der christsoziale Verkehrsminister Alexander Dobrindt, ueber den richtigen Umgang mit der AfD und zunehmende Entfremdung zwischen den Schwesterparteien CSU und CDU (Der Spiegel, № 19.2016, S. 29);

Kanzleramtschef Peter Altmaier, 58 (CDU), ueber seine Hoffnung auf den Exit vom Brexit (Der Spiegel, № 29.2016, S. 42);

Der Fraktionsvorsitzende der Gruenen, Anton Hofreiter, 46, ueber Tierwohl in Deutschland, Guelle im Grundwasser (Der Spiegel, № 22.2016, S. 42).

Эллипсис характерен и для самого текста интервью, который строится как диалог между журналистом и его респондентом. При этом, безусловно, существует известная свобода в отношении объема и формулировки ответов:

Der Spiegel: Sie uebernehmen den Auftrag? **Wektorowitsch:** *Natuerlich* (Spiegel, № 9.2016, S. 69);

Der Spiegel: Machen Sie Wahlkampf fuer Donald Trump, wie zum Beispiel SPIEGEL-ONLINE-Kolumnist Sascha Lobo Ihnen vorhaelt? **Assange:** *Unsinn* (Der Spiegel, № 40.2016, S. 38);

Der Spiegel: Haben Sie als lesbische Frau kein Problem mit dem Islam, dessen Anhaenger sich mit Homosexualitaet, um es vorsichtig ausdruecken, schwertun? **DeLaria:** *Ein riesiges Problem. Natuerlich* (Der Spiegel, № 25.2016, S. 25);

Der Spiegel: Wie wird der Wahlkampf zwischen Trump und Clinton aussehen? **Tapper:** *Schmutzig, haesslich, furchtbar* (Der Spiegel, № 23.2016, S. 60);

Der Spiegel: Kontrolliert das irgendjemand? **Hofmann:** *Ich.* (Der Spiegel, № 37.2016, S. 66).

В приведенных примерах показано, что в качестве реагирующих реплик типичны эллиптические высказывания, состоящие из одно-

го-двух-трех членов, соотносимых по смыслу со стимулирующей репликой.

Эллиптическая модель вопроса, состоящая из одного сочинительного союза *und*, выражает нетерпение говорящего или может быть использована как побуждение продолжить диалог. Экспрессивность модели состоит в ее недосказанности:

Hensel: Ich hatte von Anfang an Zweifel an der Seriositaet diese Studie. Trotz dem sind wir der Sache sorgfaeltig nachgegangen, weil uns viele besorgte Muetter gefragt haben, ob sie ihr Baby besser abstillen sollen. **Der Spiegel:** *Und?* **Hensel:** Bloss nicht! Das Gerede von der angeblich glyphosatverseuchten Muttermilch ist Panikmache. Ichfindedasverantwortungslos. (Der Spiegel, № 11.2016, S. 50).

Нередко эллиптические высказывания имеют проективный характер и употребляются в продолжение собственного высказывания. В проективных репликах может опускаться подлежащее, или модальный глагол, или даже смысловой глагол:

Ich habe lange gedacht, fuers Skifahren brauchst du einfach Eier. Stimmt nicht. (Der Spiegel, № 1.2016, S. 91);

Viele Buerger misstrauen dort der Hygiene. Ich nicht. (Der Spiegel, № 11.2016, S. 52);

Das will der eine behalten, der andere aber verkaufen. (Der Spiegel, № 27.2016, S. 45).

Проективный эллипсис реализуется и в сложном предложении, одна из частей которого является полносоставной, а другая эллиптической. Например, в сложносочиненном предложении вторая часть может опираться на первую и представляет собой синтаксически параллельную структуру. В таком случае предикативное отношение легко проецируется; «предложенческий» характер конструкции подтверждается тем, что, взятая отдельно она не образует словосочетания:

Die Schweizer koennen das, die Norweger auch. (Der Spiegel, № 27.2016, S. 20);

Du kriegst das Haus, der andere nur den Pflichtteil. (Der Spiegel, № 27.2016, S. 44);

Der Stundenlohn ist gering, aber mein Gewinn auch. (Der Spiegel, № 9.2016, S. 69).

В сложноподчиненном предложении эллиптическим нередко оказывается главное. Как правило, оно выражает согласие/несогласие или модальную оценку мысли, содержащейся в придаточном предложении. Сложный комплекс приобретает более эмоциональный характер:

Klar, wennsievernuenftigwaeren. (Der Spiegel, № 27.2016, S. 44);

Nicht, dass man aus Versehen das Filet kaputtmacht. (Der Spiegel, № 22.2016, S. 43);

Super, wenn jemand Oekostrom bezieht. (Der Spiegel, № 36.2016, S. 44).

В текстах интервью наблюдается употребление эллиптических придаточных предложений. Парцелляция придаточных является следствием ослабленного внимания к языковой форме. Ослабление внимания происходит чаще всего под действием эмоциональных факторов повышенного или пониженного эмоционального тона говорящего. Так, экспрессивный эффект в эллиптических придаточных основан на логическом выделении определенного факта или детали. Благодаря экономии языковых средств, эллиптические придаточные конструкции создают атмосферу эмоциональной напряженности, имитируя живое общение:

Die Mehrheit der Amerikaner glaubt, dass sich das Land auf einem falschen Kurs befinde. Und dass etwas passieren muss. (Der Spiegel, № 23.2016, S. 61);

Die Macht in der Gesellschaft liegt – immer noch – in der Hand reicher, weisser Maenner. Auch wenn sie vielleicht immer mehr unter Druck geraten. (Der Spiegel, № 25.2016, S. 25);

Es mag faktisch richtig sein, aber es verstaerkt die Angst. Weil es Fragen offenlaesst und Raum fuer Fantasien ausbreitet. (Der Spiegel, № 33.2016, S. 39).

В следующем эллиптическом придаточном с союзом *als* с инвертированным порядком слов изменяется значение союза. Вместо значения ирреального сравнения развилось значение иронического оценочного утверждения, означающего противоположное тому, что выражено в предложении. Засчет этого возникает экспрессивность:

Ich sass dort und habe die Namen der Toten auf einen Zettel geschrieben. Alswuerdedashelfen. (Der Spiegel, № 13.2016, S. 118).

Проведенный анализ показал, что в современных публицистических интервью наблюдается частотное употребление разных типов эллиптических предложений. Так, например, эллипсисы, используемые в заголовках и предзаголовках, интригуют читателя, заставляя его продолжить чтение, а также придают выразительность всей публикации. Эллиптическая компрессия распространена и в самом тексте интервью, который строится как диалог между журналистом и его респондентом. В приведенных примерах компрессии подвергаются семантически избыточные компоненты. При этом эллиптические, неполные предложения способствуют созданию живого диалога с читателем, придают лаконичность и особое ритмическое оформление высказыванию. Благодаря экономии языковых средств, эллиптические конструкции создают атмосферу эмоциональной напряженности, имитируя живое общение.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 238 с.
2. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
4. Вандриес Ж. Язык. М.: Гос. соц. эконом. изд., 1937. 409 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1981. 208 с.
6. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 239 с.
7. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.
8. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика и культура речи русского языка. М.: Академия, 2012. 256 с.
9. Таюпова О.И. Лингвистические аспекты теории коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2014. № 2. С. 561–565.
10. Таюпова О.И. Синтаксические средства экспрессивной речи в современных публицистических интервью // Вестник Башкирского университета. 2014. № 1. С. 136–139.

11. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.
12. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: E. Schmidt, 2010. 160 S. (Grundlagen der Germanistik – 29).
13. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 2., völligneubearb. Aufl. Stuttgart: Kröner, 2002. 904 с.
14. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 с.
15. E. Riesel, E. Schendels. Deutsche Stilistik. М.: Hochschule, 1975. 315 с.

Источник примеров: www.spiegel.de

References

1. Admoni V.G. *Grammaticeskij stroj kak sistema postrojzenia I obshaja teorija grammatiki* [The grammatical system as a system of construction and the general theory of grammatics]. L.: Nauka, 1988. 238 p.
2. Admoni V.G. *Sintaksis nemeckogo jazyka* [Syntax of the German language]. L.: Nauka, 1973. 366 p.
3. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. М.: Vyssh. shk., 1983. 271 p.
4. Vandries Ch. *Jazyk* [The language]. М.: Gos. sots. ekonom. izd., 1937. 408 p.
5. Gak V.G. *Teoreticheskaja grammatika frantsuskogo jazyka. Sintaksis* [Theoretical grammar of the French language. Syntax]. М.: Vyssh. shk., 1981. 208 p.
6. Kostrova O.A. *Jekspressivnij sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka* [Expressive syntax of modern German language]. М.: Flinta, 2004. 239 p.
7. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa na materiale nemeckogo jazyka* [Problems of the system description of syntax using a material of the German language]. М.: Vyssh. shk., 1981. 173 p.
8. Solganik G.Ja., Dronjaeva T.S. *Stilistika I kultura rechi russkogo jazyka* [Stylistics and culture of Russian speech]. М.: Akademija, 2012. 256 p.
9. Tajupova O.I. *Lingvisticheskie aspekty teorii kommunikacii* [Linguistic aspects of communication theory]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 2 (2014): 561 – 565.

10. Tajupova O.I. Sintaksicheskie sredstva jekspressivnoj rechii v sovremennyh publicisticheskikh intervju [Syntactic means of expressive speech in modern publicistic interviews]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 1 (2014): 136–139.
11. Telija V.N. *Mechanizmi jekspressivnoj okraski. Chelovecheskij factor v jazyke. Jazykovije mechanism jekspressivnosti* [Mechanisms of expressive coloration. The human factor in the language. Linguistic mechanisms of expressiveness]. M.: Nauka, 1991. 214 p.
12. Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: E.Schmidt, 2010. 160 S. (Grundlagen der Germanistik – 29).
13. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. 2., völligneubearb. Aufl. Stuttgart: Kröner 2002. 904 p.
14. Engel U. *Deutsche Grammatik*. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 p.
15. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M.: Vyssh. shk, 1975. 315 p.

Supporting information source: www.spiegel.de

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
ФГБОУ «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Российская Федерация
n.tchaiko@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chaiko Natalja Nikolaevna, Associate Professor, Department of German Language, Ph. D. in Philology
K.L. Khetagurov North-Ossetian State University
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation
n.tchaiko@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-176-189

УДК 808

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ГИПЕРБОЛЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Пром Н.А., Высоцкая И.В., Глебова Е.А., Тихаева В.В.

Данная статья рассматривает прагматический потенциал гиперболы. Источниками материала исследования послужили немецкие и российские спортивные издания и газеты, содержащие рубрику «Спорт». Материал в немецком и русском языках был сопоставлен как по количественному, так и по качественному показателям.

Цель. *Статья посвящена прагматико-стилистическому аспекту медиадискурса. Предметом анализа выступает прагматический потенциал гиперболы на материале спортивного немецкого и русского дискурса. Целью исследования стало определение прагматических функций гиперболы в медиатексте.*

Метод или методология проведения работы. *В ходе исследования авторы использовали стилистический анализ и прием количественного подсчета.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что авторы выделяют эмоционально-экспрессивную и аттрактивную функции гиперболы в текстах спортивного дискурса. Мейозис как разновидность литоты, которая рассматривается в рамках гиперболы, определяется как одно из самых эффективных средств эвфемизации в газетном тексте и в спортивном репортаже, в частности. Поскольку при сопоставлении материала в немецком и русском языках количественные и качественные показатели имеют близкие значения, представленные выводы могут считаться релевантными для обеих лингвокультур.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть учтены при описании прагматических особенностей*

в целом и при сопоставительных описаниях немецкого и русского медиадискурсов.

Ключевые слова: медиадискурс; спортивный дискурс; прагматический эффект; функции; гипербола; метафора.

PRAGMATIC EFFECT OF HYPERBOLE IN THE MEDIA DISCOURSE (AS BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Prom N.A., Vysotskaya I.V., Glebova E.A., Tikhayeva V.V.

The article studies the pragmatic potential of the hyperbole. German and Russian sport publications and newspapers with the column “Sport” were used as the sources for the research. The material in the German and Russian languages was compared according to both quantitative and qualitative aspects.

Objectives: *The article is devoted to the pragmatic-stylistic aspect of the media discourse. The subject under analysis is the pragmatic potential of hyperbole on the material of German and Russian discourse. The research purpose is to identify the pragmatic functions of hyperbole in the mediatext.*

Methods: *The authors used stylistic analysis and quantitative estimation in the research.*

Findings: *The results of the research can be seen in the emotionally-expressional and attractive functions of hyperbole in sport discourse texts, identified by the authors of the article. Meiosis as a variety of litotes which is studied within the scope of hyperbole, is specified as one of the most efficient euphemization means in the newspaper text and in the sportcast, in particular. As in the process of the material comparison in German and Russian languages, qualitative and quantitative indexes turned out to be approximative, the given conclusions may be considered relevant for both linguocultures.*

Practical implications: *The research results can be taken into consideration in the context of pragmatic peculiarities description in gen-*

eral and in the context of the German and Russian media discourses descriptions.

Keywords: *media discourse; sports discourse; functions; pragmatic effect; hyperbole; metaphor.*

Введение

Интерес в отношении прагматического эффекта медийного текста не снижается, не смотря на большой объем исследований. Это обусловлено тем, что содержание медиадискурса находится в постоянном движении и развитии, потребности аудитории, которым должны удовлетворять создатели медиа контента, меняются, генерируются новые средства его создания, а потому одной из задач филолога всегда будет являться описание новых языковых явлений.

Довольно эффективным инструментом прагматики являются фигуры речи, наиболее известной из которых является метафора. Целью предлагаемой статьи является рассмотрение прагматического потенциала гиперболы. Это не столь известная фигура, которая, тем не менее, представляет большой интерес для понимания и оценки стилистики текста, особенно в медиадискурсе [4; 8; 6; 15]. Достичь данной цели позволяет выполнение следующих задач:

- выделить группу текстов одного речевого жанра с последующим проведением стилистического анализа на наличие гипербола;
- произвести подсчет выявленных единиц и выделить типы;
- выявить объекты, в отношении которых используется гипербола;
- определить прагматические функции гипербола.

В стилистике есть два понимания гипербола: узкое и широкое. С точки зрения узкого подхода гипербола – фигура речи, состоящая в преувеличении настолько неправдоподобном, что буквальное ее истолкование исключается [5; 9; 10; 11]. Образные гипербола рассматриваются в рамках метафоры [12; 13]. Широкое понимание гипербола, а именно, чрезмерное преувеличение либо преуменьшение предмета, его свойств или действий, включает литоту, то есть,

фигуру нарочитого неправдоподобия, состоящую в преуменьшении с целью образного усиления выражаемого смысла [5, с. 360]. Литоту часто называют обратной гиперболой. Вне зависимости от того, какого подхода придерживается лингвист, рассмотрение этих фигур речи ведется совместно, поскольку эти фигуры имеют общую основу – отклонение от объективной количественной оценки предмета, явления, качества [3, с. 143]. Мы поступим аналогично.

Германисты к литоте относят перифразу на основе отрицания [1; 2; 14]. В русистике этому пониманию соответствует другой термин – мейозис, то есть, фигура нарочитой неточности, состоящая в преуменьшении степени качества [5, с. 600], например: *Играет Дмитрий не очень быстро, обостряющими передачами не отмечается* [футбол, Советский спорт, 31.03.08]. Для любого исследования важен вопрос о том, что понимается под тем или иным явлением. От этого зависит его функциональная характеристика, описание которой является задачей предлагаемой статьи. Литота в трактовке русистов выполняет большей частью экспрессивную функцию, а в трактовке германистов – преимущественно эфемистическую. Проанализировав ряд точек зрения, мы соглашаемся с мнением русистов и понимаем литоту как обратную гиперболу и мейозис как неполноту действия и слабую степень свойства. При этом мейозис мы рассматриваем как разновидность литоты, поскольку данные фигуры речи имеют общее основополагающее свойство приуменьшать характеристику явления, разница состоит в степени такого приуменьшения.

Материалы и методы

Источниками нашего материала исследования послужили немецкие и российские спортивные издания и газеты, содержащие рубрику «Спорт». Это «Советский спорт» (далее – СС), «Спорт экспресс» (далее – СЭ), «Спорт-ревью», «Коммерсант», «Spiegel», «Welt», «Sueddeutsche Zeitung» (далее – SdZ), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (далее – FAZ), «Bild». Мы выбрали 60 русских и 60 немецких газетных текстов в жанре спортивного репортажа. Стилистический анализ позволил выявить все случаи употребления

гиперболы, включая литоту [7, с. 137-142]. Результаты подсчетов и анализа полученных единиц приведены далее.

Результаты

Русский материал насчитывает 123 и немецкий 131, всего 264 единицы. Количественные данные показывают, что использование гиперболы в немецком и русском медиадискурсах сопоставимо, поэтому выводы, представленные в данной статье актуальны для обеих лингвокультур. По типу значения были выделены две группы гипербол: гиперболы с прямым и переносным значениями. Важно отметить, что эти группы имели почти равные объемы. Гиперболы с прямым значением составили 141 единицу: 68 русских и 73 немецких единицы. Остальные гиперболы и литоты (123 единицы) имели производное значение, то есть метафорическое либо метонимическое.

Объекты гиперболизации

Анализ полученного материала показал, что гиперболизации и литотизации подвергаются следующие объекты:

а) профессионализм участников: *A нас Зырянова ... можно приравнять к произведениям искусства* [футбол, СЭ, 06.11.08]. ... *der elegante Italiener bedauert, dass Abramowitsch, Chelseas milliardenschwerer Besitzer aus Russland, «überhaupt keine Ahnung von Fußball» habe* [футбол, SdZ, 22.04.04]. – ... *элегантный итальянец [тренер Раньери] сожалеет, что Абрамович, миллиардер, владелец «Челси» из России «вообще не имеет представления о футболе». Der Torwart mit den tausend Händen. Gordon hält die Null seit 210 Minuten* [футбол, FAZ, 19.03.04]. – *Вратарь с тысячей рук. Гордон удерживает нулевой счет в течение 210 минут;*

б) физическое и эмоциональное состояние спортсменов: *Уезжал к Максимову, забивал по десять мячей «Чеховским медведям», а приехал больной, оказывается, его хоронить надо, а мы и не знали...* [гандбол, Спорт-ревью, 12.02.08]. *Взять того же Павленко, который в первом тайме способен был укрощать сложные передачи на чужой лицевой линии, а после перерыва падал, казалось,*

даже от дуновения ветерка [футбол, СЭ, 15.02.08]. ... *sich eine solche Chance vielleicht nur einmal im Leben böte und jeder deshalb 120 Prozent an Leistung bringen müsse* [футбол, FAZ, 7.04.01]. – ... такой шанс предлагается возможно один раз в жизни, и поэтому каждый должен приложить 120 % усилий. Литота употреблена для описания невысокого роста футболистов: *мальши Веллитон (175 см) и Низамутдинов (173 см)* [футбол, СЭ, 31.03.08];

в) происходящее на спортивной площадке: *После пятого периода полуфинала защитные порядки казанцев попали в настоящую катастрофу* [хоккей, СС, 28.03.09]. *Начало третьего периода – настоящий кошмар для хозяев* [хоккей, СС, 28.03.09]. *После его броска шайба прыгает в миллиметрах от «ленточки» за спиной у голкипера гостей Скотта* [хоккей, СС, 14.02.08]. *Румын Никулаэ ютился с мячом возле ленточки* [футбол, СС, 28.03.08];

г) результат соревнований: *Die schlechtesten 45 Minuten meiner Amtszeit* [футбол, SdZ, 22.04.04]. – *Самые плохие 45 минут за время моей службы. Das war das beste Match aller Zeiten* [теннис, Zeit, 7.07.08]. – *Это был лучший матч всех времен. Russland im Halbfinale Chaos im Gelb-Rot* [футбол, Bild, 22.06.08]. – *Россия в полуфинале, хаос среди желто-красных;*

д) околосоревновательные обстоятельства: *Inzwischen wimmelt es von Talenten in Völlers Kader* [футбол, FAZ, 2.05.03]. – *Между тем, в составе Фоллера кишит талантами. Schumachers Arbeitstag dauerte ganze acht Sekunden* [Формула 1, Handelsblatt, 6.4.01]. – *Рабочий день Шумахера длился целых восемь секунд.*

Гиперболизация на основе переносного значения

Гипербола прослеживается в эпитетах, метафорах и сравнениях. В соответствии с этим выделяются:

а) гиперболические эпитеты: *упомограчительный процент реализации атак; бескрайнее уважение; несокрушимые «Красные дьяволы»; баснословный трансфер; реактивный Макинтайр; der ewige Davis-Cup-Verlierer Kiefer (вечный проигравший в Кубке Дэвиса Кифер); diese Turbo-Russen (эти турбо-русские); der verrückte Comeback*

(сумасшедшее возвращение). Москвичи нанесли лучшему клубу Европы самое крупное поражение в XXI веке [волейбол, СЭ, 5.02.08]. *Das war ein Wahnsinnskampf ... bis zur letzten Sekunde* [футбол, Welt, 26.06.08]. – Это была безумная игра до последней секунды;

б) гиперболические метафоры: *лес ног; шквал бросков; людское море владивостокских фанатов; время полетело со скоростью болида. Принимали поклонников пиренейского клуба по-царски* [футбол, СС, 14.02.08]. *Es gibt eine Fülle von Talenten* [футбол, FAZ, 2.05.03]. – *Есть море талантов*. На пространственной метафоре базируется литота: *До четвертьфинала полшага* [баскетбол, СС, 13.02.08];

в) гиперболические сравнения: *Команды, не щадя ни себя, ни соперников, сражаются за каждое очко как за последнее* [волейбол, СЭ, 5.02.08].

Общезыковые гиперболы и литоты, в отличие от индивидуально-авторских, исследователи относят к эмоционально-экспрессивным средствам фразеологии: *При взгляде же на эффективность нападения одной лишь Гамовой, волосы на голове встают дыбом: за три партии наша суперволейболистка реализовала 9 из 32 ударов* [волейбол, СЭ, 05.02.08]. *С первого взгляда на кенийку было ясно, что какая бы то ни было техника там если и ночевала, то давно, в прошлой жизни* [бокс, СЭ, 14.07.08]. *На трибунах яблоку негде упасть* [биатлон, СС, 15.02.08]. *Билетов не сыскать днем с огнем* [хоккей, СС, 24.03.08]. *Toyota-Pilot Timo Glock saß ein strenger Fitness-Experte im Nacken* [Формула 1, FAZ, 28.03.09]. – *Строгий эксперт по фитнесу преследует по пятам [досл.: сидит на шее] пилота Тайоты Тимо Глока*.

Способы образования литоты

Литота не является востребованной журналистами при создании газетных спортивных репортажей: в исследуемом материале обнаружено всего 8 единиц, соответствующих принятому определению. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в современных СМИ доминирующей выступает тенденция к гиперболизации, утрированию происходящего. Случаев применения мейозиса обнаружено значительно больше (136). Он эксплицируется через:

а) отрицание противоположного: *Соперникам приходится несладко* [баскетбол, Коммерсантъ, 8.11.08]. *Ходом 29-летний житель Ижевска не потрясает* [там же.];

б) косвенное отрицание: *Матч очень интересным назвать не могу* [футбол, СЭ, 6.11.08]. *Нельзя сказать, чтобы такое решение вызвало полное понимание в команде – были и слезы, и недоумения, но... решение принимает тренер* [биатлон, СС, 10.01.08]. *Den Kollegen, die ihn nicht mehr als ernsthaften Rivalen betrachteten nach all dem Pech...* [теннис, Spiegel, 4.07.08]. – *Коллегам, которые больше не рассматривали его как серьезного соперника после всех неудач ...;*

в) неоднократное отрицание: *Er [Peter Deißberger] ersetzte Rolf-Christel in die Partie, die zusehends schwächer, aber nicht unbedingt unansehnlicher wurde* [футбол, FAZ, 31.07.00]. – *Он [Питер Драйсенбергер] заменил Рольфа-Кристела в игре, которая стала заметно слабее, но безусловно не невзрачной. Стрельба Кара-Каллен безупречной не была* [биатлон, СЭ, 12.10.08]. *Ни тот, ни другой одним промахом не ограничиваются* [биатлон, СС, 15.02.08];

г) наименьшую интенсивность свойства и образа действия: *Ein Bruch im Spiel war kaum sichtbar* [футбол, Welt, 30.06.08]. – *Трещина в игре была едва заметна. Наши шансы выглядят наиболее скромно* [биатлон, СС, 13.02.08];

д) слова-усилители: *Разница в счете далеко не критическая* [баскетбол, СС, 23.03.08]. *Представление о технике у них бывает довольно приблизительным* [бокс, СЭ, 14.07.08]. *Сторонники Рагозиной тоже не так чтобы очень молчали* [бокс, СЭ, 14.07.08]. *Warum die Kickers ausgerechnet nach dem 2:1 die Ordnung und den Faden verloren, mochte auch der laufstarke, aber wenig wirkungsvolle Kapitän Lars Schmidt nicht zu sagen* [футбол, FAZ, 31.07.00]. – *Почему «кикеры» как нарочно после счета 2:1 потеряли порядок и нить игры, не мог сказать и быстрый, но мало эффективный капитан Ларс Шмидт;*

е) метонимический перенос, а именно, металеписис: *Пусть с бразильских форвардов Жо и особенно Вагнера во время матчей не текут ручьи пота* [→ не потеют от тяжелой работы → не работают в полную силу], *их индивидуальное мастерство находится на таком уровне, что позволительно играть и «на классе»* [футбол, СЭ, 31.03.08];

ж) словообразовательные средства (префиксы, суффиксы): *Потом хозяева даже чуть-чуть полидировали* [баскетбол, Коммерсантъ, 8.11.08]. *Жаль психологической выдержки у Вити маловато* [биатлон, СС, 1.12.08].

Участие частей речи в образовании мейозиса можно представить в виде диаграммы на Рисунке 1.

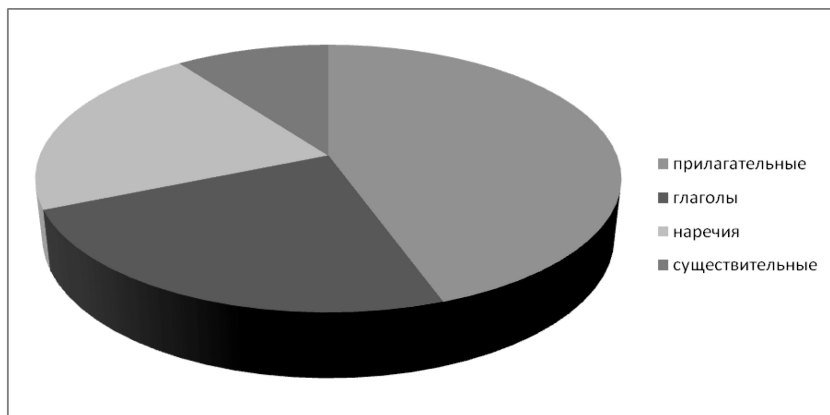

Рис. 1. Части речи, участвующие в образовании мейозиса

На Рисунке 1 видно, что по частеречной отнесенности мейозис в спортивном репортаже базируется:

- на адъективной основе (44,6%): *Очень слабые выступления в сезоне поставили Ярошенко в незавидное положение* [биатлон, Коммерсантъ, 19.12.08]. *Die Lage ist also nicht hoffnungslos* [футбол, Bild, 23.02.04]. – *Положение таким образом не безнадежное;*
- на глагольных формулировках (24%): *Она [точная стрельба] не приблизила ее к лидирующим лыжницам* [биатлон, Коммерсантъ, 22.12.08]. *Weltmeister Rääkkönen raste als einziger fast fehlerfrei, dafür patzten bei ihm die Strategen am Ferrari-Kommandostand* [Формула 1, Welt, 8.07.08]. – *Чемпион мира Райкконен единственный бешено мчался почти без ошибок, зато халтурили стратеги в его командном пункте Феррари;*

- на адвербиальной основе (21,4%): *Швейцарец, в нынешнем сезоне довольно редко радовавший болельщиков безошибочной игрой, вчера поначалу был практически безупречен* [теннис, Коммерсантъ, 11.11.08]. *Vielleicht haben wir nicht aggressiv genug verteidigt* [футбол, Berliner Morgenpost, 29.03.09]. – *Возможно, мы защищались недостаточно агрессивно;*
- на субстантивной основе (10%): *На эту «негостеприимность» тут же ответил Лэнгдон, причем дважды* [баскетбол, СЭ, 12.02.09]. *Drei Jahre hatte Gordon ... gespielt – was keine «große Kunst» gewesen sei* [футбол, FAZ, 19.03.04]. – *Три года Гордон играл ..., и это не было «большим искусством».*

Заключение

Таким образом, гиперболы и в меньшей степени литоты выполняют в тексте спортивного дискурса эмоционально-экспрессивную и аттрактивную функции. Разновидность литоты – мейозис – одно из самых эффективных средств эвфемизации в газетном тексте и в спортивном репортаже, в частности. Реализация этих функций в значительной степени способствует эффективному воздействию на читателя. Сопоставление материала в немецком и русском языках как по количественному, так и по качественному показателям выявило близкие значения. Следовательно, представленные выводы могут считаться релевантными для обеих лингвокультур.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 460 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.
4. Корецкая О.В. Стилистическое своеобразие медиадискурса (на материале англоязычных СМИ) // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 384–391. <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskoe-svoeobrazie-mediadiskursa-na-materiale-angloyazychnyh-smi> (Дата обращения: 25.05.2016).

5. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 630 с.
6. Муругова Е.В., Постева Е.В. Прагматические функции интродуктивных предикатов эмоционального состояния в репортажном высказывании // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1(28). С. 187–198.
7. Пром Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 240 с.
8. Фролов В.В. К вопросу о развитии и деятельности спортивных интернет-СМИ в РОССИИ (на примере «SPORTS.RU» и «Чемпионата») // Современные исследования социальных проблем. Том 9. №2–2. 2017. С. 146–149.
9. Cano Mora L. All or nothing: a semantic analysis of hyperbole, *Revista de Linguística y Lenguas Aplicadas*. 2009. Vol. 4, 25-35. <https://polipapers.upv.es/index.php/rdlyla/article/view/731/718> (Дата обращения: 07.03.2016).
10. Claridge C. *Hyperbole in English: A Corpus-based Study of Exaggeration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 316 с.
11. Henkemans S. The use of hyperbole in the argumentation stage. *Virtues of argumentation: proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*, 22–26 May. 2013. https://pure.uva.nl/ws/files/2140571/152630_use_of_hyperbole.pdf (Дата обращения: 07.03.2016).
12. Musolff A. The study of metaphor as part of critical discourse analysis, *Critical Discourse Studies*. (Дата обращения: 07.03.2017). https://ueaeprints.uea.ac.uk/40513/1/Critical_Discourse_Studies_9-3_2012.pdf
13. Philbrick R. *Disruptive Verse: Hyperbole and the Hyperbolic Persona in Ovid's Exile Poetry*. Providence: Cornell University, 2007. 228 с.
14. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. Moskau: Verl. Hochschule, 1975. 316 с.
15. Sert O. An interactive analysis of hyperboles in a British TV Series: implications for EFL classes. *Arecls*. 2008. Vol. 5. 1-28. https://research.ncl.ac.uk/ARECLS/volume_5/sert_vol5.pdf (Дата обращения: 02.11.2017).

References

1. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremenniy angliiskiy yazik: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. The contemporary English language: student's book for universities]. M.: Flinta: Science, 2002. 384 p.
2. Galperin I. P. *Ocherki po stilistike angliiskogo yazika* [Outlines on the English language stylistics]. M.: Publishing House for the foreign languages literature, 1958. 460 p.
3. Golub I.B. *Stilistika russkogo yazika* [The Russian language stylistics]. M.: Airis-press, 2007. 448 p.
4. Koretskaya O.V. Stilisticheskoe svoeobrazie mediakursa (na materiale angloyazichnih SMI) [The stylistic distinctness of media discourse (based on the English language media sources)]. *Teacher XXI century*. 2016. № 1. P. 384-391. <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskoe-svoeobrazie-mediadiskursa-na-materiale-angloyazychnyh-smi> (accessed May 25, 2016).
5. Moskvina V.P. *Stilistika russkogo yazika. Teoreticheskij kurs* [The Russian language stylistics. The theoretical course]. Rostov n/D: Feniks, 2006. 630 p.
6. Murugova E.V., Postevaja E.V. Pragmaticheskie funktsii introduktivnih predikatov emotsionalnogo sostojanija v reportazhnom viskazivanii [The introducing predicates pragmatic functions of emotional states in chronicle statements]. *Sovremennije issledovanija sotsialnih problem*. 2016. № 4–1(28), pp. 187–198.
7. Prom N.A. *Sovremennij gazetnij sportivnij reportazh: zhanrovo-stilisticheskij aspekt* [Contemporary newspaper sport report: genre stylistic aspect] Diss. ... of Ph.D. in Philology. Volgograd, 2011. 240 p.
8. Frolov V.V. K voprosu o razvitii i dejatel'nosti sportivnih internet-SMI v Rossii (na primere «SPORTS.RU» i «Chempionata») [About the development and functioning of sport Internet media sources in Russia (as exemplified in «SPORTS.RU» and «Chempionat»)]. *Sovremennije issledovanija sotsialnih problem*. Tom 9. №2-2. 2017, pp. 146–149.
9. Cano Mora L. All or nothing: a semantic analysis of hyperbole, *Revista de Linguística y Lenguas Aplicadas*. 2009. Vol. 4, 25–35. DOI: <https://doi.org/10.4995/rlyla.2009.731>. <https://polipapers.upv.es/index.php/rd-lyla/article/view/731/718> (accessed March 7, 2016).

10. Claridge C. *Hyperbole in English: A Corpus-based Study of Exaggeration*. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 316 p.
11. Henkemans S. The use of hyperbole in the argumentation stage. *Virtues of argumentation: proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*, 22–26 May. 2013. https://pure.uva.nl/ws/files/2140571/152630_use_of_hyperbole.pdf (accessed March 7, 2016).
12. Musolff A. The study of metaphor as part of critical discourse analysis, *Critical Discourse Studies*. (accessed March 17, 2017). https://ueaeprints.uea.ac.uk/40513/1/Critical_Discourse_Studies_9-3_2012.pdf
13. Philbrick R. *Disruptive Verse: Hyperbole and the Hyperbolic Persona in Ovid's Exile Poetry*. Providence: Cornell University. 2007. 228 p.
14. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. Moskau: Verl. Hochschule, 1975. 316 p.
15. Sert O. An interactive analysis of hyperboles in a British TV Series: implications for EFL classes. *Arecls*. 2008. Vol. 5, pp. 1–28. https://research.ncl.ac.uk/ARECLS/volume_5/sert_vol5.pdf (accessed November 2, 2017).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Пром Наталья Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат филологических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
natalyprom77@mail.ru*

Высоцкая Инна Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
niphertity@gmail.com*

Глебова Екатерина Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук

*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
eaglebova@mail.ru*

Тихаева Виктория Викторовна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
tilsitka@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Prom Natalya Alexandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
*Volgograd State Technical University
28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russian Federation
n_prom@vstu.ru
ORCID: 0000-0003-2711-4916*

Vysotskaya Inna Vladimirovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russian Federation
niphertity@gmail.com*

Glebova Ekaterina Alexandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russian Federation
eaglebova@mail.ru*

Tikhayeva Viktoria Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russian Federation
tilsitka@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-190-201

УДК 81'42; 801.7

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПРОИЗНЕСЁННОЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пучинина О.П.

Статья посвящена теме чужой речи, которая остаётся актуальной в современном языкознании. Автор статьи исследует особенности функционирования произнесённой (внешней) несобственно-прямой речи (далее НПР) (а именно её структурно-семантических видов) на материале прозаических текстов Марины Цветаевой. Посредством произнесённой НПР отображается прямая речь литературных персонажей через авторскую перспективу, при этом фактическая речь персонажа в авторской речи иногда принимает форму прямой речи, либо маркируется за счёт использования кавычек, редко – двоеточия. Опираясь на структурно-семантическую классификацию, предложенную украинским лингвистом Е.Я. Кусько, автор статьи описывает отличительные черты различных видов произнесённой несобственно-прямой речи: тематической речи, скрытой речи, речи в речи, коллективной речи, цитатной речи. Делается вывод, что последняя разновидность внешней НПР находит наибольшее применение в прозаических текстах выдающегося русского поэта XX века, а произнесённая НПР используется М.И. Цветаевой очень редко, что связано со спецификой идиостилия поэта.

Целью работы является описание характерных черт функционирования НПР, выявление механизмов реализации и маркеров выделяемых видов произнесённой НПР в прозаических текстах поэта.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует метод сплошной выборки иллюстративного материала, метод нарратологического анализа, метод семантического

структурирования художественного текста, прием стилистической интерпретации.

Результаты. *В результате проведённого анализа теоретического и практического материала автор приходит к выводу о том, что в прозаических текстах М.И. Цветаева прибегает к трём разновидностям произнесённой НПР, а именно цитатной речи, реже речи в речи и коллективной речи. В качестве цитатной речи в прозе Цветаевой используется дословное цитирование, когда в структуре авторского повествования дословно цитируется речь литературных персонажей (в виде отдельных слов или выражений); и дословное или видоизменённое цитирование речи известных лиц.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены исследователями творчества Марины Цветаевой, студентами филологических отделений при изучении таких дисциплин, как стилистика русского языка, синтаксис русского языка.*

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь; Марина Цветаева; типологизация; субъектный план; авторский план.*

STRUCTURAL-SEMANTIC TYPOLOGIZATION OF FREE INDIRECT SPEECH: THE CASE OF MARINA TSVETAEVA'S PROSE

Puchinina O.P.

The article is devoted to the topic of someone else's speech, which remains relevant in modern linguistics. The author studies the way uttered (external) free indirect speech (FIS) (namely, its structural and semantic types) functions in Marina Tsvetaeva's prosaic texts. Through uttered free indirect speech, the writer renders persona's direct speech, which may be occasionally marked by quotes or by colons. On the basis of the structural-semantic classification proposed by the Ukrainian linguist E.Y. Kus'ko, the author of the article describes the specific features of various types of uttered free indirect speech: thematic speech, hidden speech, speech in the speech, collective speech, citation speech.

The latter is employed more frequently in the outstanding Russian poet's prose. At the same time, M.I. Tsvetaeva resorts to uttered free indirect speech rather rarely, which is connected with the peculiarity of the poet's individual style.

*The **purpose** of the work is to describe how free indirect speech functions in the text field, identify the implementation mechanisms and markers of the described types of uttered free indirect speech in prose texts of the Russian poet.*

***Methodology.** The research has been conducted using the method of continuous sampling of the illustrative material, the method of narratologic analysis, the method of semantic structuring of the literary text and the method of stylistic interpretation.*

***Results.** The author comes to the conclusion, that in her prosaic texts, M.I. Tsvetaeva resorts to three varieties of uttered FIS, namely citation speech, rarely speech in speech and collective speech. Tsvetaeva employs word-for-word quoting of literary characters' speech (in the form of separate words or expressions); and word-for-word or modified quoting of famous people's speech.*

***Practical implications.** The results of the research can be applied by students of philological departments while taking such courses as stylistics and syntax of the Russian language.*

***Keywords:** free indirect speech; Marina Tsvetaeva; typologization; subjective plan; author's plan.*

Несобственно-прямая речь как своеобразный, экспрессивный способ передачи чужой речи и выражающий синкретизм языковых форм и конструкций, как отмечают исследователи Д.А. Салимова и Ю.Ю. Данилова [6, с. 186], находит применение в прозе и поэзии уже не одно десятилетие. Существует точка зрения, что одним из первых использовал элементы НПП в своих «Кентерберийских рассказах» известный английский поэт Джеффри Чосер, что доказывает О.А. Блинова [1, с. 36–37]. В русской литературе, по признанию ряда учёных, первым прибегал к НПП А.С. Пушкин [8]. Однако наиболее широко данный языковой феномен стал

применяться в литературе с XX века. Первыми исследователями НПП стали зарубежные ученые, в частности, А. Тоблер; после него разработкой проблем занимались Ш. Балли, Г. Лерх, Э. Лорк, А. Нойберт, М. Флудерник, отечественные филологи М.М. Бахтин, Б.О. Корман, Л.А. Соколовская, А.А. Андриевская. Особый вклад в исследование проблем НПП внесла Е.Я. Кусько, которая в своей работе «Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР» провела подробный анализ работ по НПП в отечественном и зарубежном языкознании XX века, детально охарактеризовала лингвистическую сторону НПП, предложила структурно-семантическую и количественную классификацию НПП [4].

Структурно-семантическая типологизация представляет значительный научный интерес в плане исследования взаимосвязи структурной формы, семантического содержания, стилистической реализации и художественного эффекта. С точки зрения двойственной психологической природы НПП, разделяют внешнюю (произнесённую) и внутреннюю (непроизнесённую) НПП. В настоящей работе мы остановимся подробно на первом виде НПП, используемом для передачи прозвучавшей речи персонажа, проиллюстрировав её виды примерами прозы М.И. Цветаевой. Нами проанализировано около 300 примеров НПП, извлечённых методом сплошной выборки из следующих рассказов и повестей русского поэта: «Мать и музыка», «Мой Пушкин», «Чёрт», «То, что было», «Живое о живом», «Китаец», «Хлыстовки», «Дом у Старого Пимена» [7].

Произнесённая НПП представляет собой воспроизведение уже имевшей место прямой речи литературных персонажей через авторскую перспективу, например, в следующем отрывке из рассказа Цветаевой «Мать и музыка»: *Но с нотами, сначала, совсем не пошло. Клавишу нажмешь, а ноту? Клавиша есть, здесь, вот она, черная или белая, а ноты нет, нота на линейке (на какой?). Кроме того, клавишу – слышно, а ноту – нет. Клавиша – есть, а ноты – нет. И зачем нота, когда есть клавиша?* [7, с. 13]. В этом отрывке наблюдаем репрезентацию диалога маленькой Марины и

её матери во время уроков музыки, вернее, только слова матери в этом диалоге. Выделенный фрагмент является произнесённой НПР, в котором представлены отличительные черты данного вида передачи чужой фактической речи: отсутствие кавычек или тире как маркеров прямой речи, особая синтаксическая организация комплекса с НПР (вопросительные знаки, параллельные конструкции, повторы, вставная конструкция).

Научный интерес представляют также случаи произнесённой НПР, включённые в повествование глаголом, выражающим чувства, как в следующем примере из рассказа «То, что было»: *Я смущаюсь: Только ты одну вещь отнесешь Ал<ександру> Павловичу, хорошо?* [7, с. 101]. В этом случае только отсутствие кавычек отличает внешнюю НПР от прямой речи, то есть автор подключает как бы и пунктуационный ресурс текста.

Упомянутая нами Е.Я. Кусько разграничивает следующие виды произнесённой НПР: тематическая речь, скрытая речь, цитатная речь, речь в речи, коллективная речь НПР [4, с. 49].

Тематическая речь находит применение в тех случаях, когда автор задаётся целью передать лишь основной предмет или основной предмет произнесённой речи персонажа, происходит смешение НПР с авторским речевым планом за счёт стопроцентного поглощения субъективного плана авторским. Эта разновидность НПР часто используется для изложения содержания сообщений, высказываний, диалогов, полилогов [4, с. 49].

В функционировании **скрытой речи** обнаруживается сходство с тематической речью, т.к. оба вида произнесённой НПР характеризуются поглощением авторским планом субъектного. Но они отличаются тем, что в тематической НПР речевые субъектные маркеры всецело абсорбируются авторским планом, а в скрытой НПР почти всегда можно проследить, какой языковой маркер (с точки зрения лексики или синтаксиса), свидетельствует о появлении плана литературного персонажа [4, с. 50].

Цитатная речь обычно предстаёт в двух вариациях: 1) дословное цитирование, когда в структуре авторского повествования до-

словно цитируется речь персонажей (в виде отдельных слов или выражений); 2) дословное или видоизменённое цитирование речи известных лиц (слова, афоризмы и сентенции). В современной литературе в комплексах с НПР подобное цитирование используется как с кавычками, так и без них [4, с. 51].

Первая вариация цитатной речи, основанная на цитатном включении персонажей в авторское повествование, является более эффективной. Диапазон цитируемой персонажной речи широк: от незначительных цитатных вставок – вкраплений (иногда рассеянных в структуре авторского повествования) до отдельных структурно и семантически оформленных предложений, а иногда и целых абзацев, представляющих произнесённую речь персонажа. Персонажные цитации могут быть представлены словами и выражениями с модальным значением и утвердительными, и отрицательными словами, эмоционально-экспрессивной, цитатной лексикой и т.д.

Андрюшина хрестоматия была несомненно-толстая, ее распирало Багровым-внуком и Багровым-дедом, и лихорадящей матерью, дышащей прямо в грудь ребенку, и всей безумной любовью этого ребенка, и ведрами рыбы, ловимой дурашливым молодым отцом, и «Ты опять не спишь?» – Николенькой, и всеми теми гончими и борзыми, и всеми лирическими поэтами России [7, с. 74]. Несомненно, важна роль в данном отрывке из рассказа «Мой Пушкин» и других средств языковой выразительности: параллельные конструкции, повтор союзов-частиц «и». Интересно включение данной внешней НПР («Ты опять не спишь?»), заключающей в себе целое вопросительное предложение кого-то из взрослых (возможно матери), в структуру перечисления дополнений, выраженных именами собственными и именами существительными. Подобные случаи языковых аномалий характеризуют идиостиль М. Цветаевой в целом.

Вторая разновидность цитатной НПР представлена включением в структуру авторского повествования слов или словосочетаний, принадлежавших известным личностям: афоризмы, пословицы, поговорки, сентенции и т.п., также посредством кавычек или без них,

иногда при помощи двоеточия [4, с. 55]. *Это был апогей вдохновения. С «Прощай же, море...» начинались слезы. «Прощай же, море! Не забуду...»* [7, с. 87] В этом примере из рассказа «Мой Пушкин» М. Цветаева цитирует полюбившееся ещё в детстве стихотворение А.С. Пушкина «К Морю», ставшее для неё источником вдохновения, трепетного восторга и одновременно грусти, ведь она ребёнком никогда не была на море.

Вслед за Е.Я. Кусько мы выделяем также вкраплённую цитатную НПР, описывая её как незначительное включение субъектно-речевых регистров в структуру НПР (слово или словосочетание). Цитирование одного, двух или более предложений следует считать не вкраплённой НПР, а обычной цитатной НПР [4, с. 53]. В анализируемых рассказах М.И. Цветаевой отмечаем достаточно частое использование именно вкраплённой цитатной речи, когда она насыщает авторское повествование вкраплением той или иной цитаты, состоящей буквально из пары слов, будь то цитирование известной личности или человека из её окружения. *Кроме большой руки, у меня оказался еще «полный, сильный удар» и «для такой маленькой девочки удивительно-одушевленное туше»* [7, с. 11] В данном отрывке из рассказа «Мать и музыка» Цветаева приводит слова своей матери, когда та делилась впечатлениями о музыкальных уроках с юной Мариной и её успехах. Для достоверности описания мироощущения юного персонажа она приводит лишь несколько фраз, которые ребёнок мог запомнить из разговора взрослых.

Речь в речи представляет значительный интерес, ибо данная разновидность произнесённой НПР выступает непосредственным связующим компонентом между НПР как явлением коммуникации и НПР как литературным явлением и способом передачи речи. Речь в речи – это интродукция определённых элементов речи одного литературного персонажа в речь другого персонажа, переданную в НПР. Согласно мнению Е.А. Гончаровой такую НПР можно назвать «двухэтажной» НПР [2, с. 125]. По лингвистическим наблюдениям ряда исследователей, в основном первый субъектный план является

внутренней речью персонажа, т. е. его мысленной речью или воспоминаниями, а второй план заключает в себе фактическую речь другого персонажа; однако, мы наблюдали элементы фактической речи во внутренней речи этого же персонажа [5, с. 61]. Следовательно, можно сделать вывод, что в речи в речи внешняя речь одного персонажа воспроизводится через мысли, ассоциации, реминисценции другого или этого же персонажа. В этом случае происходит разрыв временных повествовательных планов времени внешней речи и времени её воспроизведения. Именно этот разрыв маркирует речи в речи, т.е. служит сигналом включения в нарратив нового вербального слоя. Можно утверждать, что этот вид НПР стоит на стыке внешней и внутренней НПР, являясь их своеобразным типологическим звеном.

В речи в речи также отмечаем случаи, в которых оба субъектных плана представляют собой произнесённую речь. Это наблюдается в произведениях, написанных от первого лица, когда главный протагонист также выступает героем-повествователем [4, с. 57]. В прозаических произведениях М.И. Цветаевой мы чаще всего имеем дело с данным видом внешней НПР, ведь их главным героем выступает сама Марина в разных временных и пространственных плоскостях. К голосу девочки Марины как бы подключается голос взрослой Марины. Происходит смешение трёх разноплановых перспектив – авторской и двух персонажных (персонажа-девочки и персонажа-взрослой женщины). Г.Г. Инфантова акцентирует такую функциональность НПР, отмечая, что в контексте эта разновидность НПР обнаруживается благодаря сдвигу субъектных планов – плана автора – непосредственного участника событий, то есть персонажа, которым передаваемые слова были когда-то в прошлом произнесены, и автора-повествователя, который знает, что произошло дальше, и который уже может быть в значительной степени изменен (вырос, изменилось мировоззрение, взгляд на излагаемые события и т.д.) [3, с. 266]. Е.Я. Кусько признаёт данную точку зрения справедливой, но обращает внимание на то, что правильнее говорить в этом случае

не о двойственном плане автора, а о двойственном субъектном плане такой речи (т.е. две временные плоскости – настоящего и прошедшего). План автора повествователя в литературном произведении единый, охватывающий разносубъектные и разновременные перспективы [4, с. 59].

О, как мне тогда, в младенчестве, это нравилось: «черт возьми» – из его уст! Как до глубины живота ожигало это молодечество! [7, с. 34]. В рассказе «Чёрт» автор описывает своё детство и тайного «друга» (Чёрта). В приведённом примере она вспоминает увиденный в детстве сон, в котором она тонула, а её тайный «друг» спас её. Станным образом этого необычного ребёнка привлекал и манил образ Чёрта, что даже простая фраза «черт возьми», являющаяся ругательной, в устах любого человека приобретала для неё романтический ореол. В данном отрывке произнесённая фраза «черт возьми» вплетена в воспоминания персонажа, в его внутреннюю речь, следовательно, является речью в речи. Невозможно достоверно определить, была эта фраза произнесена кем-либо из окружения ребёнка или она сама мысленно, возможно неоднократно произносила её.

Коллективная речь находит применение при необходимости передать речь определённых групп, даже людских масс в целом и т.д. [4, с. 59]. В анализируемых произведениях эта разновидность произнесённой НПР чаще всего представляет собой речь детей в ответ на какое-либо замечание или предложение взрослых, как, например, в следующем отрывке из повести «Мой Пушкин». Дети никогда не были на море и долго предвкушали поездку к морю и поэтому не смогли сдержать возглас разочарования, когда наконец они увидели плоскую, серо-белую полоску воды: «– Ася! Муся! Смотрите! Море! <...> **Это – море? И, переглянувшись с Асей, откровенно и презрительно фыркаем** [7, с. 88]. Выделенное предложение скорее всего было произнесено сёстрами Цветаевыми одновременно, они были едины в своих ощущениях в тот момент.

Таким образом, как итог сказанного выше можно заключить следующее: 1) Произнесённая НПР в её разновидностях находит

нечастое применение в прозе М.И Цветаевой (менее 10% анализированных примеров НПП являются произнесённой НПП). 2) Из пяти вариаций внешней НПП, описанных Е.Я. Кусько, в исследуемых произведениях Марины Цветаевой нами выявлено использование только трёх (цитатной речи, речи в речи и коллективной речи). 3) Чаще всего поэт прибегает к цитатной НПП, прибегая к цитатам известных личностей, к фрагментам литературных произведений, афоризмам, а также приводит слова своих знакомых, родственников. В данном случае цитатная речь выступает средством интертекстуальности. При этом, отмечаем преимущественное использование вкраплённой цитатной НПП, введённой в текст при помощи кавычек или без них. Разноплановые вкрапления из литературных произведений и афоризмов обогащают тексты Марины Цветаевой, отличающиеся особой оригинальностью, многослойностью и недосказанностью, своеобразной мозаичностью.

Список литературы

1. Блинова О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи (на материале произведений Э. Хемингуэя). Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 167 с.
2. Гончарова Е.А. Несобственно-прямая речь в современной немецкой художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 261 с.
3. Инфантова Г.Г. Грамматические признаки несобственно-прямой речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 23 с.
4. Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.
5. Пучинина О.П. Структурно-семантическая репрезентация несобственно-прямой речи (на примере англо-американской прозы XX века) // Приволжский научный вестник. 2013. № 9. С. 58–70.
6. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категория текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус). Москва: «Флинта», «Наука», 2009. 200 с.

7. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
8. Рус-Олимп. Несобственно-прямая речь. URL: <http://rusolimp.kopeisk.ru/sintaksis/?file=136> (дата обращения: 09.01.2018).

References

1. Blinova O.A. *Lingvokognitivnyj aspekt reprezentacii nesobstvenno-prjamoj rechi (na materiale proizvedenij Je. Hemingujeja)* [Linguocognitive aspect of the representation of improperly direct speech (by the material of E. Hemingway's works)]. Moscow, 2015. 167 p.
2. Goncharova E.A. *Nesobstvenno-prjamaja rech' v sovremennoj nemeckoj hudozhestvennoj proze* [Free indirect speech in modern German fiction]. Leningrad, 1969. 261 p.
3. Infantova G.G. *Grammatical signs of improperly direct speech in modern Russian* [Grammaticheskie priznaki nesobstvenno-prjamoj rechi v sovremennom rusском jazyke]. Leningrad, 1962. 23 p.
4. Kus'ko E.Ya. *Problemy yazyka sovremennoy khudozhestvennoy literatury. Nesobstvenno-pryamaya rech' v literature GDR*. [The language problems of the contemporary fiction. Represented speech in the literature of the GDR]. L'vov: Vishcha shkola, 1980. 208 p.
5. Puchinina O.P. *Strukturno-semanticheskaja reprezentacija nesobstvenno-prjamoj rechi (na primere anglo-amerikanskoj prozy XX veka)* [Structural-semantic representation of improperly direct speech (by the example of Anglo-American prose of the twentieth century)]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. 9 (2013), pp. 58–70.
6. Salimova D.A., Danilova Yu.Yu. *Vremja i prostranstvo kak kategorija teksta: teorija i opyt issledovanija (na materiale poezii M.I. Tsvetaevoj i Z.N. Gippius)*. [Time and space as a category of text: theory and experience of research (on the material of the poetry of MI Tsvetaeva and Z.N. Gippius)]. Moscow: Flinta, Nauka, 2009. 200 p.
7. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaya proza. Stat'i. Esse. Perevody* [Collected edition: In 7 Vol. Vol. 5: Autobiographical prose. Articles. Essays. Translations]. M.: Ellis Lak, 1994. 720 p.

8. RusOlimp. Free indirect speech. <http://rusolimp.kopeisk.ru/sintaksis/?-file=136> (accessed: January 09, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пучинина Ольга Павловна, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант 2-го года обучения
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация
olga.puchinina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Puchinina Olga Pavlovna, Senior Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, 2nd year graduate student
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423630, Russian Federation
olga.puchinina@gmail.com
SPIN-code: 2331-9252
Scopus Author ID: 870864
Researcher ID: O-3599-2015
ORCID: 0000-0002-6460-7157

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-202-212

УДК 81'22

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ-ТАБУИЗМОВ

Никитина И.Н., Александрова Г.Н., Белякова О.В.

Цель. Статья посвящена актуальной в современной лингвистике теме эвфемизации речи. Предметом анализа выступают английские эвфемизмы-табуизмы одной тематической группы, а именно «наименования, относящиеся к сфере туалета, отправления естественных потребностей». Цель исследования – раскрыть вариативность эвфемизмов-табуизмов и факторы, определяющие выбор варианта.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют описательно-сопоставительный и функциональный методы. Анализ и описание языкового материала осуществляется на основании общенаучных методов наблюдения, сопоставления и обобщения языковых фактов.

Результаты. В результате проведенного исследования авторы прослеживают в употреблении английских эвфемизмов-табуизмов гендерную дифференциацию, противопоставление по возрасту, а также по профессиональной и региональной принадлежности.

Область применения результатов. Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение процесса эвфемизации речи. Практическая ценность результатов исследования состоит в возможности их использования в курсе практической и теоретической лексикографии, в преподавании общей и частной (английской) лексикологии, стилистики, а также в переводческой практике.

Ключевые слова: эвфемизм; табуизм; вариативность; гендерная дифференциация; социальный фактор; английский язык.

VARIATION OF ENGLISH EHPHEMISMS-TABOOISMS

Nikitina I.N., Alexandrova G. N., Belyakova O.V.

Purpose. *The article is devoted to the topical in modern linguistics theme of speech euphemization. The subject of analysis is the English euphemisms-tabooisms of one thematic group, namely “names related to the sphere of the toilet, natural needs.” The aim of the research is to reveal the variation of euphemisms-tabooisms and the factors that determine the option.*

Methodology. *The basis of the research is the descriptive-comparative and functional methods. Analysis and description of linguistic material is carried out on the basis of general scientific methods of observation, comparison and generalization of linguistic facts.*

Results. *As a result of the study the authors trace gender differentiation, contrasting by age, professional and regional affiliation in the use of English euphemisms-tabooisms.*

Practical implications. *The theoretical significance of the work is determined by its contribution to the study of the speech euphemization. The practical value of the results of the research consists in the possibility of using them in a course of practical and theoretical lexicography, in the teaching of general and English lexicology, stylistics, and in translation practice.*

Keywords: *euphemism; tabooism; variation; gender differentiation; social factor; English language.*

На протяжении последних десятилетий проблема эвфемизации речи постоянно находилась в центре внимания исследователей Европы и Америки, о чем свидетельствуют многочисленные словари эвфемизмов английского языка, изданные в США и Великобритании [2; 11; 12]. Различные аспекты эвфемии в настоящее время находят отражение в исследованиях отечественных лингвистов [3; 4; 5].

Несмотря на расхождения в трактовке самого понятия «эвфемизма», большинство ученых указывают на связь эвфемии

с явлением табу и определяют эвфемизм как замену «табуированного слова (в современных культурах – также и резкого или нарушающего приличия выражения) приемлемым» [1, с. 63]. В плане употребления различают эвфемизмы-табуизмы, замещающие наименования с высоким уровнем запрета, и факультативные эвфемизмы, замещающие единицы с низким уровнем табуизации [3, с. 41–44].

К одной из самых многочисленных групп эвфемизмов-табуизмов современного английского языка относятся эвфемизмы тематической группы «наименования, относящиеся к сфере туалета, отправления естественных потребностей».

Объектом настоящего исследования являются однословные эвфемизмы и эвфемизмы-перифразы данной тематической группы, представленные в словарях эвфемизмов английского языка [9; 10; 13; 14; 15].

Цель исследования – раскрыть вариативность в употреблении английских эвфемизмов-табуизмов и факторы, определяющие выбор варианта.

Основу исследования образуют описательно-сопоставительный и функциональный методы. Анализ и описание языкового материала осуществляется на основании общенаучных методов наблюдения, сопоставления и обобщения языковых фактов.

Как показал проведенный анализ, во многих английских эвфемизмах деликатной темы прослеживается гендерная дифференциация. Прежде всего гендерно противопоставлены эвфемизмы, употребляемые для обозначения мужского и женского туалета. Половая принадлежность в них может выражаться с помощью:

1) пар существительных *women*[женщины]/*men*[мужчины], *female* [женщина]/*male*[мужчина], *ladies*[леди]/*gentlemen*[джентльмены], *girls* [девочки]/*boys* [мальчики], причем более вежливые *ladies/gentlemen* употребляются в составе британских джентелизмов; более функциональные *female/male* используются для наименования туалетов в офисных и производственных зданиях; детские *girls/boys* – в составе американских шуточных эвфемизмов;

2) притяжательных местоимений (в абсолютной форме) *hers* [её] – в. женский туалет и *his* [его] – в. мужской туалет;

3) женских и мужских имен собственных: *jane* [джейн] – в. женский туалет и *john* [джон] – в. мужской туалет.

Гендерная дифференциация четко прослеживается в микрогруппе «мочеиспускание», что обусловлено экстралингвистическим фактором (различием в способах отправления данной физиологической потребности). Л. Бёдолл отмечает, что количество английских эвфемизмов данной микрогруппы, использующихся только применительно к мужчинам, намного превышает количество эвфемистических наименований данного процесса, которые используются применительно к женщинам [10, p.66].

Шутливое эвфемистическое наименование данного процесса *make room for another beer* [освободить место для еще одной кружки пива] содержит указание на любимый мужской напиток, поэтому и употребляется только в мужской речи. В то время как употребление его аналога *make room for tea* [освободить место для чая] возможно и в женской речи.

Половая гендерная дифференциация широко представлена в эвфемизмах тематической подгруппе «пойти в туалет», образованных на основе приема перенесения с вида на вид [7]. Виды деятельности, под которые маскируется «поход в туалет», подразделяются на традиционно женские и мужские. К первой группе относятся, например, *powder one's nose* [попудрить свой нос], *plant a daisy/rose/pea* [сажать (посадить) маргаритку /розу /горошек], *pluck/pull a daisy/rose/pea* [рвать (сорвать) маргаритку /розу /горошек]. Данные эвфемизмы характерны для женской речи и служат шутливым предлогом отлучиться в туалет. В шутливых эвфемизмах мужской речи *go for a walk (with a spade)* [ходить (сходить) на прогулку (с лопатой)], *shoot a dog* [застрелить собаку], *shoot a lion* [застрелить льва] озвучиваются мужские занятия.

Эвфемизмы, выражающие вежливую просьба выйти в туалет *leave the room, leave the class* [покинуть комнату/ класс] употребля-

ются в речи школьников. В речи взрослых приобретают шуточный оттенок.

В употреблении эвфемизмов деликатной темы наблюдается также противопоставление по возрасту. В детской речи и в разговоре с детьми употребляются метафоры, в основе которых лежит сравнение процессов отправления естественных потребностей с выполнением определенной работы: *big jobs* [большая работа] – *little jobs* [маленькая работа].

В детских эвфемизмах используется нумерация физиологических процессов: *number one* [номер 1] употребляется для обозначения мочеиспускания, *number two* [номер 2] – дефекации.

К эвфемизмам детской речи относятся звукоподражательные эвфемизмы, в основе которых лежит фонетическое уподобление звукам, сопутствующим физиологическим процессам (аудиальная метафора). Характерный прием образования детских эвфемизмов: сочетание звукоподражания с редупликацией (повтором слова). Например, *wee(-wee)*, *boom-boom*, *ca-ca*, *pee-pee*. В речи взрослых данные наименования несут шуточный оттенок.

Дифференциация эвфемизмов туалетной темы нередко определяется профессией говорящего, см.: *defecation, evacuation of the bowel* [опорожнение кишечника], *bowel movement* [движение кишечника] – в речи врачей, медицинских работников; *use paper* [пользоваться (использовать) бумагу] – в разговоре медперсонала с больными; *latrine, ablutions* [помещения для омовения] – в армейской речи.

Региональные эвфемизмы английского языка противопоставлены как британские, американские и австралийские эвфемизмы. Например, в качестве шуточного предлога выйти из дома в туалет, в мужской речи употребляются различные региональные эвфемизмы: *shoot a dog* (Амер.) [застрелить собаку], *shoot a lion* (Брит.) [застрелить льва], *kill a snake* (Австрал.) [убить змею].

В тематической микрогруппе «туалет» наблюдаются различия в употреблении британских и американских эвфемизмов. Так, для британских эвфемистических наименований туалета характерно

использование джентелизмов, например, *ladies' room* [комната для леди], *gentlemen's room* [комната для джентльменов]. Данный термин часто используется в англоязычной литературе как синоним эвфемизма, характеризующийся стилистической завышенностью используемых языковых единиц. Джентелизмы широко употребляются как в книжной, так и в разговорной речи, занимая в них нишу «вежливых эвфемизмов».

Для американских эвфемизмов более характерным является использование нейтральных логических перифразов: *women's room* [женская комната], *men's room* [мужская комната] и шуточных перифразов: *little boys' room* [комната для маленьких мальчиков], *little girl's room* [комната для маленьких девочек].

Британские и американские эвфемизмы характеризуются различным набором эргонимов и топонимов [8].

Среди британских эвфемизмов деликатной темы встречаются косвенные наименования туалета с помощью эргонимов: *house of commons* [палата общин (в Британском парламенте)], *house of lords* [палата лордов (в Британском парламенте)].

Использование топонимов (географических названий) частотно в косвенных обозначениях диареи, столь распространенного заболевания среди туристов, путешествующих по странам с непривычной для них кухней. Так, то или иное указание на Мексику как на популярное место отдыха американцев прослеживается во многих американских эвфемизмах, косвенно обозначающих неприятное заболевание: *Aztec hop* [танец ацтеков], *Mexican two-step/fox-trot* [Мексиканский фокстрот]. В британских эвфемизмах обнаруживаем ссылки на наиболее популярные места путешествия англичан: Средний Восток, Европа. См., например, такие замещающие наименования, как *Adriatic tummy* [Адриатический животик], *Tunis stomach* [Тунисский живот], *Cairo crud* [Каирская болезнь], *Spanish tummy* [Испанский животик].

В словарях эвфемизмов современного английского языка встречаются отдельные эвфемизмы южноафриканского варианта английского. Интересные примеры южноафриканских эвфемизмов

туалетной темы времен апартеида представлены в словаре Х. Руюсона [15, с. 247]. Лексикограф указывает, что для наименования туалетов в то время использовался целый набор эвфемизмов. Так на железнодорожной станции в Кейптауне (Южная Африка) перед тем, как воспользоваться туалетом, турист должен был внимательно ознакомиться с табличками, расположенными на дверях туалета. В зависимости от расовой, половой и социальной принадлежности пользователь делал выбор между 12 туалетами:

- 1) *First-Class European Ladies* (1-й класс европейские леди);
- 2) *First-Class European Gents* (1-й класс европейские джентльмены);
- 3) *First-Class non-European Ladies* (1-й класс неевропейские леди);
- 4) *First-Class non-European Gents* (1-й класс неевропейские джентльмены);
- 5) *Second-Class European Ladies* (2-й класс европейские леди);
- 6) *Second-Class European Gents* (2-й класс европейские джентльмены);
- 7) *Second-Class non-European Ladies* (2-й класс неевропейские леди);
- 8) *Second-Class non-European Gents* (2-й класс неевропейские джентльмены);
- 9) *Third-Class European Ladies* (3-й класс европейские леди);
- 10) *Third-Class European Gents* (3-й класс европейские джентльмены);
- 11) *Third-Class non-European Ladies* (3-й класс неевропейские леди);
- 12) *Third-Class non-European Gents* (3-й класс неевропейские джентльмены).

Таким образом, в употреблении английских эвфемизмов-табуизмов можно проследить гендерную дифференциацию, противопоставление по возрасту, а также по профессиональной и региональной принадлежности. Данные результаты позволяют сделать предположение, что вариативность эвфемизмов-табуизмов определяется, прежде всего, социальными факторами. Однако уточнение всех факторов, влияющих на выбор варианта эвфемизма, требует продолжения исследования с привлечением данных разных языков.

Список литературы

1. Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
2. Никитина И.Н. Эвфемизмы как объект исследования в британской и американской лингвистике // Вопросы филологии. М., 2008. №2(29). С. 111–114.
3. Никитина И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Сер. «Филология». Тольятти, 2008. №1. С. 49–64.
4. Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков // Известия СНЦ РАН. Самара, 2009. Т. 11(30). № 4. Ч. 6. С. 1580–1586.
5. Никитина И.Н. Эвфемистическая функция заимствований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №1 (19). С. 124–126.
6. Никитина И.Н. Эпонимия как способ эвфемизации речи (на материале английского языка)//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (48). С. 127–129.
7. Никитина И.Н. Эвфемистическая функция метонимии (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (54). С. 133–136.
8. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. 151 с.
9. Ayto J. Dictionary of Euphemisms. Bloomsbury, Britain, 2000. 332 p.
10. Berdoll L. Very Nice Ways to Say Very Bad Things. The Unusual Book of Euphemisms. Well, There It Is Del Valle, Texas, 2003. 143 p.
11. Enright D.J. In Other Words. The Meanings and Memoirs of Euphemisms. Michael O'Mara Books Ltd., London, 2005. 160 p.
12. Ham K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation // Journal of Language and Linguistics. 2005, vol. 4, No. 2, pp. 227–263.
13. Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford University Press Inc., New York, 2003. 501 p.
14. Neaman J.S. & Silver C.G. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism. Avon Books, New York, 1990. 409 p.

15. Rowson H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Castle Books, New York, 2002. 463 p.

References

1. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya: leksii po filologii i istorii religiy* [Language and religion: lectures on philology and history of religions]. M.: FAIR, 1998. 352 c.
2. Nikitina I.N. Evfemizmy kak obekt issledovaniya v britanskoj i amerikanskoj lingvistike [Euphemisms as the object of study in the British and American linguistics]. *Voprosy filologii* [Questions of philology]. M., 2008, №2 (29), pp. 111–114.
3. Nikitina I.N. Evfemiya v zarubezhnoy i otechestvennoy lingvistike: istoriya voprosa i perspektiva issledovaniya [Evfemiya in foreign and domestic linguistics: historical background and perspective studies]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva* [Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev]. Ser. «Filologiya» [Philology series]. Tol'yatti, 2008, №1, pp. 49–64.
4. Nikitina I.N. Bytovye evfemizmy v kontekste raznykh yazykov [Everyday euphemisms in the context of different languages]. *Izvestiya SNTs RAN* [Proceedings of the SSC RAS]. Samara, 2009. T. 11(30), № 4 (6), pp. 1580–1586.
5. Nikitina I.N. Evfemisticheskaya funktsiya zaimstvovaniy [The euphemistic function of borrowing]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2013, №1 (19), pp. 124–126.
6. Nikitina I.N. Eponimiya kak sposob evfemizatsii rechi (na materiale angliyskogo yazyka) [Eponymy as a way of speech euphemization (with reference to English)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2015, № 6–2 (48), pp. 127–129.
7. Nikitina I.N. Evfemisticheskaya funktsiya metonimii (na materiale angliyskogo yazyka) [The euphemistic function of metonymy (with reference to English)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2015, № 12–1 (54), pp. 133–136.

8. Senichkina E. P. *Eyvfemizmy russkogo yazyka* [Euphemisms of Russian language] *Spetskurs* [Special Course]. Textbook. M.: Vysshaya shkola, 2006. 151 p.
9. Ayto J. Dictionary of Euphemisms. Bloomsbury, Britain, 2000. 332 p.
10. Berdoll L. Very Nice Ways to Say Very Bad Things. The Unusual Book of Euphemisms. Well, There It Is Del Valle, Texas, 2003. 143 p.
11. Enright D.J. In Other Words. The Meanings and Memoirs of Euphemisms. Michael O'Mara Books Ltd., London, 2005. 160 p.
12. Ham K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation // Journal of Language and Linguistics. 2005, vol. 4, no 2, pp. 227–263.
13. Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford University Press Inc., New York, 2003. 501 p.
14. Neaman J.S. & Silver C.G. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism. Avon Books, New York, 1990. 409 p.
15. Rowson H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Castle Books, New York, 2002. 463 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Никитина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры лингвистики и иноязычной деловой
коммуникации
Самарский государственный экономический университет
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская область,
443090, Российская Федерация
i.n.nikitina@gmail.com

Александрова Галина Николаевна, кандидат филологических
наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и иноязычной
деловой коммуникации
Самарский государственный экономический университет
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская область,
443090, Российская Федерация
Alexandrova.gn@rambler.ru

Белякова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры лингвистики и иноязычной деловой
коммуникации
*Самарский государственный экономический университет
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская область,
443090, Российская Федерация
olgabel5893@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nikitina Irina Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistics and Foreign Business Communication
*Samara State University of Economics
141, Soviet Army Str., Samara, Samara Region, 443090, Russian
Federation
i.n.nikitina@gmail.com
SPIN-code: 6583-8650*

Alexandrova Galina Nikolayevna, Ph.D.in Philology, Associate Pro-
fessor, Department of Linguistics and Foreign Business Commu-
nication
*Samara State University of Economics
141, Soviet Army Str., Samara, Samara Region, 443090, Russian
Federation
Alexandrova.gn@rambler.ru
SPIN-code: 5483-9784*

Belyakova Olga Vladimirovna, Ph.D.in Philology, Associate Pro-
fessor, Department of Linguistics and Foreign Business Com-
munication
*Samara State University of Economics
141, Soviet Army Str., Samara, Samara Region, 443090, Russian
Federation
olgabel5893@yandex.ru
SPIN-code: 4187-4743*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-213-223

УДК 811.161.1: 616.21

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ УСЛОВНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНО-РАСПРОСТРАНТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Витлинская Л.Г., Макарова Н.Ф., Михайлова Н.Д.

Цель. В статье представлен авторский взгляд на функционирование условных и относительно-распространительных конструкций в медико-биологической литературе. Цель работы – выявить и описать смысловые особенности синтаксических единиц с точки зрения прагматики научного (медицинского) текста.

Методологической основой исследования послужили принципы научно-исследовательского подхода к тексту, согласно которым научный текст рассматривается как источник разноуровневой информации с позиции содержания и формы. В связи с этими направлениями в работе использованы следующие методы: целенаправленная выборка, научное описание, статистический анализ – что позволило получить достоверную информацию о семантической значимости условных и относительно-распространительных конструкций в медико-биологической литературе.

Результаты работы: синтаксис научного (медицинского) текста отличается широкой употребительностью условных сложно-подчиненных предложений, функциональное назначение которых связано с представлением медицинских знаний в виде законов и закономерностей, чаще основанных на вероятностном представлении явлений и их связей в объективной действительности. Анализ функционирования относительно-распространительных конструкций в медицинском тексте выявил особую активность данных синтаксических моделей в аспекте выражения результата активных динамических процессов. В свою очередь, относительно-распростра-

нительный тип сложных предложений с субъективно-модальным значением малопродуктивен в исследуемых текстах и чаще всего используется для выражения общеклинической оценки.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении синтаксиса научного (медицинского) текста; в педагогической практике, обучении иностранных студентов-медиков языку специальности.

Ключевые слова: условные сложноподчиненные предложения; относительно-распространительные конструкции; функциональное назначение синтаксических единиц; семантические типы; медико-биологическая литература, прагматический аспект.

SEMANTIC TYPES OF CONDITIONAL AND RELATIVELY-DISTRIBUTIVE WORD CONSTRUCTIONS IN THE BIOMEDICAL LITERATURE

Vitlinskaia L.G., Makarova N.F., Mikhailova N.D.

Purpose. *The article presents the author's view on the functioning of conditional and relatively-distributive word constructions in the biomedical literature. The purpose of the work is to identify and describe the semantic features of syntactic units from the point of view of the pragmatics of the scientific (medical) text.*

The methodological basis of the study is the principles of the scientific approach to the text, according to which the scientific text is considered as a source of different information from the position of content and form. In connection with these directions, the following methods were used in the work: purposive sampling, scientific description, statistical analysis - which allowed obtaining reliable information on the semantic significance of conditional and relatively-distributive constructions in the biomedical literature.

The results of the study are as follows: the syntax of the scientific (medical) text differs widely in the use of conditional complex sentences, the functional purpose of which is related to the representation of medi-

cal knowledge in the form of laws and regularities, most often based on the probable representation of phenomena and their connections in objective reality. The analysis of the functioning of relatively-distributive structures in the medical text has revealed the special activity of these syntactic models in the aspect of expressing the result of active dynamic processes. In turn, the relatively-circumstantial type of complex sentences with subjective-modal meaning is unproductive in the studied texts and often used to express a general clinical evaluation.

Practical implications. *The results of the study can be used for further investigations concerning the syntax of the scientific (medical) text, in teaching foreign medical students the language of the specialty.*

Keywords: *conditional complex sentences; functional purpose of syntactic units; semantic types; medical biological literature; pragmatic aspect.*

В лингвистической науке накоплен большой опыт в изучении различных аспектов сложного предложения – формального, структурно-семантического, коммуникативного. Вместе с тем в научной литературе все чаще звучат мысли о необходимости общего, «синтетического» подхода к предложению, целью которого должно стать объединение его сторон в рамках единой коммуникативной единицы. С нашей точки зрения, необходимо учитывать и прагматический параметр функционирования предложения – говорящего, слушающего, ситуации обсуждения, так как данный подход перспективен для комплексного изучения сложного предложения в различных функционально-речевых сферах, в частности на материале научной речи. «Вместе с тем большинство существующих учебных пособий в аспекте русского языка как иностранного базируется на традиционных представлениях о формально-грамматическом устройстве и синтаксической структуре СП» [5, с. 69–70]. Сочетание качественно-количественного анализа условных сложноподчиненных предложений (УСП) с учетом прагматических факторов позволяет установить закономерности функционирования данной синтаксической единицы в научной речи, а также выявить некоторые общие особенности смыслового устройства УСП.

Изучение данного вопроса показало, что язык медицинской литературы отличается широкой употребительностью УсСП с союзом «если», высокая частотность которого объясняется целью научного сообщения: точно и последовательно вскрыть внутренние и внешние закономерности, выразить отношения обусловленности.

Результаты анализа свидетельствуют о богатстве и разнообразии семантических разновидностей УсСП и об их избирательном употреблении в конкретных ситуациях. Это проявляется прежде всего в частотности отдельных значений УсСП и их прикрепленности к определенным текстам и функциональным типам научного изложения, что в свою очередь ставит задачу изучения типологии смысловых отношений УсСП и их текстообразующих функций. Известно, что описание смысловых отношений в классификации семантических разновидностей УсСП вызывает большие затруднения ввиду специфических модальных особенностей условной связи, позволяющих передавать различные нюансы человеческой мысли.

Как известно, в медицине условие – это совокупность факторов и обстоятельств, требующих возникновения определенных состояний. Результаты исследования свидетельствуют о богатстве и разнообразии семантических разновидностей УсСП и об их суперактивном употреблении в конкретных ситуациях. Например, среди УсСП, реализующих функцию констатирующих сообщений, выделяются две группы: 1) предложения, содержание которых связано с выражением повторяющейся обусловленной связи двух событий; 2) УсСП, передающие возможный ход событий в объективной действительности, то есть предложений, реализующих альтернативу, так как «возможность в языке немислима без осуществления альтернативы» [1, с. 158]. Ср.: Если произвести правильное наложение швов при ранении языка, то сохраняется его функция [2, с. 226]; Если рассмотреть отдельные хромосомы, то можно увидеть, что каждая хромосома состоит из хроматид, соединенных между собой в области центромеры [10, с. 19]; Если в результате длительной работы развивается утомление мышцы, то величина ее сокращения снижается [9, с. 34]; Если повредить стенку этой вены, связанной к

тому же с фасцией области, пострадавшему угрожает кровотечение и воздушная эмболия [2, с. 129].

Функциональное назначение таких конструкций связано с представлением научных знаний в виде законов и закономерностей, что подчеркивает общенаучный характер отмеченных предложений.

Исследование показало, что в отличие от УсСП неизбежной обусловленности в предложениях потенциального (возможного) условия подчеркиваются специфические для медико-биологических наук закономерности, основанные на вероятностном представлении явлений и их связей в объективной действительности. Несмотря на указанные различия, общей закономерностью двух групп является то, что они употребляются в функции констатирующих сообщений в текстах описательно-объяснительного характера (анатомии, физиологии и др.), что и доказал изученный текстовый материал.

Так, условный союз может вводить предложения со значением обоснования, то есть такие предложения, главная цель которых содержит в себе утверждение или оценку, которые обосновываются содержанием придаточной части. Данные синтаксические единицы выполняют коррективно-прагматические функции, так как выражают значение прогнозирования с интенцией убеждения, побуждения. Следовательно, прагматическая направленность содержания таких предложений обусловлена задачами воздействия на адресата. Эти цели варьируются как доказательства какого-либо положения, обоснованное утверждение, логическое обоснование и др. Среди них наиболее продуктивны предложения типа: Если происходит активация тормозных звездчатых и корзинчатых клеток мозжечка, то возбудимость грушевидных нейронов Пуркинье снижается [4, с. 63]; Если ощущение и восприятие, мышление и память, эмоции и мотивации не идентичны физиологическим мозговым процессам, то они не могут быть всесторонне охарактеризованы понятиями физиологии [7, с. 35].

Таким образом, при описании функционально-семантических особенностей УсСП необходимо учитывать дополнительную информацию, связанную с выходом в экстралингвистическую реаль-

ность, так как это позволяет «выявить некоторые закономерности использования сложного предложения в типичных коммуникативных ситуациях и дать общую семантико-прагматическую характеристику наиболее продуктивных медицинских текстов» [6, с. 210].

Поскольку знание, подтвержденное опытным трудом, обладает наибольшей степенью достоверности, УсСП активно функционируют в роли подтверждающих сообщений в составе сверхфразового единства эмпирического доказательства (в биологии, физиологии, фармакологии). Например: В онтогенезе раньше организуется произвольная память. Если произвольная память формируется постепенно посредством взаимодействия с окружающей средой при непосредственном влиянии функции речи, то на основе произвольной памяти без специальных усилий формируется основная часть жизненного опыта, которая действует в основном в сфере подсознания [7, с. 51].

В УсСП с отношениями логического обоснования условно-гипотетическое значение ослабляется, а придаточная часть приобретает значение аргумента, мотивирующего вывод, значение вывода, умозаключения в главной части подчеркивается участием вводно-модальных единиц: *следовательно, значит*, а также наличием различного рода авторизирующих средств, которые акцентируют характер убежденного мнения: *можно говорить, есть основание считать* и др. Например: Если при раннем сифилисе в процесс вовлекается периферическая нервная система, то характерным *можно считать* поражение шейно-грудных и пояснично-крестцовых корешков [3, с. 207]; Если в клинической картине из триады симптомов, свойственных туберкулезному склерозу, наиболее рано возникают эпилептические припадки, то есть основание считать, что с течением времени они будут учащаться и менять свой характер [3, с. 408].

Рассматриваемые УсСП представлены в различных жанрах медицинской литературы, но наибольшую значимость имеют в учебно-профессиональной литературе, в которой преобладают показатели недеонтологической модальности, что соответствует научной картине мира: чаще всего описываются фрагменты физических состояний, «<...> связи которых с действительностью детермини-

руются <...> знаниями врача об экологии, патогенезе, лечении того или иного заболевания» [1, с. 156].

Анализ медицинской литературы, посвящённый относительно-распространительным конструкциям, показал, что хотя данные предложения и были предметом специального исследования, однако некоторые их аспекты остаются малоизученными. В частности, неоднозначно решается вопрос о месте относительно-распространённых предложений в системе сложного предложения, что проявляется в различии используемых терминов для их наименования: относительно-присоединительные, подчинительно-присоединительные, вмещающе-дополнительные и другие, но, несмотря на это, большинство исследователей отмечали активную роль этих синтаксических построений для научного текста.

Проведённый нами анализ свидетельствует о том, что по характеру смысловых отношений главного и зависимого компонентов относительно-распространительные сложные предложения делятся на два семантических типа: предложения, передающие отношения логической обусловленности, и предложения, выражающие различные модальные отношения.

В относительно-распространительных предложениях логической обусловленности выражаются опосредованные (релятивные) логико-смысловые значения причины и следствия, которые эксплицированы чаще всего семантикой предикатов и семантикой предлогов.

Среди конструкций причинного обоснования значение главного компонента, как правило, формируется лексикой экзистенциальной семантики, характерной для научной речи: *иметься, способствовать, быть, наблюдаться, обнаруживаться, отсутствовать* и другие. Указанные глаголы являются в рассматриваемых конструкциях средством выявления логико-смысловых отношений причины и следствия, в то же время сами эти отношения возможны в силу определённых закономерностей логико-семантического взаимодействия между глаголами и зависимыми компонентами. Обращение к анализу взаимодействия смыслов главного и зависимого компонентов обнаруживает, что оно подчинено закономерно-

стям семантического согласования. В конструкциях с собственно причинной зависимостью следствие представлено как результат активных, динамических процессов, в связи с чем предикативный центр главного компонента формируется лексикой процессуально-го состояния со значением интенсивности процесса: *усиливать(-ся), падать, ослабевать, угнетать(ся)*; лексикой, имеющей значение «нарастание признака»: *уменьшать(ся), увеличивать(ся), возрастать, замедлять(ся)* и другие. Например: 1) При наличии толерантности организм *снижает* степень борьбы с инфектом, что имеет существенное значение [8, с. 129]. 2) Применение первичной или ранней кожной пластики для устранения огнестрельных дефектов челюстно-лицевой области под прикрытием мощной антибактериальной терапии *усиливает, активизирует* заживление ран, что способствует улучшению функциональных результатов [2, с. 225].

Анализ медико-биологической литературы показал, что во втором семантическом типе (предложения, выражающие различные модальные отношения) активны относительные конструкции оценочного обоснования, в которых субъективность оценки подчёркивается: 1) предикатами зависимого компонента, имеющими значение гипотетичности; 2) предложениями отсылочного обоснования, в которых доказательство даётся путём ссылки на кого-либо или что-либо. Ср.: 1) Поскольку фагоцитоз является неспецифическим феноменом механизмы бактерицидной активности вряд ли отличаются от механизмов захвата и переваривания различных других частиц, что необходимо учитывать. [8, с. 137]. 2) Прикладная анатомия, на что указывал Н.И. Пирогов, должна преподаваться не анатомом, а врачом, это объясняется следующим: врач представляет себе возможные изменения анатомии под влиянием болезни и значение анатомической «нормы» для развития той или иной патологии [2, с. 49].

В силу своей специфики конструкции с субъектно-модальным значением малопродуктивны в исследуемых текстах и выполняют, как правило, функцию контактно-устанавливающих средств и наиболее релевантны для определённых типов текстов – клинических дисциплин, где они используются для выражения общеклинической оценки.

Список литературы

1. Аксенова Е.Д., Мирзоева В.М., Мирзоева Е.З. Модальность научного (медицинского) текста (на материале текстов оториноларингологии) // Современные исследования социальных проблем. 2016. №4. 1 (28). С. 154–161.
2. Большаков О.П., Семенов Г.М. Лекции по оперативной хирургии и клинической анатомии. СПб: Питер, 2000. 460 с.
3. Герасимова М.М. Нервные болезни. Тверь-Москва: Триада, 2003. 511 с.
4. Кромин А.А. Начала физиологии: учеб. пособие. Тверь: Триада, 2013. 111 с.
5. Мирзоева В.М., Иванов А.Г., Сайед К., Шматко Т.Ф. Функциональный подход в описании сложного определительного предложения (на материале текстов дисциплины «История медицины») // Ответственные науки. 2016. № 6. Том 1. С. 69–73.
6. Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Мирзоева Е.З. Коммуникативно-прагматическая функция сложных предложений в диалогической структуре текстов медицинской направленности // Вестник Тверского государственного университета. 2017. №1. С. 207–211.
7. Петров Г.А., Зенина О.Ю. Высшие интегративные функции головного мозга: учеб. пособие для самостоятельной подготовки к практическим занятиям. Тверь: УТНС, 2013. 123 с.
8. Покровский В.И., Авербах М.М., Литвинов В.И. Приобретённый иммунитет и инфекционный процесс. М.: Медицина, 1979. 279 с.
9. Физиология человека / Под ред. Г. И. Косицкого. М.: 1986. 544 с.
10. Цитология. Биология размножения: методические указания для самостоятельной работы студентов по биологии. Часть I / Под ред. проф. Г. В. Хомулло. Тверь: Триада, 2004. 38 с.

References

1. Aksenova E.D., Mirzoeva V.M., Mirzoeva E.Z. Modal'nost' nauchnogo (medicinskogo) teksta (na materiale tekstov otorinolaringologii) [The Modality of the Scientific (Medical) Text (Based on the Texts of Otorhi-

- nolaryngology)]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. 2016. № 4. 1 (28): 154–161.
2. Bol'shakov O.P., Semenov G.M. *Lekcii po operativnoj hirurgii i klinicheskoi anatomii* [Lectures on Operative Surgery and Clinical Anatomy]. SPb: Piter, 2000. 460 p.
 3. Gerasimova M.M. *Nervnye bolezni* [Nervous Diseases]. Tver'-Moskva: Triada, 2003. 511 p.
 4. Kromin A.A. *Nachala fiziologii: ucheb. Posobie* [Basics of Physiology: Textbook]. Tver': Triada, 2013. 111 p.
 5. Mirzoeva V.M., Ivanov A.G., Sajed K., Shmatko T.F. Funkcional'nyj podhod v opisanii slozhnogo opredelitel'nogo predlozhenija (na materiale tekstov discipliny «Istorija mediciny») [Functional Approach in the Description of the Complex Definitive Sentence (on the Material of the Texts of the Discipline “History of Medicine”)]. *Obshhestvennye nauki*. 2016. № 6. Tom 1: 69–73.
 6. Mirzoeva V.M., Kuznecova A.A., Mirzoeva E.Z. Kommunikativno-pragmaticheskaja funkcija slozhnyh predlozhenij v dialogicheskoj strukture tekstov medicinskoj napravlenosti [Communicatively Pragmatic Function of Complex Sentences in the Dialogical Structure of Medical tTxs]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. №1: 207–211.
 7. Petrov G.A. Zenina O.Ju. *Vysshie integrativnye funkcii golovnogogo mozga: ucheb. posobie dlja samostojatel'noj podgotovki k prakticheskim zanjatijam* [Higher Integrative Functions of the Brain: Textbook for Self-preparation for Practical Exercises]. Tver: UTHC, 2013. 123 p.
 8. Pokrovskij V.I., Averbah M. M., Litvinov V.I. *Priobretjonnyj immunitet i infekcionnyj process* [Acquired Immunity and Infectious Process]. M.: Medicina, 1979. 279 p.
 9. *Fiziologija cheloveka* [Human Physiology] / Pod red. G.I. Kosickogo. M.: 1986. 544 p.
 10. *Citologija. Biologija razmnozhenija: metodicheskie ukazanija dlja samostojatel'noj raboty studentov po biologii. Chast' I* [Cytology. Biology of Reproduction: Methodical Instructions for Independent Work of Students in Biology. Part I] / Pod red. prof. G.V. Homullo. Tver: Triada, 2004. 38 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Витлинская Людмила Григорьевна, старший преподаватель кафедры русского языка
*Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
ruslang@tvergma.ru*

Макарова Нина Федоровна, ассистент кафедры русского языка
*Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
ruslang@tvergma.ru*

Михайлова Наталья Дмитриевна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент
*Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
natpromiha@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vitlinskaya Ludmila Grigorevna, Assistant of the Chair of Russian language
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 1701001, Russian Federation
ruslang@tvergma.ru*

Makarova Nina Fiodorovna, Assistant of the Chair of Russian language
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, Kursk Region, 305041, Russian Federation
ruslang@tvergma.ru*

Mikhailova Natalja Dmitrievna, Senior Lecturer of the Chair of Russian language, Candidat of Philological Sciences, Senior Lecturer
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, Kursk Region, 305041, Russian Federation
natpromiha@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-224-235

УДК 811.133.1

**ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВНИ***Черкесова З.В.*

Цель. Статья посвящена исследованию гендерных признаков единиц лексического и грамматического уровней французского языка, изучению особенностей содержания и композиции концепта «женщина» в разных возрастных и гендерных группах носителей исследуемого языка. Во французском языке существует два рода – мужской и женский, при этом доминирующим является мужской род.

Методы проведения работы – экспериментальный и описательный методы.

Результаты. Анализ реализации лексических и грамматических единиц как гендерных маркеров, используемых языковой личностью во французском языковом сознании, показал, что категория рода во французском языке – явление детерминирующее, динамичное, способствующее возникновению гендерных асимметрий в языке.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в проведении лингвоконцептуальных анализов по материалам других языков.

Ключевые слова: гендер; французский язык; феминность; маскулинность; речевые маркеры.

**THE PROBLEM OF THE GENDER IN THE FRENCH
LANGUAGE: LEXICAL AND GRAMMAR LEVELS***Cherkesova Z.V.*

Purpose. It is the gender-related features of the lexical and grammatical levels of the French language that are investigated. In French,

there are two genders, i.e., male and female, the masculine gender being a dominant one.

Methodology. *Experimental and descriptive methods.*

Results. *Analysis of the implementation of lexical and grammatical units as gender markers used by the linguistic persona in French linguistic consciousness demonstrated that the category of the gender in French is a determinative, dynamic phenomenon that contributes to the emergence of gender asymmetries in the language.*

Practical implications. *The received results can be used in carrying out the linguistic-conceptual analyses on materials of other languages.*

Keywords: *gender; French language; femininity; masculinity; speech markers.*

Процесс антропологизации знаний, который в современной гуманитарной науке охватил практически все сферы научного познания, вышел за рамки структурного подхода к изучаемым явлениям и стремится осмыслить их через призму человека. В этом отношении одним из факторов формирования социокультурной ситуации в обществе является гендер, который определяет одни черты как женские, другие как мужские. Гендерные нормы поведения, заложенные в ментальной картине мира, находят отражение в языке народа.

Лингвистическая модель функционирования языка и речи в современном обществе включает структуру взаимообусловленных и взаимозависимых составляющих, связанных, с одной стороны, с физиологическими и психологическими особенностями индивида и спецификой формирования индивидуального речевого кода под влиянием социальных (культурологических, этноментальных и др.) и экономических (принадлежность к определенной группе, классу, сфере и т.д.) факторов – с другой. Такая интегрированная модель предполагает учет как экстралингвистических, так и лингвистических аспектов речевой деятельности индивида с ориентацией в последнем случае на особенности фонетического, лексического, синтаксического планирования и реализации речевого высказывания

индивидом в акте коммуникации, т.е. на специфику формирования индивидуального языкового варианта (идиолекта) [3, с. 13].

Как отмечает В.М. Алпатов, оппозиция мужских и женских вариантов представляет собой, по всей вероятности, древнейший тип дифференциации языка. Можно предположить, что она существовала уже на ранних этапах развития человечества, будучи связанной с разделением труда между полами. В этой связи мужчины и женщины оперируют разными словами, связанными с их профессиональной специализацией [1, с. 58]

Исследование гендерных признаков единиц лексического и грамматического уровней представляется важным и актуальным на сегодняшний день.

Как известно, грамматическая категория рода свойственна разным частям речи и заключается в распределении слов по двум или трем классам (мужской, женский и средний), традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием. Применительно к функционированию гендерного признака в современном французском языке на уровне лексики и грамматики ученые-лингвисты уделяют внимание фиксации и анализу важных речевых и языковых изменений, связанных с изменением представления о ролевых функциях мужчин и женщин в современном французском обществе.

Во французском языке, в отличие от русского, существует только два рода – мужской и женский. При этом доминирующим является категория маскулинности, т.е. мужской род. Как утверждает О.И. Богомолова, «в современном французском языке грамматический род – категория чисто формальная, не опирающаяся на смысловые противоположения, но, тем не менее, вполне устойчивая» [2, с. 62].

На современном этапе развития французского языка категория рода продолжает изменяться. Наиболее ярким проявлением этого процесса является феминизация существительных, которая в последнее столетие получила широкое распространение и привела к тому, что существительные мужского рода образуют женский род при помощи различных способов. Например, существительное *un*

lecteur (лектор, читатель), изначально являющийся существительным мужского рода, может менять свой род на женский – *une lectrice* (лекторша, читательница). Данное существительное может также употребляться дифференцированно: в форме мужского рода единственного числа – *un lecteur* и в форме женского рода множественного числа – *des lectrices*.

Мужской род во французском языке является универсальным и выполняет функцию так называемого «общего» рода. В некоторых случаях он служит для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду преподаватели одного учебного учреждения, включая и мужчин, и женщин, употребляется форма *les maîtres* (*maître* – м.р., *maîtresse* – ж.р.).

Часто имена существительные женского рода являются производными от существительных мужского рода: *un traducteur* – *une traductrice*, *un mâle* – *une female*, *un maître* – *une maîtresse* и т.п. При этом при переходе из мужского в женский род некоторые имена существительные приобретают негативную окраску: *un courtisan* (придворный) – *une courtisane* (куртизанка) и т.п.

Во французском языке есть слово *homme*, которое включает понятия «мужчина» и «женщина». Однако понятие «женщина» лишь формально включено в данную дефиницию. Общечеловеческое понятие *l'homme* больше является категорией маскулинной, чем фемининной, поэтому во французском языке наблюдается отождествление понятий «человек» и «мужчина», интегрированных в понятие *l'homme*.

Во французском языке имеется множество существительных, род которых не имеет четкого обозначения. Для некоторых же существительных в настоящее время категория рода вообще не установлена.

В современном французском обществе женщины уже не считаются «слабым полом». Об этом свидетельствует тот факт, что многие женщины адаптируются к профессиям, которые раньше считались «мужскими». На сегодняшний день профессии *docteur* (врач), *peintre* (художник), *écrivain* (писатель), *professeur* (преподаватель,

professeur), *juge* (судья), *financier* (финансист), *avocat* (адвокат), *ingénieur* (инженер) в равной мере относятся как к мужчинам, так и к женщинам, но эти существительные не имеют женского рода. В некоторых случаях при определении лиц женского пола вместе с наименованием профессии употребляется лексема *femme* (женщина): *femme-docteur* (женщина-врач), *femme-peintre* (женщина-художник или художница), *femme-écrivain* (женщина-писатель или писательница), *femme-professeur* (женщина-преподаватель), *femme-juge* (женщина-судья), *femme-avocat* (женщина-адвокат), *femme-ingénieur* (женщина-инженер) и т.д.

Таким образом, во французском языке не наблюдается четкого обозначения категории рода – разграничения слов по родам. Отсюда вытекает проблема гендера: многочисленные исследования ученых-лингвистов подтверждают факт доминирования маскулинности над феминностью, что способствует образованию гендерных асимметрий во французском языке.

Как и в большинстве других языков, во французском языке женская речь наиболее эмоциональна, женщины чаще употребляют аффектированную и эмоционально окрашенную лексику: различные художественно-изобразительные средства языка, междометия, частицы и т.д. По результатам наблюдения за речью лиц мужского и женского пола разных возрастных категорий (от 18 до 65 лет) и сфер деятельности можно констатировать факт употребления женщинами больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния. Однако во французской речи мы не обнаружили устойчивых, гендерно закреплённых способов и средств выражения эмоций. При этом наблюдаются различия в использовании мужчинами и женщинами тех или иных эмотивных маркеров. Это связано с тем, что мир эмоций и переживаний стоит на первом месте для женщины, а мужчины в любой языковой картине склонны думать, что могут управлять своими эмоциями, сдерживать их.

Как уже отмечено, гендерное различие речевого поведения мужчин и женщин во французском языке обнаруживается в использовании различных эмотивных маркеров. В женской речи наблюдается

частое использование различных экскламаторов с целью усиления какой-либо эмоции, детализирования и акцентирования смысла высказывания, а также для выражения отношения говорящего к объекту или предмету речи. Для усиления эмоционального воздействия на собеседника француженки употребляют в своей речи модальные наречия-интенсификаторы *si, encore, bien, pour que* и др., например, для выражения чувства сожаления: *Si seulement j'avais pris mon appareil photo! – Если бы только я взяла свой фотоаппарат!*; для выражения желания: *J'aime bien que tu sois avec moi – Я хочу [хотела бы очень], чтобы ты был со мной* и т.д.

В женской речи также наблюдается частое использование демонстративов-интенсификаторов *en, ce qui, c'est, cela* и др. Например, для выражения чувства радости: *Cela me fait plaisir – Это делает меня счастливой (Я рада!); C'est une belle journée – Это прекрасный день!*; для усиления эмоциональности и убедительности высказывания – *J'y ferai tout ce que je puis et n'oublierai aucune chose – Я сделаю все, чтобы не забыть ничего (т.е. «постараюсь ничего не забыть»)*.

Как в профессиональной, так и обиходно-бытовой речи француженок встречается частое использование вводных слов и слов-указателей и выражений, ориентированных на эмоцию: *avec plaisir* (с удовольствием), *malheureusement* (к сожалению), *heureusement* (к счастью) и т.д., например,:

J'ai accepté l'offre avec plaisir – Я согласилась на предложение с удовольствием;

- *Alors, Jane! Comment ça va, aujourd'hui ?*
- *Merci, ça va bien, je suis en forme aujourd'hui, Anne.*
- *Est-ce que vous êtes fatigué aujourd'hui ?*
- **Heureusement non, je ne suis pas fatigué aujourd'hui.**

- *Так, Джейн! Как вы сегодня?*
- *Спасибо, прекрасно, теперь я здорова, Анна.*
- *Вы устали сегодня?*
- **К счастью, нет, я сегодня не устала [5].**

Наблюдения за устной мужской речью указанных выше возрастных категорий (от 18 до 65 лет) и сфер деятельности показали наиболее частое употребление мужчинами инвективов типа *zut, diable, parbleu, peste* и др.: *Zut! j'ai raté mon autobus – Черт, я опоздал на свой автобус; Vas Au Diable! – Иди к дьяволу!; Parbleu! tu as tout à fait raison. – Боже [Боже мой, Бог мой]! Ты совершенно прав; Peste! Comment les choses embarrassantes ont travaillé sur! – Чума! Как же неловко все получилось! В речи французских мужчин также зафиксировано частое употребление *allons* для выражения разных эмоций. Например, с утвердительным и побудительным значением: *Bon!, c'est bon!, allons!* – Ну, это хорошо! Вперед!; со значением удивления: *Allons donc!* – Ну и ну! и т.д. [5].*

Французский язык богат словами-обращениями, различными лексическими оборотами и выражениями, характеризующими гендерные стереотипы мужчин и женщин. Например, для выражения почтения и уважительного отношения к женщине используют обращения: *Madame* (мн.ч. *Mesdames*) – *Мадам*, употребляется по отношению к замужней, разведенной и вдовствующей женщине в значении «Моя госпожа», *Mademoiselle* (мн.ч. *Mesdemoiselles*) – *Мадемуазель*, употребляется по отношению к незамужней женщине, девушке в значении «Моя девица». Во французском языке есть также слова и выражения, употребляющиеся для положительной или нейтральной характеристики женщины: *ma femme* – благоверная, *une nana* – девушка, *une belle poupée* – куколка (в значении «красивая»), *une femme agreable* – приятная женщина, *une femme élégante* – изысканная (элегантная) женщина, *une femme gracieuse* – грациозная женщина и т.д. [4].

Отрицательный стереотип женщины, пренебрежительное отношение к ней выражается с помощью слов: *la chipie* – сварливая женщина, мегера, карга, баба, *le gendarme* – мужеподобная женщина, бой-баба, *la belle-de-nuit* – ночная бабочка, женщина легкого поведения, *la bavarde* – болтуня, сорока, *la chienne* – стерва и др.

Признаком хорошего тона и уважения являются обращения к мужчине: *Monsieur* (мн.ч. *Messieurs*) – *Месье, Мьсе*, употребляется в значении «Мой господин». Для положительной или нейтральной характеристики мужчины используются слова: *l'homme* – мужчина, человек, *l'oncle* – дядя, *l'ami* – парень, *le mari* – муж, *l'épouse* – супруг, *le beau* – красавец и др.

Во французском языке отрицательный стереотип мужчины (иногда и женщины) создается путем сравнения его с животными или некоторыми растениями:

le coq – петух,
le pingouin – пингвин,
le lapin – кролик,
le cornichon – корнишон.

Кроме подобных сравнений, для отрицательной характеристики мужчины используются слова:

le coureur de jupons – бабник,
le dominé par sa femme – подкаблучник,
le chauffe-la-couche – тюфяк,
la chiffé – мягкотелый, слабохарактерный,
la femmelette – слабак и др.

По результатам проведенного анализа можно констатировать факт, что во французском языке женщинам наиболее свойственно чрезмерно вежливое обращение, а в речи мужчин встречается больше оценочной лексики по отношению к женщинам. При этом в мужской речи наблюдается доминирование лексики, характеризующей внешность женщины. Оценочная лексика француженок, характеризующая мужчин, в основном касается его внутренних данных – характера, уровня интеллекта, хотя и не исключается оценка его физических данных.

Несмотря на асимметрии в использовании тех или иных слов и выражений в речи мужчин и женщин, в современном французском языке нет абсолютно мужских или абсолютно женских речевых маркеров. Некоторые речевые маркеры мужчин и женщин отличаются лишь по частотности употребления.

Результаты анализа нашли отражение в таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

Выражения гендерных признаков коммуникации во французском языковом сознании: лексический и грамматический уровни

Категория рода	Актуализация эмотивных маркеров	
	мужчины	женщины
<p>- доминирование мужского рода (маскулинности);</p> <p>- феминизация существительных: воспроизводство имен женского рода от существительных мужского рода: <i>amour – une amour nouvelle</i>. При переходе из мужского в женский род некоторые имена существительные получают негативную окраску: <i>courtisan</i> (придворный) – <i>courtisane</i> (куртизанка)</p> <p>- универсальность мужского рода, выполняющего функцию так называемого «общего» рода;</p> <p>- феминизация названий «мужских» профессий путем добавления <i>femme-</i>: <i>femme-juge</i> (женщина-судья), <i>femme-avocat</i> (женщина-адвокат) и др.</p>	<p>- наиболее частое использование в речи инвективной лексики типа <i>zut, diable, parbleu, peste</i> и др.;</p> <p>- употребление междометия <i>allons</i> для выражения разных эмоций (например, удивления: <i>Allons donc! – Ну и ну!</i>)</p>	<p>- использование различных экскламов с целью усиления какой-либо эмоции и акцентирования смысла высказывания;</p> <p>- употребление модальных наречий-интенсификаторов <i>si, encore, bien, pour que</i> и др.;</p> <p>- использование демонстративов-интенсификаторов <i>en, ce qui, c'est, cela</i> и др.</p> <p>- использование вводных слов и слов-указателей и выражений, ориентированных на эмоцию: <i>avec plaisir</i> (с удовольствием), <i>malheureusement</i> (к сожалению), <i>heureusement</i> (к счастью) и т.д.</p>

Таблица 2.

Реализация гендерных признаков эмотивно-оценочной лексики во французском языке

Мужские оценки (323)				Женские оценки (256)			
Мужчина (107)		Женщина (216)		Мужчина (137)		Женщина (119)	
«+»	«-»	«+»	«-»	«+»	«-»	«+»	«-»
31	(76)	(142)	(74)	(84)	(53)	(34)	(85)
<i>bon</i> (хороший) – 23	<i>insensé</i> (безумец, дурак) – 33	<i>belle</i> (красавица, красота) – 63	<i>bête</i> (дура, глупая) – 47	<i>beau</i> (красивый) – 54	<i>chiffe</i> (мягкотельный, слабохарактерный) – 39	<i>femme soignée</i> (ухаживаемая женщина) – 15	<i>folle</i> (сумасшедшая) – 18

Окончание табл. 2.

<i>vigoureux</i> (сильный, крепкий) – 10	<i>stupide</i> (глупый) – 24	<i>charmante</i> (очаровательная) – 42	<i>salope</i> (неряха) – 21	<i>d'esprit</i> (умный) – 32	<i>coureur de jupons</i> (бабник) – 27	<i>instruite</i> (образованная, умная) – 9	<i>stupide</i> (глупая, тупая) – 13
<i>beau</i> (отличный, прекрасный) – 15	<i>traître</i> (предатель) – 19	<i>ma femme</i> (благоверная) – 17	<i>chipie</i> (сварливая) – 18	<i>bon</i> (хороший, верный) – 26	<i>traître</i> (изменник, предатель) – 18	<i>bonne</i> (добрая, великодушная) – 8	<i>méchante</i> (злая) – 11
<i>honnête</i> (порядочный, честный) – 13	<i>menteur</i> (лжец) – 15	<i>élégante</i> (изысканная, элегантная) – 10	<i>gendarme</i> (мужеподобная женщина, бой-баба) – 13	<i>géné-reux</i> (добрый, щедрый, благородный) – 18	<i>egoïste</i> (эгоист) – 14	<i>belle</i> (красивая, красавица) – 5	<i>négligé</i> (неаккуратная, неряшливая) – 8
<i>humain</i> (добродушный, человечный) – 11	<i>grossier</i> (грубый, невежливый) – 11	<i>gracieuse</i> (грациозная, изящная) – 8	<i>bavarde</i> (болтуня, сорока) – 11	<i>hardi</i> (дерзкий, смелый, отважный) – 10	<i>cruel</i> (жестокый, бесщедный) – 6	<i>sincère</i> (искренняя, чистосердечная) – 3	<i>bavarde</i> (болтуня, сорока) – 5
<i>noble</i> (благородный, щедрый) – 8	<i>canaïlle</i> (мерзавец, негодяй) – 9	<i>aimable</i> (любезная) – 5	<i>belle-de-nuit</i> (ночная бабочка женщины легкого поведения) – 9	<i>fort</i> (сильный) – 10	<i>lâche</i> (трус, подлый) – 4	<i>honnête</i> (порядочная) – 2	<i>chienne</i> (стерва) – 3
<i>agüichant</i> (привлекательный) – 4	<i>émoussé</i> (тупой) – 6	<i>poupée</i> (куколка) – 3	<i>chienne</i> (стерва) – 6	<i>charmant</i> (прелестный, привлекательный) – 7	<i>dur</i> (черствый, жадный) – 2	<i>gentile</i> (милая) – 2	<i>scandalisée</i> (скандалистка) – 2

Таким образом, подробно проанализировав реализацию лексических и грамматических единиц как гендерных маркеров, используемых языковой личностью во французском языковом сознании, мы можем заключить, что категория рода во французском языке представляет собой явление детерминирующее, динамичное, что способствует возникновению гендерных асимметрий в языке.

При рассмотрении проблем гендера во французском языковом сознании релевантной явилась эмотивно-оценочная лексика носителей языка. Гендероприоритетными оказались слова и выражения, свойственные мужской и женской речи. В ходе их исследования

выявлено, что француженки используют в своей речи большее число эмотивных маркеров, что еще раз подтверждает сложившееся в науке мнение о большей эмоциональности женщин. Что касается оценочных характеристик, в речи французских мужчин их обнаружено больше (323), по сравнению с женской речью (256) [5].

Список литературы

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1998. 368 с.
2. Богомолова О.И. Современный французский язык: Теоретический курс. М.: Изд-во лит-ры на иностр-х яз., 1948. 427 с.
3. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 13.
4. Dictionnaire de la langue française / Emile Littré. Tome 3. Paris, 1992. 1314 p.
5. Собственные материалы полевых исследований (ПМА, 2014–2016 гг.).

References

1. Alpatov V.M. *Istorija lingvističeskijh učenij*. [History of Linguistic Teachings] M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 368 p.
2. Bogomolova O.I. *Sovremenny frantsuzskij yazyk: Teoretičeskij kurs* [Modern French: Theoretical Course]. M.: Izd-vo lit-ry na inostr-h jaz., 1948. 427 p.
3. Kamenskaya O.L. Gendergetika – nauka budushchego [Gender science – the science of the future]. *Gender kak intriga poznaniya: gendernye issledovanija v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikacii* [Gender as an intrigue of cognition: gender studies in linguistics, literature and communication theory]: Al'manah. Pilotnyj vypusk. M., 2002: 13.
4. Dictionnaire de la langue française / Emile Littré. V. 3. Paris, 1992. 1314 p.
5. *Sobstvennyye materialy polevyh issledovanij* [Own field research materials] (PMA, 2014–2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Черкесова Зарета Валериевна, кандидат филологических наук

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 365000, Российская Федерация

zara7belle@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Cherkesova Zareta Valerievna, Candidate of Philology

Institute of Humanitarian Studies (branch) Kabardino-Balkarian Science Centre of Russian Academy of Sciences

18, Pushkin Str., Nalchik, 365000, Russian Federation

zara7belle@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-236-246

УДК 812

**СТРУКТУРА СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ
БУГ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ***Нестерова Е.В.*

Цель. Статья посвящена малоизученной в эвеноведении теме словообразовательных гнезд. Предметом анализа выступают словообразовательные цепи с исходным словом буг. Автор ставит целью, раскрыть структуру словообразовательного гнезда с вершиной буг по горизонтальной оси.

Метод или методология проведения работы. Основным методом исследования служит описательный; использованы методы словообразовательного и семантического анализа.

Результаты. В статье установлен деривационный объем словообразовательного гнезда с вершиной буг в эвенском языке. Выявлены бинарные и полинарные словообразовательные цепи. Словообразовательное гнездо характеризуется значительным количеством полинарных цепей, большую часть из которых занимают пятикомпонентные. Наиболее высокой деривационной продуктивностью в гнезде отличается производное первой ступени словообразования буй.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть применены в исследованиях по синхронному словообразованию в тунгусо-маньчжурских языках.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; словообразовательная цепь; полинарные цепи; ступени словообразования; дериваты; суффиксы.

**STRUCTURE OF SYNTAGMATIC RELATIONS
IN THE FORMATIVE FAMILIES WITH THE BUG TOP
IN THE EVEN LANGUAGE***Nesterova E.V.*

Purpose. The article is devoted to the insufficiently studied subject of formative families in the Even language. The subject of the analysis

are word-formative chains with the original word *bug*. The author aims to reveal the structure of the formative families with the top of the *bug* on the horizontal axis.

Methodology. The main method of research is the descriptive one, along with the methods of word-formation and semantic analysis.

Results. The article establishes the derivational volume of the formative families with the *bug* top in the Even language. Both binary and polynary derivational chains are revealed. Formative families are characterized by a significant number of polynary chains, most of which being five-component ones. The derivative of the first stage of the *buy* lexeme formation is characterized by the highest derivative productivity in the formative family.

Practical implications. The results of the work can be used in studies of synchronous word formation of the Tungus-Manchurian languages.

Keywords: formative families; derivational chain; polynary chain; steps of word formation; derivatives; suffixes.

Эвенский язык, именовавшийся ранее в литературе также ламутским, относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурской семьи языков, которая и типологически, и материально (по ряду грамматических признаков и по составу лексики) может быть включена вместе с монгольскими, тюркскими, корейским и некоторыми другими языками в более обширную семью алтайских языков [4, с. 3].

Вопросам словообразования в эвенском языке посвящено много работ. Большое внимание в них уделяется способам словообразования частей речи эвенского языка [1; 3; 4; 5; 8; 13, 14], слов различных лексико-семантических групп [9], функционированию отдельных суффиксов [2] и др. Изучение словообразовательных отношений на уровне словообразовательных гнезд является новым направлением в эвенской лингвистике. Предлагаемая работа посвящена исследованию структуры словообразовательного гнезда с вершиной *bug* «1) местность; страна; земля; 2) мир; вселенная; 3) место; 4) родина; 5) природа; 6) поле, тайга» [10, с. 100].

Теоретической базой исследования послужили труды знаменитых российских и зарубежных ученых А.Н. Тихонова [11], И.А. Ширшова [15], Н.В. Пятаевой [6], В.Г. Фатхутдиновой [12], J. Bölte, P. Zwitserlood, B.M. Jansma, A. Zilverstand [16], R. Morin [17], M. Singson, D. Mahony, V. Mann [18], S.Z. Riehemann [19], Ju. Uriagereka [20] и др. В качестве материала использованы «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [10], «Эвенско-русский словарь» [7] и полевые материалы автора.

Придерживаясь определения А.Н. Тихонова, под словообразовательным гнездом, мы понимаем упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующуюся общностью корня [11, с. 36].

Структура словообразовательного гнезда определяется соотношением единиц двух планов – синтагматического и парадигматического. В синтагматическом плане словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепочек, а в парадигматическом плане – совокупность словообразовательных парадигм [Там же, с. 41].

В настоящей работе структуру словообразовательного гнезда с вершиной *буз* мы предлагаем рассмотреть через систему синтагматических связей. Для этого нам предстоит выявить и разобрать все словообразовательные цепи в гнезде с вершиной *буз*. Словообразовательная цепь – это ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности. Словообразовательная цепь может включать разное количество однокоренных слов и объединять слова разных частей речи. Исходное слово цепи (оно же и исходное слово гнезда) является непроизводным и выполняет функцию производящего [Там же].

Изучение последовательной производности слов от исходного *буз* выявило сорок словообразовательных цепей. По мнению И.А. Ширшова, по своей структуре словообразовательные цепи делятся на бинарные и полинарные [15, с. 178]. Бинарные цепи состоят из двух компонентов – исходного слова и одного производного. В состав полинарных цепочек входят три и более компонента. В на-

шем гнезде насчитывается всего пять бинарных цепей, состоящих из одного производящего и одного производного:

буг/а/лкан «имеющий родину»

буг/а/т/тай «1) жить в определенно месте; 2) иметь родину»

БУГ буг/и/лта «1. отдельный, 2.1) в сторону друг от друга; 2) отдельно».

буг/и/п/тай «отделиться (от коллектива)»

буй «1.1) дикое, глухое, нежилое место (лес, тайга, тундра);

2) поле, лес, пустыня; 3) местность, отдаленная от дома;

2.1) дикий (о местности), нежилой (лесной, таежный, тундровый); 2) отдаленный от дома; нежилой; 3. в стороне от жилья» [10, с. 100].

Здесь, на первой ступени деривации образованы два глагола, существительное, прилагательное и наречие. Все дериваты, как и другие производные в гнезде, образованы путем суффиксации, которая является основным способом словообразования в эвенском языке. Суффиксы в слове располагаются в строго определенном порядке: «Сначала, вслед за корнем, следуют суффиксы словообразовательные; за ними, в именах, могут идти показатели субъективной оценки или показатели особых форм логико-грамматических отношений; далее следуют показатели множественного числа, падежа и принадлежности. В глаголах, вслед за суффиксами словообразовательными, например в отыменных глаголах, или за суффиксами залога и вида, идут показатели времени или наклонения и лица. Наконец, составляя со словом одно фонетическое целое, могут присоединяться частицы. Таким образом, слово может включать в себя по несколько суффиксов разнообразного значения» [13, с. 10].

Преобладающим большинством в словообразовательном гнезде с вершиной *буг* обладают полинарные словообразовательные цепи, имеющие от трех и более компонентов. Меньшую часть полинарных цепей составляют трехкомпонентные. Их в гнезде всего пять:

буи/г «лесной, таежный, находящийся в тайге, в стороне от жилья».

буи/н «1.1) дикое, нежилое место (лес, тайга, тундра); 2) поле; 2.1) дикий (о местности), нежилой».

БУГ→БУЙ буи/н *междом.* «прочь!»

буй/гида «дикая, нежилая (лесная, таежная, тундровая) сторона»

бую/дэй «идти на охоту».

На данной (второй) ступени словообразования расположились существительное, прилагательное, глагол, наречие и междометие. Все дериваты образованы от производящего *буй*.

Следующей по восхождению является четырехкомпонентная словообразовательная цепь. В нашем гнезде таких цепей двенадцать. На второй ступени словообразования они имеют производное *буюдэй*:

бую/вкэн/дэй «отправить на охоту».

бую/вэн/дэй «изредка охотиться».

бую/грэ/дэй «охотиться».

бую/дек «сборы, приготовление к охоте».

бую/ден/дэй «нехотя охотиться»

бую/дь «1. отправившийся на охоту; 2. охотник; 3. охотничий».

бую/мэ/дэй «отправиться на охоту».

бую/н «1. дикий олень; 2. дикий».

бую/нэ/дэй «отправиться на охоту».

БУГ→БУЙ→БУЮДЭЙ бую/с/тэй «охотиться, промыслять, добывать, ловить зверя»».

бую/счи/дэй «пытаться охотиться»

бую/сэк «1) охота, промысел; 2) место охоты».

Таким образом, третья ступень деривации представлена глагольным блоком, состоящим из одной залоговой и семи видовых форм, а также четырьмя отглагольными существительными.

подавляющее большинство словообразовательных цепей составляют пятикомпонентные, которых в гнезде семнадцать. Из них одиннадцать имеют в третьей ступени производное *буюстэй*:

бую/с/кич «место охоты, промысла».

бую/с/нэс/тэй «сходить, съездить охотиться».

бую/с/си «1. охотник, зверолов; 2. охотничий, звероловный».

БУГ→БУЙ→БУЮДЭЙ→БУЮСТЭЙ бую/с/э/лдывун «1. охотничье, промысловое орудие, охотничий промысловый инвентарь; 2. охотничий, промысловый».

бую/с/э/л/дэй «начать охотиться».

бую/с/э/лэн «хороший, удачливый охотник».

бую/с/э/мдэ «охотничий, промысловый».

бую/с/э/мкин «дорога к месту охоты, промысла».

бую/с/э/мңэ «1. охотник, зверолов; 2. охотничий, звероловный».

бую/с/э/н «1. охота, промысел, добыча, ловля; 2. охотничий, промысловый».

бую/с/э/нмэй «1. охота, промысел, добыча, ловля; 2. охотничий, промысловый».

На данной ступени словообразования, большую часть дериватов составляют имена: семь существительных, два прилагательных и только две видовые формы глагола.

Вторая ветвь пятикомпонентных цепей, имеющая в третьей ступени существительное *буюн*, имеет три деривата, из которых два существительных и один глагол:

бую/ми/дэй «охотиться (на дикого оленя)».

БУГ→БУЙ→БУЮДЭЙ→БУЮН бую/нэ/н «олень-полукровка (помесь домашнего и дикого оленя)».

бую/рэ «дикий олень».

У остальных пятикомпонентных цепей совпадают первые три компонента:

Буг→буй→бую/дэй→бую/нэ/дэй→бую/с/нэ/дэй «пойти охотиться».

Буг→буй→бую/дэй→бую/счи/дэй→бую/счи/л/дэй «охотиться, промыслять, добывать, ловить зверя».

Буг→буй→бую/дэй→бую/дек→бую/сэ/дек «1) охота, промысел; 2) место охоты».

Единственная в гнезде словообразовательная цепь является шестикомпонентной:

Буг→буй→бую/дэй→бую/нэ/дэй→бую/с/нэ/дэй→бую/с/нэ/л/дэй.

Таким образом деривационный объем словообразовательного гнезда с вершиной *буг* в эвенском языке составляет сорок производных. Наибольшую часть дериватов представляет именной блок: существительные (шестнадцать), прилагательные (четыре); глагольный блок состоит из инфинитива (один), видовых форм (пятнадцать), залоговых форм (один); меньшее количество мотивированных слов составляют наречия (два), междометие (один). Основным деривационным ядром в словообразовательном гнезде с вершиной *буг* является производное первой ступени – имя существительное *буй*.

В синтангматическом плане словообразовательное гнездо с вершиной *буг* состоит из сорока словообразовательных цепей, причем большая часть цепей являются полинарными (тридцать пять), состоящими от трех до шести компонентов. Пятикомпонентные словообразовательные цепи по количеству преобладают над остальными (семнадцать).

Исследование ступеней деривации выявило следующее: производные первых двух ступеней словообразования разнородны по частеречной принадлежности, на третьей ступени большую часть производных составляют видовые формы глагола, большинство производных четвертой ступени относятся к именным частям речи: существительные и прилагательные, в пятой ступени всего лишь одно производное, которое представляет видовую форму глагола.

Список литературы

1. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука. 1996. 207 с.
2. Кузьмина Р.П. Функционирование суффикса *-кан* в эвенском языке. Альманах современной науки и образования. 2013. № 6 (73). С. 93–94.
3. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.

4. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980. 162 с.
5. Попова М.Д. Словообразование прилагательных в эвенском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7 (73). С. 166–168.
6. Пятаева Н.В. Еще раз о словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №3. С. 13–17.
7. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
8. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 204 с.
9. Саввинова С.Н. Словообразование заимствованной лексики в эвенском языке // Общественные науки. 2017. № 2–2. С. 375–378.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Л.: Наука. 1975. 672 с.
11. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т.1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
12. Фатхутдинова В.Г. Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 148, кн. 3. 2006. С. 154–160.
13. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1947. 270 с.
14. Шарина С.И. Отыменное глагольное словообразование в нижнеколымском говоре эвенского языка // The Scientific Heritage. 2017. Т. 2. № 9 (9). С. 123–125.
15. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
16. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event-related potentials // Mental Lexicon, Т. 4. no 3 (2009): 336–353.

17. Morin R. Derivational Morphological Analysis as a Strategy for Vocabulary Acquisition in Spanish // *The Modern Language Journal*, T. 87. No 2 (2003): 200–221.
18. Singson M., Mahony D., Mann V. The Relation between Reading Ability and Morphological Skills: Evidence from Derivational Suffixes // *Reading and Writing*, T. 12. No 3-4 (2000): 219–252.
19. Riehemann S.Z. Type-based Derivational Morphology // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*, T. 2. No 1 (1998): 49–77.
20. Uriagereka Ju. Cutting Derivational Options // *Natural Language & Linguistic Theory*, T. 19. No 4 (2001): 891–900.

References

1. Dutkin H.I. *Allaihovskij govor jevenov Jakutii* [Allaihivsky Dialect of the Yakutia Evens]. SPb.: Nauka, 1996. 207 p.
2. Kuz'mina R.P. Funkcionirovanie suffiksa –kan v jevenskom jazyke [The Functioning of the Suffix -kan in the Even Language]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2013. No. 6 (73): 93–94.
3. Lebedev V.D. *Jazyk jevenov Jakutii* [The Language of the Yakutia Evens]. L.: Nauka, 1978. 208 p.
4. Novikova K.A. *Očerki dialektov jevenskogo jazyka. Ol'skij govor* [Essays on the Dialects of the Even Language. The Olsk Language]. L.: Nauka, 1980. 162 p.
5. Popova M.D. Slovoobrazovanie prilagatel'nyh v jevenskom jazyke [Word Formation of Adjectives in Even Language]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. no 7–3 (73): 166–168.
6. Pjataeva N.V. Eshče raz o slovoobrazovatel'nom gnezde [Once Again about the Word Family]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki*. 2016. No 3: 13–17.
7. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [The Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
8. Robbek V.A. *Jazyk jevenov Berezovki* [The Language of the Evens of Berezovka]. L: Nauka, 1989. 204 p.
9. Savvinova S.N. Slovoobrazovanie zaimstvovannoj leksiki v jevenskom jazyke [Word Formation of the Borrowed Vocabulary in the Even Language.]. *Obshhestvennye nauki*. 2017. No 2-2: 375–378.

10. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov. Materialy k jetimologicheskomu slovarju* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages. Materials for the Etymological Dictionary]. V. I. L.: Nauka, 1975. 672 p.
11. Tihonov A.N. Osnovnye ponjatija russkogo slovoobrazovanija [Basic Concepts of the Russian Word Formation]. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka*: v 2 t. T. 1. M.: Rus. jaz, 1985. 856 p.
12. Fathutdinova V.G. Posledovatel'naja proizvodnost' kak universal'noe svojstvo slovoobrazovatel'nyh sistem russkogo i tatarskogo jazykov [Consistent Production as a Universal Property of Word Formation Systems of the Russian and Tatar Languages]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. V. 148, Book 3. 2006: 154–160.
13. Cincius V.I. *Očerki grammatiki jevenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija* [Essay on the Grammar of the Even (Lamut) Language. Phonetics and Morphology]. L.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshčeniya RSFSR. Leningradskoe otdelenie, 1947. 270 p.
14. Sharina S.I. Otymennoe glagol'noe slovoobrazovanie v nizhnekolymskom govore jevenskogo jazyka [The Verbal Word Formation in the Lower Kolyma Dialect of the Even Language]. *The Scientific Heritage*. 2017. Vol. 2. No 9 (9): 123–125.
15. Shirshov I.A. *Teoreticheskie problemy gnezdovanija* [Theoretical Issues of Word Nesting]. M.: Prometej, 1999. 236 p.
16. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational Morphology Approached with Event-related Potentials. *Mental Lexicon*, v. 4. No 3 (2009): 336–353.
17. Morin R. Derivational Morphological Analysis as a Strategy for Vocabulary Acquisition in Spanish. *The Modern Language Journal*, v. 87. No 2 (2003): 200–221.
18. Singson M., Mahony D., Mann V. The Relation between Reading Ability and Morphological Skills: Evidence from Derivational Suffixes. *Reading and Writing*, v. 12. No 3–4 (2000): 219–252.
19. Riehemann S.Z. Type-based Derivational Morphology. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*, v. 2. No 1 (1998): 49–77.

20. Uriagereka Ju. Cutting derivational options. *Natural Language & Linguistic Theory*, v. 19. No 4 (2001): 891–900.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник сектора северной филологии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677007, Российская Федерация

elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Elena Vasilievna, Researcher of the Sector of Northern Philology

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS

1, Petrovsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015, Russian Federation

elenanesterova-2010@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5130-706X

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-247-254

УДК 812

СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «ГУРГЭ»

Саввинова С.Н.

Цель. Статья посвящена актуальной теме словообразования в исследовании эвенского языка. Предметом анализа выступают словообразовательные гнезда. Автор ставит целью раскрыть структуру словообразовательного гнезда с вершиной «гургэ» и словообразовательные возможности частей речи в эвенском языке.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует метод описательно-типологический, который позволил системно охарактеризовать материал. Структура и формальные связи внутри словообразовательного гнезда исследованы при помощи перспективного словообразовательного анализа. В статье также применен статистический анализ.

Результаты. Результаты работы заключаются в определении структуры словообразовательного гнезда с вершиной гургэ «работа» представляет собой совокупность словообразовательных парадигм, рассматриваемых как комплекс производных, имеющих одну и ту же основу и находящихся на одной ступени деривации.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при составлении словообразовательного словаря эвенского языка, также могут быть использованы при составлении спецкурсов для студентов по лексикологии и словообразованию.

Ключевые слова: словообразование; словообразовательное гнездо; дериват; парадигма; словообразовательная цепь; эвенский язык.

STRUCTURE OF THE WORD-BUILDING NEST WITH THE TOP “GURGE”

Savvinova S.N.

Purpose. The article is devoted to the topical issue of word formation in the study of the Even language. The subject of analysis is

the word-building nests. The author aims to reveal the structure of the word-building nest with the top “gurge” and the word-formative capabilities of parts of speech in the Even language.

Methodology. *The basis of the study is the descriptive-typological method, which contributed to the system description of the material under study. The structure and formal connections within the word-building nest are investigated using the perspective word-formation analysis. The article also uses the statistical analysis.*

Results. *The results of the work consist in the fact that the word-building nest with the top gurge (“work”) has been defined as a set of word-formation paradigms, which are considered as a set of derivatives having the same basis and being on the same stage of derivation.*

Practical implications. *The results of the research can be applied to the compilation of the derivational dictionary of the Even language also as well as to compile special courses for students in lexicology and word formation.*

Keywords: *word formation; word-building nest; derivative; paradigm; word-forming chain; Even language.*

Словообразование является одним из важнейших источников как пополнения словарного запаса языка, так и образования новых слов. В настоящее время словообразование – весьма актуальная тема в исследовании языков в целом и языков малочисленных народов Севера, в частности.

Значительное место вопросам словообразования отведено в работах тунгусоведов В.И. Цинциус, К.А. Новиковой, В.А. Роббека, В.Д. Лебедева, А.А. Бурыкина, Б.В. Болдырева, А.Н. Мыреевой и др. В виде научных статей разработаны словообразовательные проблемы Р.П. Кузьминой, Г.В. Роббеком, Е.В. Нестеровой, И.И. Садовниковой, но специальных работ, посвященных словообразованию в эвенском языке, нет, что определяет новизну выбранной темы. Актуальность данной темы определяется отсутствием словообразовательного словаря эвенского языка.

Словообразование эвенского языка определяется его агглютинативным характером, при котором слово образуется способом аффиксации.

В нашей статье будет рассмотрено словообразовательное гнездо с вершиной *гургэ* по материалам «Эвенско-русского словаря» [8]. Семантическое значение аффиксов определялось по этому словарю, а также по труду В.И. Цинциус «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» [11], в котором зафиксированы принципы словообразования и словоизменения и алфавитный перечень всех рассмотренных суффиксов и частиц.

Словообразовательное гнездо с вершиной *гургэ* 1. работа, труд, дело, занятие; 2. рабочий, трудовой имеет 14 производных слов как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. Первая парадигма с исходным словом *гургэ* 1. работа, труд, дело, занятие; 2. рабочий, трудовой имеет один дериват:

Гургэ – Гургэ/вчи/дэй работать, трудиться

Производное слово в данной парадигме представлено одним глаголом *гургэвчидэй*, которое образовано аффиксальным способом словообразования: гургэ–вчи–дэй.

Вторая парадигма представлена вершиной *Гургэ/вчи/дэйработать, трудиться* 13 дериватами:

Гургэ/вчи/б/дэй обрабатываться, отделяться

Гургэ/вчи/в/дэй выработываться, выделяться

Гургэ/вчи/дек 1) работа, занятие, деятельность; 2) рабочее место

Гургэ/вчи/л/дывун орудие труда

Гургэ/вчи/л/дэй приняться за работу, взяться за дело

Гургэ/вчи/мнэ рабочий, работник

Гургэ/вчи/н, гургэвчинмэй работа, занятие, деятельность

Гургэ/вчи/нэ/дэй идти на работу, службу

Гургэ/вчи/ри 1. Работающий, служащий; 2.1) работа, занятие, дело; 2) работник,

Гургэ/вчи/вэт/тэй работать, трудиться

Гургэ/вчи/вкэн/дэй заставить работать, засадить за работу

Гургэ/вчи/вкэт/тэй заставлять работать, усаживать за работу

В данной парадигме производные слова выражены 4 именами существительными и 7 глаголами. Глагольный блок составляют 7

глагольных форм – 4 залоговых и 3 видовых. Например: залоговые формы:

Гургэ/вчи/б/дэй обрабатываться, отделяваться гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола + б (суффикс средне-возвратного залога) + дэй.

Форму глагола со значением возвратности именуют по-разному. В «Очерке грамматики ламутского языка» В.И. Цинциус называет «формой средне-возвратного залога» [11, с. 176]. В.А. Роббек пишет, что данная категория образуется при помощи различных формантов, которые «зависимы от лекиско-грамматических групп глаголов и придают глагольной основе дополнительные семантические значения» [7, с. 267], и далее «другие же форманты меняют лексическое значение основы глагола. Поэтому правы исследователи, которые относят их к сфере словообразования (точнее основообразования), подчеркивая отличие от словоизменительного характера суффикса страдательного залога» [Там же, с.268].

Гургэ/вчи/в/дэй вырабатываться, выделяться гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола + в (суффикс глагола страдательного залога) + дэй.

Гургэ/вчи/вкэн/дэй заставить работать, засадить за работу гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола + вкэн (суффикс глагола побудительного залога) + дэй.

Гургэ/вчи/вкэт/тэй заставлять работать, усаживать за работу гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола) + вкэт (суффикс глагола побудительного залога) + тэй.

И видовые формы. «Видом эвенского глагола мы называем такую категорию, которая выражается путем преимущественно суффиксального усложнения первичной глагольной основы, вследствие чего новая основа приобретает дополнительные оттенки значения, связанные с представлением о характере протекания действия» [7, с. 357]. Например:

Гургэ/вчи/л/дэй приняться за работу, взяться за делогургэ+вчи (суффикс отыменного глагола) + л (суффикс глагола начинательного вида) + дэй.

Гургэ/вчи/нэ/дэй идти на работу, службу гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола) + нэ (суффикс глагола вида отправления) + дэй.

Гургэ/вчи/вэт/тэй работать, трудиться гургэ+вчи (суффикс отыменного глагола) + вэт (суффикс глагола обычного вида) +тэй.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что видовые формы эвенского глагола тоже участвуют в словообразовании.

Именная часть состоит из 5 производных:

Гургэ/вчи/дек – имя места или процесса: 1) работа, занятие, деятельность; 2) рабочее место

Гургэ/вчи/лдывун – имя орудия: орудие труда

Гургэ/вчи/мнгэ – название лица, со значением рода занятия: рабочий, работник

Гургэ/вчи/н – имя определенного действия: работа, занятие, деятельность

Гургэ/вчи/ри суффикс причастия настоящего времени: 1. Работающий, служащий; 2.1) работа, занятие, дело; 2) работник, работница.

Также надо отметить, что в анализируемом словообразовательном гнезде с вершиной *гургэ* 1) Работа, труд, дело, занятие; 2) Рабочий, трудовой в синтагматическом плане можно выделить 13 словообразовательных цепей. Известно, что словообразовательные цепи делятся на бинарные (исходное слово и одно производное слово) и полинарные (могут быть до несколько дериватов). Словообразовательные цепи в количественном плане состоят из 15 полинарных цепей и одной бинарной, которая равна словообразовательной паре: *гургэ–гургэвчидэй*.

Таким образом, словообразовательное гнездо с вершиной *гургэ работа* представляет собой совокупность словообразовательных парадигм, которые рассматриваются как совокупность производных, имеющих одну и ту же основу и находящихся на одной ступени деривации. Анализируемое гнездо имеет две парадигмы, которые находятся на первой ступени деривации.

На синтагматическом уровне данное гнездо с вершиной *гургэ* является совокупностью словообразовательных цепей.

Список литературы

1. Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.

2. Кузьмина Р.П. Особенности словообразования эвенского языка (на материале ламунхинского говора эвенского языка) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011, №8. С. 139–143.
3. Кузьмина Р.П. Диалектное словообразование в эвенских говорах // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 13–14 сентября 2013 г. С. 68–70.
4. Нестерова Е.В. Образные слова эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2010. 111 с.
5. Роббек В.А. О некоторых закономерностях сочетания суффиксов в одной глагольной основе эвенского языка // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 42–52.
6. Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982. 113 с.
7. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
8. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
9. Садовникова И.И. Лексико-семантическое словообразование как способ обогащения эвенского языка // Актуальные вопросы современного языкознания // Новосибирск, 2012. С. 120–136.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. 887 с.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч.1. Л.: Учпедгиз, 1947. 269 с.
12. Wellmann H. Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Düsseldorf, 1975. 500 p.
13. Dokulil M. Tvorenislov v cestine. T. 1. Praha: CSAV, 1962. 263 p.
14. Arnold I.V. The English Word. M.: BILL, 1986. 296 p.
15. Bloomfield L. Language. New York: Holt, 1979. 564 p.

References

1. Boldyrev B.V. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The Word Formation of Nouns in the Tungus-Manchu Languages in Comparative-Historical Aspect]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 208 p.
2. Kuz'mina R.P. Osobennosti slovoobrazovaniya evenskogo yazyka (na materiale lamunkhinskogo govora evenskogo yazyka) [Peculiarities of the Derivation of the Even Language (on the Basis of the Laminkhin Dialect of the Even Language)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2011, №8: 139–143.
3. Kuz'mina R.P. Dialektnoe slovoobrazovanie v evenskikh govorakh [Dialectical Word Formation in Even Dialects]. *Materialy XIII mezhdunarodnoy konferentsii "Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii"* [Materials of the XIII International Conference "Actual Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia"]. Ufa, 13-14 sentyabrya 2013 g.: 68–70.
4. Nesterova E.V. *Obraznye slova evenskogo yazyka* [The Idiomatic Words of the Even Language]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 111 p.
5. Robbek V.A. O nekotorykh zakonomernostyakh sochetaniya suffiksov v odnoy glagol'noy osnove evenskogo yazyka [On Certain Regularities of Combination of Suffixes in a Verbal Stem of the Even Language]. *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa*. Yakutsk, 1980: 42–52.
6. Robbek V.A. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Types of the Verb in the Even Language]. L.: Nauka, 1982. 113 p.
7. Robbek V.A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical Categories of the Even Verb in the Functional-Semantic Aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 726 p.
8. Robbek V.A., Robbek M.E. *Evensko-russkiy slovar'* [The Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
9. Sadovnikova I.I. Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie kak sposob obogashcheniya evenskogo yazyka [Lexico-Semantic Word Formation as a Way of Enriching the Even language]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznaniiya*. Novosibirsk 2012: 120–136.

10. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t* [The Word Formation Dictionary of the Russian language: 2 Volumes]. M.: Russkiy yazyk, 1985. T. 1. 856 p. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t*. M.: Russkiy yazyk, 1985. T. 2. 887 p.
11. Tsintsius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the Grammar of the Even (Lamut) Language]. Ch.1. L.: Uchpedgiz, 1947. 269 p.
12. Wellmann H. *Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv*. Schwann, Düsseldorf, 1975. 500 p.
13. Dokulil M. *Tvoreni slov v cestine*. T. 1. Praha, 1962. 263 p.
14. Arnold I.V. *The English Word*. M.: BILL, 1986. 296 p.
15. Bloomfield L. *Language*. New York: Holt, 1965. 564 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Саввинова Степанида Николаевна, научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Savvinova Stepanida Nikolaevna, PhD in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9026-1196

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-255-270

УДК 81'366.512.141

МОДАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Гильфанова Ф.Х., Гильфанов Р.Т.

Цель исследования – выявление модального признака форм изъявительного наклонения в разноструктурных языках на примере немецкого и татарского языков и установление того, насколько схожи и различны эти признаки для наиболее четкого толкования данной категории как грамматического явления. Для этого была проведена систематизация лексико-грамматических средств выражения модальных значений в немецком и татарском языках, а также их комплексный сопоставительный анализ. **Актуальность** исследования заключается в том, что категория модальности недостаточно исследована в теоретическом плане в обоих языках, не до конца выявлен семантический потенциал косвенных наклонений, не в полной мере изучено взаимодействие наклонений с другими средствами выражения модальности, не установлены иерархические связи между ними. В исследовании применяется **метод** типологического анализа как структуры, так и семантики модальных средств генетически и типологически неродственных языков, описательный метод языкового материала, базирующийся на изучении и обобщении основных достижений современной лингвистики. **В результате исследования** установлено, что основным модальным признаком изъявительного наклонения является выражение реального действия, но в плане межпарадигматических оппозиций по общему признаку реальности и нереальности действия данное наклонение соотносится с системой косвенных наклонений по принципу «часть - целое». В рассматриваемых языках выявляются существенные различия в системе грамматических средств выражения модальных значений, в количестве наклонений в немец-

ком и татарском языках. Также предпринимается попытка установления иерархических связей между ними. Как в татарском, так и в немецком языкознании считается, что косвенные наклонения являются особыми временами или формами будущего времени изъявительного наклонения.

Ключевые слова: модальный признак; изъявительное наклонение; лексико-грамматические значения; разноструктурные языки; сравнительно-сопоставительные исследования.

MODAL FEATURE OF FORMS OF THE INDICATIVE MOOD IN THE GERMAN AND TATAR LANGUAGES

Gilfanova F.H., Gilfanov R.T.

*The purpose of the study is to identify the modal characteristics of the indicative mood grammatical forms of languages of different types and to determine to what extent these features are similar and different for the purposes of most accurate interpretation of this category as a grammatical phenomenon. To achieve the above-mentioned goal, the systematization of lexical and grammatical means of modality meanings expression and their comprehensive comparative analysis in the German and Tatar languages was carried out. The topicality of the study lies in the fact that the category of modality has been insufficiently studied theoretically in both languages, the semantic potential of indirect tendencies is yet to be fully revealed along with studying the interaction of tendencies with other means of expressing modality is not fully studied and hierarchical connections between them. The study uses the **method** of typological analysis of both the structure and semantics of modal means of genetically and typologically unrelated languages, as well as the descriptive method of linguistic material based on the study and generalization of the main achievements of modern linguistics. It is identified that the main modal characteristic of the indicative mood is the expression of real action, but this mood is related to the system of indirect tendencies as a part to a whole in respect of interparadigmatic oppositions on a common basis*

of real/unreal action. Significant differences in the system of grammatical means of modal meanings expressing, the number of moods in the German and Tatar languages are identified, as well as attempts to establish hierarchical relationships between them are made. It is believed that indirect mood is the specific form of the future tense of the indicative mood in the Tatar and German linguistics.

Keywords: *modal feature; indicative mood; lexical and grammatical means; different types of languages; comprehensive comparative analysis.*

Еще в начале XIX века немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт отметил, что язык, как и вся деятельность человека, пронизан чувствами, эмоциями, которые человек всегда выражает с помощью языковых средств [5, с. 15]. Кроме того, говорящий, как правило, дополняет свое высказывание субъективными элементами, т.е. он не только сообщает об определенном положении вещей, но и комментирует его, выражая при этом свое отношение, а также достигает ту коммуникативную цель, которую он ставит.

Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности [4, с. 53]. Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы категории модальности, фундаментальной языковой категории, которая привлекает внимание широкого круга ученых и является одной из самых сложных, наиболее спорных и дискуссионных как в немецком, так и в татарском языке.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе сравнительно-сопоставительного анализа лексико-грамматических средств выражения модальных значений в немецком и татарском языках установить универсальные закономерности на различных языковых уровнях, выявить схождения и расхождения в выражении одних и тех же значений. Поставленная цель реализуется с помо-

щью выполнения следующих задач: систематизации лексико-грамматических средств выражения модальных значений в татарском и немецком языках, проведения комплексного сопоставительного анализа их лексико-грамматических средств выражения модальных значений, установления типологически общих и различающих явлений в системе средств выражения модальных значений, определения межъязыковых эквивалентов и компенсаторных механизмов в сферах различия, представления всего комплекса средств выражения модальности, охватывающей систему форм глагольного наклонения и модальные слова в рассматриваемых языках.

Для исследования каждая наука, исходя из собственных задач и потребностей, членит текст, выделяет соответствующие им единицы, категории и закономерности [7, с. 8]. Для нас же единицей сравнительно-сопоставительного анализа является предложение, играющее важную роль в процессе общения и обмена мыслями между людьми и выражающее законченный акт мысли. А по выражению В.Г. Адмони, «всякое сообщение, всякий акт мысли обязательно предполагает активное, динамическое соединение, связывание двух компонентов: - того, о чем сообщается в высказывании и чем определяется первый член мысли» [2, с. 39]. Задачей сообщения и акта мысли, по В.Г. Адмони, является связать эти два компонента живой и активной связью, которая находит свое выражение в предложении. Такое активное, динамическое утверждение связи двух компонентов, происходящее в момент построения предложения или его воспроизведения и являющееся обязательным условием всякого предложения, ученый называет «содержанием предикативности». *Предикативность* рассматривается лингвистами как «обязательная для предложения синтаксическая категория, которая определяется отношением содержания предложения к действительности и представляет собой единство трех синтаксических категорий – времени, модальности и лица» [6, с. 15], которые в своей совокупности, в тесном единении и взаимодействии друг с другом и формируют данную категорию – основное свойство предложения, воплощающее в себе относительно законченную мысль. То, что сообщается,

может мыслиться говорящим как реальное, имеющееся в настоящем и имевшееся в прошлом, обычно принимает одно из значений категории модальности, которая выражает различные отношения между говорящим, слушающим и сообщаемым высказыванием. Одним из таких отношений является цель высказывания, в соответствии с которой предложения обычно подразделяются на побудительные, предположительные, желательные (оптативные) и др. Следовательно, модальность – это категория уровня предложения, один из его основных признаков, который имеет свои собственные формальные средства выражения. В отличие от слова, предложение является единицей коммуникативно-предикативной, в нем не только что-то называется с помощью составляющих его слов, но также определяется отношение названной субстанции к окружающей действительности; таким образом, устанавливается, как оно (это отношение) представляется говорящему или как говорящий хочет его представить, то есть в виде соответствующей суммы отнесений.

Фактологическим материалом для исследования послужил материал, собранный автором из одноязычных и двуязычных словарей, периодических научных изданий, а также собственная языковая компетенция и опыт практической работы автора переводчиком немецкого языка. Отмечая тот факт, что перевод может отличаться от оригинала, и что практически невозможно достичь полного соответствия текста на разных его языковых уровнях, методом разумной выборки в качестве примеров нами были отобраны только те предложения, в которых форма выступает в требуемом категориальном значении.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей. Как известно из истории языкознания, исследование категории модальности имеет давнюю традицию, так как она является одним из самых сложных и противоречивых понятий, имеющих множество различных толкований. Этому вопросу посвящены работы В.В. Бондарко, Г.О. Виноградова, Е.М. Винокура, О.С. Галкиной-Федорук,

Е.А. Ахмановой, Г.А. Крашенинниковой, В.А. Золотовой, Д.Н. Звезгинцева, Н.В. Шмелева, В.Г. Давыдовой, Е.В. Адмони, Е.И. Гулыги, Н.А. Шендельс, Е.Н. Золотубовой, Е.Е. Кисловской, Н.Е. Петрова, Е.Б. Деминой, Л.П. Михневича, Ф.А. Агаевой, Е.А. Дидковской, М.Я. Блоха и др., в которых данное понятие трактуется по-разному. В тюркологии разные аспекты модальности освещены в исследованиях Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Д.Г. Тумашевой, Ф.М. Хисамовой, Ф.Ю. Юсупова, М.З. Закиева, Н.З. Гаджиевой, Ф.А. Ангели, Р.Г. Сибатагова, М.В. Зайнуллина, Г.Г. Саитбатталова, М. Ю. Ибрагимовой и др.

В исследовании применяется метод типологического анализа как структуры, так и семантики модальных средств генетически и типологически неродственных языков, описательный метод языкового материала, базирующийся на изучении и обобщении основных достижений современной лингвистики. Научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые подвергаются сопоставительному изучению лексико-грамматические средства выражения модальных значений в немецком и татарском языках, двух разносистемных, типологически и генетически неродственных языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно углубляет представления об особенностях структуры и семантики модальных глагольных систем немецкого и татарского языков, выявляет основные тенденции развития на сопоставительно-типологической основе. Практическая значимость состоит в том, что разработка сопоставительного изучения модальности в татарском и немецком языках открывает возможность использования методики преподавания немецкого языка в национальной аудитории в вузе и школе. Использование на занятиях по иностранному языку фактов родного языка активизирует мыслительную деятельность студентов и школьников, побуждает их к самостоятельным наблюдениям и интересным выводам

Одной из наиболее распространенных и широко употребляемых форм системы наклонений в силу своего значения в обоих языках является форма *изъявительного наклонения*. Изъявитель-

ное наклонение татарского глагола отличается от немецкого индикатива составом временных форм: в татарском их – девять, а в немецком – пять. В результате недооценки категории модальности как грамматического содержания форм наклонения исследование изъявительного наклонения в современном татарском языке проведено преимущественно в видо-временном плане. Основным содержанием изъявительного наклонения считалось выражение действия, не осложненного никакими модальными и аспектуальными оттенками. Формы изъявительного наклонения в обоих сопоставляемых языках представляют особый интерес именно в силу своей модальной насыщенности, богатству модальных оттенков, выражаемых зачастую самой грамматической формой глагола, что является спецификой этих языков, отличающей их в этом отношении от других западноевропейских языков. Известно, что соотнесение высказывания с реальной действительностью может осуществляться в обоих языках в плане всех трех времен, отсюда и «наличие дифференцированных форм времени в системе индикатива – выразителя достоверной модальности» [1, с. 35].

Модальная сущность форм изъявительного наклонения, т.е. модальность действительности, может подвергаться в языке воздействию различных индикаторов, которые могут усиливать характер достоверности, а иногда в корне менять ее, переключая модальность достоверности на модальность ирреальную (сомнение, предположение и т.п.). Наиболее спорным представляется вопрос о статусе в сопоставляемых языках будущего времени. Действия, относящиеся к будущему времени, в отличие от действий в настоящем и прошедшем временах являются не осуществленными, значит вряд ли их можно считать реальными, действительными. Во всех вышеуказанных случаях для реализации того или иного модального значения требуются специальные речевые условия, которые носят в принципе, в какой-то степени общий характер для татарского и немецкого языков. Однако в татарском языке имеется одна особенность форм изъявительного наклонения, которая резко отличает его от немецкого, образуя специфику форм индикатива татарского

языка. В немецком языке, например, «все словоформы индикатива и императива однородны в отношении модальности в том смысле, что между разными временными формами внутри каждого наклонения модальных различий нет, и этим они отличаются от конъюнктива, каждая временная форма которого должна быть рассмотрена отдельно [9, с. 319]. В татарском же языке словоформы индикатива носят различный характер и поэтому нуждаются в дифференциальном анализе.

Признак «действительность» может рассматриваться в более узком и более широком смысле, если рассматривать его как отражаемое в языковых значениях представление говорящего о существующем в действительности факте, событии. В более узком смысле речь идет о ядре, т.е. центре реальности, где сосредоточены и наиболее четко представлены специфические признаки данного значения, тогда как в более широком смысле – о более обширной содержательной сфере, включающей не только центр, но и периферию – ту область, где признаки реальности выступают не столь явно и могут сочетаться с некоторыми элементами ирреальности, нужно отметить, что между реальностью и ирреальностью в их качественной определенности существуют переходы одной в другую. Под реальностью в узком смысле называют еще актуальность, т.е. мы имеем в виду устанавливаемое говорящим представление о таком существовании факта в действительности, в котором нет элементов, указывающих на ирреальность, т.е. потенциальность, а также недостоверность и т.п. В обоих сопоставляемых языках таким ядром является ситуация настоящего актуального времени с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретным присутствием (референцией) всех участников ситуации: Настоящее актуальное – «высшая степень» реальности – действительность, переживаемая, наблюдаемая, конкретная и очевидная.

Формы изъявительного наклонения специальных грамматических показателей не имеют. Как в татарском, так и в немецком языке эти формы обозначают объективное реальное действие, происходящее в настоящем времени, происходившее в прошлом или которое

может произойти в будущем, в результате чего это наклонение получает свое грамматическое выражение в соответствующих формах времени и лица, что является отличительной особенностью изъявительного наклонения, только ему присущи времена. Тогда как все остальные неиндикативные наклонения не противопоставляют формы настоящего / прошедшего / будущего. В немецком же языке сослагательное наклонение (конъюнктив) имеет, также как и изъявительное наклонение, шесть временных форм. Хотя модальность действительности или реальности по своему содержанию сходна в обоих языках, тем не менее, способы ее выражения зависят от системы видовременных форм, которые, как известно, имеют значительные несовпадения в сопоставляемых языках. Так, например, в татарском языке модальное значение действительности, относящееся к настоящему времени, выражается формой настоящего времени (хэзерге заман), в немецком же языке она может быть выражена не только индикативом, но и сослагательным наклонением. Противопоставление изъявительного наклонения, как реального прямого, косвенным наклонениям основывается на отсутствии морфологического показателя в индикативе при наличии соответствующих показателей в косвенных наклонениях. В то же время многие ученые отмечают, что некоторые формы изъявительного наклонения также выражают действия не реальные, а потенциальные. По мнению А.В. Бондарко, оно, изъявительное наклонение, отражает реальность не в узком, а в широком смысле [3, с. 60]. Сфера реальности, по его утверждению, в широком смысле представлена в будущем времени (Futurum), значит при этом всегда присутствует та или иная мера потенциальности, так как языковое содержание высказываний относит обозначаемую ситуацию к будущему времени. Например, в предложении *Иртәгә мин бу хатны җибәрермен. Morgen schicke ich diesen Brief ab* действие «Завтра я отправлю это письмо» отнесено к будущему времени, которое включает в себя элементы намерения, воли совершить данное действие. Данное действие не стало еще реальностью, что открывает другие варианты возможного развития действия. Подобно тому, как

при переносном употреблении формы настоящего времени могут обозначать действительно прошедшие или действительно будущие действия, формы изъявительного наклонения могут использоваться для передачи повелительности действия, при этом эти действия представлены так, как будто выражается их реальное осуществление в будущем. А.В. Бондарко объясняет в указанном случае способ представления действия в императивных ситуациях как реального проявления главного значения формы индикатива в условиях транспозиции [3, с. 62].

Модальное значение действительности находит наиболее четкое и непосредственное выражение в форме настоящего актуального времени, где присутствует характер наблюдаемости (перцептивности) (хэзерге фаразый заман), т.е. когда ситуация как бы действительно происходит при непосредственном наблюдении говорящего. Эта форма настоящего времени означает гораздо большую вовлеченность в процесс, чем настоящее расширенное, характерным признаком которого является нелокализованность действия во времени. Так называемый «расширенный презент» характерен для глагольной системы татарского и немецкого языков, который выражает происходящие в действительности обычные, типичные, повторяющиеся действия, или выражает действие, которое представляет свойство лица или предмета, какой-либо постоянный признак [8, с. 32]. Актуальность, отнесенная к прошлому, находится на следующей ступени иерархии модальности действительности; то что было актуальным, было наблюдаемым в плане прошедшего времени. В татарском языке форма прошедшего категорического времени на *-ды* (категорик уткэн заман), выступающая в системе глагольных времен как наиболее значительная категория, имеет общее для всех глаголов изъявительного наклонения значение действия, которое, как правило, не связано с экспрессией, нейтрально, действительно происходившего в прошлом, т.е. это однократное очевидное действие в прошлом. Как мы наблюдаем, у данной формы отчетливо ощущается значение локализованности действия. В немецком языке значение татарского прошедшего категорического времени переда-

ют формы претерита (Imperfekt): Der Bursche *sah* nachdenklich nach vorn, die Augen wie gewohnt verengt – das war Paschka Kolokolnikow (W. Schukschin. Kalina Krasnaja, 255) «Парень задумчиво с привычным прищуром посмотрел вперед – это Пашка Колокольников». Татарское прошедшее незаконченное время на *-a ide* (тэмамланмаган үткэн заман), так же, как немецкий имперфект (Imperfekt), выражает незаконченное до конца действие, действительно развивающееся и протекающее в прошлом.

Форма прошедшего времени на *-ган* (нэтижэле үткэн заман), по-разному называемая в татарском языкознании - «прошедшее результативное», «прошедшее-настоящее», «прошедшее неочевидное», «прошедшее перфективное», обозначает прошедшее, завершённое до конца действие, результат которого является актуальным для настоящего времени. То, что в значении перфекта в обоих языках имеется что-то от настоящего времени показывает его форма: в конструкции *ich habe gelesen* (я прочитал) имеется сема настоящего времени *ich habe*. При морфологическом анализе формы *алганмын* в татарском языке мы имеем причастие прошедшего времени *алган* и аффикс сказуемости настоящего времени *-мын*. Таким образом, со стороны структурной здесь налицо комбинация элементов прошедшего времени с элементами настоящего времени. Прошедшее законченное действие, предшествовавшее другому прошедшему действию, в татарском языке выражается формой на *-ган ide* (күптэн үткэн заман), в немецком – Plusquamperfekt (плюсквамперфект). И в тюркологической, и в западноевропейской лингвистической литературе данное время принято называть «күптэн үткэн заман» – «преждепрошедшим», «давнопрошедшим» или «давнопрошедшим результативным». Кроме значения предшествования плюсквамперфект имеет также значение завершенности действия или процесса. Значение предшествующего законченного или незаконченного действия, действительно имевшего место в прошлом, является основным значением, характеризующим формы прошедшего времени в татарском и немецком языках и удерживающим их в микрополе модальности действительности.

Будущее время изъявительного наклонения отличается от других времен тем, что о событии в будущем говорящий не может иметь достоверной информации, так как оно еще не произошло и тем самым принадлежит не к реальному, а к предполагаемому миру, тем самым будущее время очень близко к категориям ирреальной модальности, т.е. модальности недействительности. В исследуемых языках среди форм прошедшего времени изъявительного наклонения основными, выражающими модальность действительности, наиболее частотными являются прошедшее результативное (нәтижәле үткән заман) в татарском языке и перфект (Perfekt) – в немецком, называемый в грамматиках «die Vollendungsform», что значит «форма законченности». Одним из ведущих значений перфекта Е.И. Шендельс называет значение «актуальности действия в момент речи» [9, с. 250], что совпадает со значением прошедшего результативного времени в татарском языке. Говорящий с помощью формы перфекта констатирует объективные достоверные действия, актуальные для момента речи. В обоих языках модальные слова могут усиливать или ослаблять степень достоверности действий, фактов или процессов, передаваемых формой изъявительного наклонения. С точки зрения знаний говорящего истинные суждения могут передаваться с помощью модальных слов *чынлап-та*, *әлбәттә*, *билгеле*, (нем.) *natürlich*, *gewiß*, *wirklich*, *zwar*, *sicherlich* «действительно», «конечно», «разумеется», «естественно», «на самом деле», «именно», «правда», «все-же». К модальным словам, выражающим категорическую достоверность в татарском языке относятся: *әлбәттә*, *билгеле* ‘конечно’, *дәрес* ‘правда’, ‘верно’, *тәгаен*, (*һич*) *шиксез*, *шөбһәсез* ‘несомненно’, *бәхәссез*, ‘бесспорно’, *чыннан*, *чынлап та* ‘действительно’, ‘в самом деле’ и др. Зафиксированность состояния, которое наступило в результате определенного действия, может подчеркиваться и усиливаться модальными словами и частицами типа *икән* “оказывается”, *инде* “уже”, *ич* “ведь”, *соң* “же”, *бит* “ведь” и др.

В системе наклонений татарского и немецкого языков категория изъявительного наклонения противопоставлена косвенным накло-

нениям. Это находит свое выражение в целом ряде показателей и прежде всего в своеобразии непрямого употребления, в особенности транспозиции, переходя из одного поля модальности в другое. Транспозицией считается использование грамматической формы в таких функциональных значениях, которые в той или иной степени отступают от ее первоначального значения. С помощью транспозиторов – модальных слов, частиц, порядка слов, интонации и других языковых средств становится возможным переход повествовательных и вопросительных предложений в побудительные и т. д.

В результате исследования можно сделать выводы:

1. Наиболее распространенной и широко употребляемой в системе наклонений обоих языках, как и во многих языках мира, является форма изъявительного наклонения. Изъявительное наклонение татарского глагола существенно отличается от немецкого индикатива составом временных форм. Основным признаком изъявительного наклонения считается выражение реального действия.

2. Изъявительное наклонение соотносится с системой косвенных наклонений по принципу «часть - целое» в плане межпарадигматических оппозиций по тождественному признаку, определяемому отношением действия к действительности с точки зрения говорящего лица, которое находит выражение в контрастирующих грамматических признаках реальности и нереальности действия.

3. Как в татарском, так и в немецком языкознании считается, что косвенные наклонения являются особыми временами или формами будущего времени изъявительного наклонения. В обоих языках все косвенные наклонения обозначают нереальные действия, т.е. модальность недействительности, для выражения которой в сопоставляемых языках наблюдаются существенные различия в системе грамматических средств, имеющихся для выражения модальных значений.

4. В татарском языке для выражения ирреальной модальности существует четыре наклонения – повелительное (боерык фигыль), желательное наклонение (телэк фигыль), условное наклонение

(шарт фигыль) и сослагательное наклонение (шартлы теләк). В немецком же языке имеется только два косвенных наклонения – Imperativ (Повелительное наклонение) и Konjunktiv (сослагательное наклонение).

5. Различие в количестве наклонений в немецком и татарском языках объясняется тем, что многие значения, передаваемые категорией наклонения в одном языке, могут в другом языке выражаться не грамматическим, а лексическим способом, и также формами других наклонений.

Список литературы

1. Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1967. 191 с.
2. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
3. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 54–78.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–58.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Прокопович Е.Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Изд-во «Наука» 1982. 288 с.
7. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. Под ред. проф. Г.Н. Акимовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2003. 296 с.
8. Тумашева Д.Г. Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). Уч. пос. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1986. 189 с.
9. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. 366 с.

References

1. Agazade N.G. *Sistema glagol'nyh naklonenij v sovremennom azerbajdzhanskom literaturnom yazyke* [The System of Verbal Moods in the Modern Azerbaijani Literary Language]. Baku: Izd-vo AN Azerb. SSR, 1967. 191 p.
2. Admoni V.G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [Introduction to the Syntax of Modern German]. M.: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1955. 392 p.
3. Bondarko A.V. *Ponyatiynye kategorii i yazykovye semanticheskie funktsii v grammatike* [Conceptual Categories and Language Semantic Functions in Grammar]. *Universalii i tipologicheskie issledovaniya* [Universals and typological studies]. M.: Nauka, 1974: 54–78.
4. Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke. Issledovaniya po russkoy grammatike* [On the Category of Modality and Modal Words in Russian. Studies in Russian Grammar]. M.: Nauka, 1975: 53-58.
5. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. M.: Progress, 1984. 397 p.
6. Prokopovich E.N. *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vidovremennykh form* [The Verb in the Sentence. Semantics and Stylistics of the tense-aspect forms forms]. M.: Izd-vo «Nauka» 1982. 288 p.
7. Romanova T.V. *Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuarnoy literature* [Modality as a Text-forming Category in the Modern Memoir Literature]. ed. prof. G.N. Akimova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 2003. 296 p.
8. Tumasheva D.G. *Tatarskiy glagol (opyt funktsional'no-semanticheskogo issledovaniya grammaticheskikh kategoriy)* [Tatar Verb (Experience of the Functional Semantic Study of Grammatical Categories)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 1986. 189 p.
9. Shendel's E.I. *Grammatika nemetskogo yazyka* [Grammar of the German language]. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1954. 366 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гильфанова Фарида Харисовна, профессор, доктор филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
rawil_51@mail.ru

Гильфанов Равиль Тагирович, доцент, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
rawil_51@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gilfanova Farida Harisovna, Doctor of Philology, Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
rawil_51@mail.ru

Gilfanov Ravil Tagirovich, Candidate of Philology, Associate Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
rawil_51@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-271-279

УДК 81

КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ»

Вердиева Э.М.

Цель – анализ концепта как кода мышления, ментального образования, фрагмента жизненного опыта человека, кванта науки, мыслительной категории, когнитивной структуры, погруженной в лингвокультурный контекст, сгустка культуры в сознании человека.

Метод или методология проведения работы. В соответствии с целями и задачами исследования использованы: метод описания, общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивный анализ, метод эксперимента, контекстуальный анализ, структурно-семантический анализ, прием трансформации, сравнительный анализ.

Результаты. В работе дана комплексная характеристика трактовки понятия «концепт». Актуальность темы статьи обосновывается исследованием когнитивно-лингвистических и культурологических подходов к понятию «концепт». В статье отражены взгляды лингвистов и культурологов на суть концепта. На основе обобщения и сравнительного анализа характера делается вывод, что культурное и историческое развитие конкретного народа составляет основу формирования ассоциативных связей концепта, основные аспекты концептосферы напрямую связаны с культурным наследием каждого народа.

Область применения результатов. Материалы исследования могут быть использованы в теоретических курсах языкознания, а также при разработке специальных курсов по когнитивной лингвистике, концептосферы и др.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; лингвокультурология; концепт; концептосфера; культура; народ; ассоциация; язык.

COGNITIVE LINGUISTIC AND LINGUA-CULTURAL EXPLANATIONS OF THE NOTION OF “CONCEPT”

Verdiyeva E.M.

Purpose – to analyze concept as a unit of mental code, mental formation, fragment of person’s life experience, quantum science, category of thought, cognitive structure attributed to lingua cultural context, as a part of culture in person’s mind.

Methodology. The basis of the research is the method of description, general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, experimental method, contextual analysis, structural and semantic analysis, reception of transformation, comparative analysis.

Results. Actuality of the article is determined by the approaches of cognitive linguistics and linguaculturology to “concept”. Linguists’ and culturologists’ opinions about the essence of concept are presented in the article. It is also stated that behind the concept formation and its associative relationships stands historical-cultural development of certain nation, and Russian researchers ideas about typology, structure and characteristics of concept are presented. Another field explored in the article is concept sphere. Main aspects of concept sphere having direct link to each nation’s cultural and material heritage are also mentioned in the article.

Keywords: cognitive linguistics; cultural linguistics; concept; sphere of concepts; culture; people; association; language.

С конца XX века понятие «концепт» начинает привлекать к себе внимание учёных-когнитологов, которые полагали, что исследование концептов конкретного языка может внести большой вклад в развитие когнитивной лингвистики. «Значения языковых выражений приравниваются выражаемому в них концептам или концептуальным структурам: такой взгляд на вещи считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом» [5, с. 5]. Некоторые современные когнитологи считают «концепт» основным термином ког-

нитивной лингвистики. Например, Н.Д. Красавский пишет: «Концепт надо рассматривать как когнитивную структуру, погруженную в лингвокультурный контекст, то есть связанную с дискурсом» [3, с. 9]. В книге «Очерки по когнитивной лингвистике» З.Д. Попова отмечает, что «концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами; из языкового общения» [7, с. 4].

Несмотря на то, что это понятие уже считается утвержденным в науке, оно до сих пор не получило своего точного определения. Концепт – мыслительная категория, и поэтому в научных трудах различных учёных можно встретить разные вариации этого понятия. Отличающиеся друг от друга разные определения концепта встречаются в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов. Вот некоторые самые распространенные определения этого понятия. Концепт это:

*лингвокогнитивное явление; *психолингвистическое явление; *абстрактно-научное понятие; *базовая единица культуры; *лингвокультурное явление

На сегодняшний день ряд современных исследователей выдвинули свои теории о сущности понятия «концепт». Эти теории стали причиной возникновения различных гипотез о происхождении языков, дали возможность выявить новые аспекты взаимоотношений когнитивной лингвистики с философией, культурологией, психологией и т.д.

Сегодня различные отрасли науки исследуют вопросы формирования и развития концептов. Однако на сегодняшний день в науке существуют два подхода к определению этого понятия. Первый из них – это когнитивный подход. Из русских учёных А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Л.О. Чернейко, Н.Н. Болдырев, С.Х. Ляпин, Р.И. Фрумкина, В.З. Демьянков, З.Д. Попова являются самыми известными исследователями именно этого подхода.

Второй – это лингвокультурологический подход. Самые известные исследователи этого подхода это Т.Б. Булыгина, Ю.С. Степанов, Г.В. Токарев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик и другие.

«Типология концептов в рамках лингвокультурологического подхода основана, прежде всего, на признании концепта этносоциокультурным фактом, отраженным в сознании языковой личности – индивида, члена социальной группы, представителя этноса и человечества, что актуализирует такие концептуальные признаки, как историческая детерминированность, универсальность/уникальность, обусловленная личностными, социальными и национальными факторами, ценностность для отдельно взятой культуры» [2, с. 10]. Но это факт, что объяснение отражения национального массового сознания в языке является главной целью когнитивной лингвистики. И поэтому не в лингвокультурологии, а именно в когнитивной лингвистике понятие «концепт» выходит на первый план. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «концепт – когнитивная (мыслительная) категория, оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера» [1, с. 17]. Схожее определение концепта дает и Е.С. Кубрякова. Она также считает, что концепт является квантом знания. В книге «Краткий словарь когнитивных терминов» концепт определяется автором как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отражает представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [4, с. 90].

Концепты формируют воображения, которые являются реальностью массового сознания. Именно эти воображения позволяют говорить об этническом или национальном мышлении и психологии нации. Изучение концептов помогает сформулировать общее представление о мировоззрении, национально-культурных цен-

ностях, историческом опыте конкретного народа. Именно культурное и историческое развитие конкретного народа составляет основу формирования и ассоциативных связей концепта. Каждый концепт имеет своеобразное значение в пределах границ разных языков. Главная причина этому – различия в мировоззрениях, культурной самобытности людей – носителей этих языков, из которых состоит каждый народ. Принимая это во внимание, можно сказать, что языковая картина мира формируется на основе системы концептов.

С начала 90-х гг. прошлого столетия авторами самых масштабных научных исследований в области изучения концептов являются русские ученые. К примеру, Ю.С. Степанов «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны – то, посредством чего человек входит в культуру» [9, с. 41]. В этом вопросе мнение З.Д. Поповой совпадают с мнением Ю.С. Степанова. Автор также определяет концепт как «единицу ментальности данной культуры» [8, с. 49]. Значит, концепт можно охарактеризовать как ментальную единицу, как элемент сознания. Известно что, сознание является посредником между реальным миром и языком. Сначала культурная информация поступает в сознание человека, здесь она подвергается систематизации, превращается в разные концепты, и эти концепты образуют культурный слой, который можно рассматривать как посредник между человеком и миром.

Человек адекватно воспринимает поступки, слова окружающих его людей, различает визуальные образы. Это становится возможным благодаря знаниям о реальном мире, которые накапливаются в концептах, сформировавшихся в сознании человека. Чем глубже эти знания, тем быстрее идет процесс восприятия. Восприятие начинается с того, что в памяти человека «оживляется» самый подходящий концепт для сложившейся ситуации. После этого, посредством этого концепта дается объяснение этой ситуации. Этот ментальный процесс происходит очень быстро, и поэтому он недоступен для внешнего наблюдения.

В.И. Карасик в книге «Введение в когнитивную лингвистику» характеризуя концепт, объясняет эту ситуацию так: «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта»; «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны»; «фрагмент жизненного опыта человека»; «переживаемая информация»; «квант переживаемого знания». Схожего мнения придерживается и М.В. Пименова. В своей книге «Душа и дух: особенности концептуализации» она пишет: «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [6, с. 10].

Мы согласны с тем, что концепт есть представление о языковой картине мира. В сущности, концепт можно охарактеризовать как совокупность наших знаний о живых существ и объектах, окружающих нас. Именно благодаря этим знаниям реализуется базовая когнитивная сущность, которая позволяет связывать смысл со словом.

И.А. Стернин считает, что «концепт – дискретное ментальное образование, он является базовой единицей мыслительного кода человека, обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несет комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношение общественного сознания к данному предмету или явлению» [10, с. 17]. Здесь мы видим совсем другой подход к понятию «концепт». По мнению исследователя, и общественное сознание играет большую роль в формировании концептов. Необходимо также учесть тот факт что, общественное сознание это совокупность индивидуальных сознаний.

Как мы видим, некоторые исследователи считают концепт единицей общественного сознания. Они оценивают это общественное

сознание как нечто, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой. Другие рассматривают концепт как единицу ментальности.

Совокупность концептов формирует концептосферу. Этот термин ввел в научный оборот известный русский филолог Д.С. Лихачев. Большинство исследователей полагают, что концептосфера напрямую связана с культурным наследием каждого народа. Если у народа богатые культурные, литературные, научные традиции, то и его концептосфера обязательно будет богатая.

В.И. Убийко в своей статье «Концептосфера человека в семантическом пространстве языка» пишет, что понятие «концептосфера» включает в себя следующие аспекты:

1) эстетический аспект; 2) онтологический аспект; 3) гносеологический аспект; 4) лингвосоциопсихологический аспект; 5) социальный аспект [11, с. 37].

Конечно, исследование всей концептосферы важно для изучения отдельно взятых концептов. На сегодняшний день очень много научных трудов посвящено исследованию этой области лингвистики, но о значимых результатах говорить пока рано. Но те результаты, которые уже достигнуты, позволяют нам надеяться на то, что в ближайшем будущем мы уже сможем говорить об обобщенной теоретической базе концептосферы.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... к.ф.н. Томск: 2005. 24 с.
3. Красавский Н.Д. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской культурах: автореф. дис. ... д.ф.н. Волгоград, 2001. 40 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Т. Лузина. М.: Изд-во Моск.госу. ун-та, 1996, 245 с.

5. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. 184 с.
6. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с.
7. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2001. 190 с.
8. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
10. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 315 с.
11. Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 5. С. 37–40.

References

1. Alefirenko N.F. *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyika, soznaniya i kulturyi* [The poetic energy of a word. Synergetics of language, consciousness and culture]. М.: Academia, 2002. 394 p.
2. Dobrovolskaya E.V. *Kontseptualizatsiya semi v russkoy yazyikovoy kartine mira* [Conceptualization of the family in the Russian language picture of the world]. Tomsk: 2005. 24 p.
3. Krasavskiy N.D. *Dinamika emotsionalnykh kontseptov v nemetskoy i russkoy kulturah* [Dynamics of emotional concepts in German and Russian cultures]. Volgograd, 2001. 40 p.
4. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms] / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.T. Luzina. М.: Izd-vo Mosk.gosu. un-ta, 1996. 245 p.
5. Nikishina I.Yu. *Ponyatie «kontsept» v kognitivnoy lingvistike. Yazyik, soznanie, kommunikatsiya* [The concept of “concept” in cognitive lin-

- guistics. Language, consciousness, communication] / ed. V.V. Krasnyih, A.I. Izotov. M.: MAKS Press, 2002. Issue 21. 184 p.
6. Pimenova M.V. *Dusha i duh: osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo]. Kemerovo: IPK «Grafika», 2004, 386 p.
 7. Popova Z.D. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive linguistics] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh, 2001. 190 p.
 8. Popova Z.D. *Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The concept of “concept” in linguistic research] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2000. 30 p.
 9. Stepanov Yu.S. *Konstantyi: Slovar russkoy kulturyi* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. M.: Akademicheskiiy proekt, 2001. 990 p.
 10. Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics] / I.A. Sternin, Z.D. Popova. M.: AST; Vostok-Zapad, 2007. 315 p.
 11. Ubiyko V.I. *Kontseptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve yazyika* [Conceptual sphere of person in the semantic space of language]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004, no 5: 37–40.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вердиева Эльнора Мугаис гызы, докторант (аспирант)

*Бакинский славянский университет
ул. Сулеймана Рустама, 33, г. Баку, AZ1014, Республика Азербайджан
ela0382@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Verdiyeva Elnura Mugais, Postgraduate Student

*Baku Slavic University
33, Suleyman Rustam Str., Baku, AZ1014, Republic of Azerbaijan
ela0382@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-280-292

УДК 811

КОНЦЕПТ «КОНФЛИКТ» В КОРПУСНОМ ИЗМЕРЕНИИ ИДИОМ

Юсупова С.М.

Цель. В статье проводится анализ концептуализации конфликта в английских идиомах на материале данных Британского национального корпуса, а также Корпуса современного американского английского языка.

Метод или методология проведения работы. Методами исследования послужили корпусный и семантический анализ.

Результаты. В семантике идиом отражается образное восприятие конфликта, а в контекстах употребления раскрывается его концептуальное содержание. Конфликт репрезентируется как конкуренция, спор, борьба интересов, ценностей, взглядов. Конфликт имеет разные этапы протекания (начало, процесс, конец), может быть кратковременным и длительным. В качестве мотива конфликта могут выступать стремление к политическому влиянию, победе, соглашению, проявление характера и настойчивости. Корпусный подход выявил сочетаемостные особенности идиом в контекстах, дополнительные значения, не зафиксированные в словаре, частоту употребления идиом.

Область применения. Результаты исследования можно использовать при составлении двуязычных фразеологических словарей, в курсах по корпусной лингвистике, фразеологии.

Ключевые слова: конфликт; английские идиомы; семантика; корпусный анализ; контексты.

CONCEPT 'CONFLICT' IN A CORPUS MEASUREMENT OF IDIOMS

Yusupova S.M.

Purpose. The article deals with the analysis of conflict conceptualization in the English idioms as based on the material of the data ob-

tained from the British National Corpus and Corpus of Contemporary American English.

Methodology. *The methods of research have become corpus and semantic analysis.*

Results. *In semantics of idioms, the figurative perception of conflict is reflected, as well as its conceptual content is revealed in contexts of use. Conflict is represented as a competition, dispute, conflict of objectives, values, views. The conflict has different stages of development (beginning, process, end), can be described as short-term and long-term. The cause of the conflict can be aspiration for political influence, victory, agreement, manifestation of character and persistence. The corpus approach revealed the combination peculiarities of idioms in contexts, as well as the additional values that are not fixed in the dictionary and the frequency of idioms use.*

Practical implications. *The results of research can be used for making bilingual phraseological dictionaries, in courses on corpus linguistics and phraseology.*

Keywords: *conflict; English idioms; semantics; corpus analysis; contexts.*

Введение

В современной лингвистике корпусный подход является одним из актуальных и значимых методов исследования фразеологии. В контекстах раскрывается степень прозрачности семантической структуры идиом, их образная основа, различные оттенки значения, национально-культурная специфика. Корпусный анализ характеризуется эмпиричностью, охватывает большое количество текстов, художественных, публицистических, учебных, называемых «корпусом», позволяет выявлять особенности семантического, грамматического, прагматического употребления языковых единиц в контекстах, использовать статистическую информацию, вносить изменения в теоретические концепции [5; 6; 9]. Важным аспектом корпусного подхода является также возможность изучения естественных текстов, а не искусственных, возникших в ходе экспе-

римента или смоделированных исследователем [5]. Применение корпусного метода обусловлено такими задачами как выявление употребительности идиом, частоты их появления в текстах, семантической валентности, не отраженной в словаре [11; 2], нахождение функциональных эквивалентов идиом в разных языках, совершенствование их представления в двуязычных словарях [4; 3, с. 2].

Идиомы представляют собой выражения с полностью или частично переосмысленным значением, в рамках когнитивного направления – когнитивные структуры, в которых заключены знания об окружающем мире. Структура идиом включает образную составляющую и актуальное значение, возникающее в ходе метафорических трансформаций. В когнитивной лингвистике полагают, что образная мотивация идиом отображает абстрактные способы интерпретации одних сущностей в терминах других, т.е. концептуальные метафоры [8, с. 141]. В опровержение данной концепции выдвигается положение о том, что концептуальные метафоры не выявляются и не осознаются до тех пор, пока само метафорическое значение не будет интерпретировано, если компоненты идиом не вызывают соответствующие ассоциации [1, с. 106–108].

Целью данной статьи является анализ значения идиом, описывающих конфликт в английском языке, специфики образных компонентов, а также сочетаемости идиом в контекстах. Научная новизна работы состоит в корпусном анализе идиом, описывающих конфликт, позволившем выявить особенности функционирования идиом в реальных контекстах употребления.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили идиомы, описывающие конфликт, собранные методом сплошной выборки из одноязычного толкового фразеологического словаря английского языка [10], а также контексты употребления идиом, полученные из Британского национального корпуса, включающего 100 миллионов слов – Корпуса современного американского английского языка (560 миллионов слов) [12]. Проведенный корпусный и семантический анализ

выявили специфику семантики идиом, варианты значений, не зафиксированные в словаре, возможность использовать те или иные идиомы как эквиваленты в межкультурной коммуникации, содержание концепта КОНФЛИКТ. Результаты исследования позволили выделить синтаксические свойства (сочетаемость идиом) и семантические (языковая игра, дополнительные оттенки значения, функциональные соответствия, концептуальное поле конфликта).

Результаты и обсуждение

Конфликт определяется как несогласие, ситуация, в которой присутствуют противоречия интересов, целей, ценностей. Противоречия при этом представляют собой речевое действие, имеющее три стадии интенсивности – различия во мнениях, в дискуссиях и прямая борьба в виде конфликта в действиях [13]. Анализ идиом показывает, что в концептуальное поле конфликта входят такие понятия, как «спор», «конкуренция», «соперничество», «борьба». В данной статье будут рассмотрены разные аспекты и стадии конфликта: начало спора, спор/борьба, поддержка/защита в споре, конец спора.

Начало спора/борьбы/конфликта

Начало спора и конфликтной ситуации выступают как предположение, наличие расхождений во мнениях, предмете обсуждения, противостояние.

For the sake of argument (букв. ради спора) – «as a starting point for a discussion; to discuss things in theory only / в качестве отправной точки для обсуждения; обсуждать что-то только теоретически» [10, с. 336]. Выражение встретилось в 179 контекстах. В большинстве контекстов употребляется с *assume, let's assume, let's suppose, let's say*.

а. *But for the sake of argument, let's suppose that Republicans do gain at least six seats and win the majority. Then what?* (NEWS: Christian Science Monitor, Linda Feldmann, What if Republicans take over the Senate? (140904), 2014) [12]. Но *ради спора, давайте предположим*, что республиканцы действительно получают, не менее шести мест и выигрывают большинство. Тогда что?

b. *Let us assume, for the sake of argument, that Comey was terrible at his job and deserved to get fired* (MAG: Slate Magazine James, Comey's Firing Is the Moment of Truth for the GOP (17-05-09), 2017) [12]. *Давайте предположим, ради спора, что Комей ужасно делал свою работу и заслужил увольнения.*

В приведенных примерах отразилось намерение, желание начать спор.

Start something/anything (неофициально) (букв. начать что-то) – «begin a fight or an argument / начать борьбу или спор» [10, с. 378]. Было найдено 197 контекстов. Также употребляется в значении «предпринять, начать что-то безотносительно к спору», часто сочетается с прилагательным *new – start something new*.

His tone said he was tiptoeing lightly, trying not to start something – and trying too hard to make up for not coming with her to today's appointment (FIC: Another way home: a Chicory Inn novel, Deborah Raney, 2016) [12]. По его тону было видно, что он подкрадывался слегка, стараясь *не начать спор* – и, усердно пытаясь загладить то, что не пошел с ней сегодня на встречу.

The gloves are off (букв. перчатки сброшены) (неофициально) – «in an argument, dispute, etc., stop being gentle with sb and start fighting them with force and determination / в споре, диспуте и т.д. перестать быть мягким с кем-либо и начать бороться с силой и решительностью» [10, с. 148]. Обнаружено 27 контекстов употребления. В контекстах высвечиваются ситуации, где есть место победе, проигрышу, соревнованию. В последнем контексте (с) конфликт вызван различиями и противопоставлением – «мы – они», утратой ценностей доверия, правды, смирения и самокритики. Часто следует за обстоятельством времени *now*, для введения актуальной информации. Также идиома встретила в значении, не зафиксированном в словаре, «чувствовать себя свободным сделать что-либо, иметь возможность сделать что-то». *OK boys, the gloves are off... Let's look for some opportunities to make something happen...* (NEWS: San Francisco Chronicle, Steve Rubenstein TOUR OF CALIFORNIA, BAY AREA; Pg. B3, 2007) [12].

a. *Disney doesn't like to lose. So, now the gloves are off* (MAG: TechCrunch 2017) [12]. Диснею не нравится проигрывать. Таким образом, теперь *перчатки брошены*. Акцентируется нацеленность на победу.

b. *And the gloves are off between Donald Trump and Senator Marco Rubio* (SPOK: FOX ON THE RECORD WITH GRETA VAN SUSTEREN 7:00 PM EST, 2016) [12]. И перчатки брошены между Дональдом Трампом и сенатором Марко Рубио. Речь идет о дебатах и конкуренции.

c. *Tough talk about "them and us" and "the gloves are off", as well as military interventions, ruled public debates and policies. As chronic low-intensity warfare and full-fledged battlefields spread around the globe, what vanished were the values of humility, self-critical awareness, trust, and truth. Self-criticism, sincerity, honesty* (ACAD: Journal of Ecumenical Studies, 2015) [12]. Жесткий разговор о «них и нас» и «*перчатки брошены*», также как военные вмешательства, управляемые общественные дебаты и стратегии. Поскольку хроническая война низкой интенсивности и полномасштабные поля битвы распространяются во всем мире, что исчезло, так это ценности смирения, самокритичной осведомленности, доверия и правды. Самокритика, искренность, честность.

Начало конфликта выражено лексически *start*, а также отражено образно «перчатки сняты», руки готовы к действию.

Спор/борьба/конфликт

Процесс конфликта описан как акцентирование внимания на проявлении упорства, характера в борьбе, нежелание уступать, в результате чего перерастает в очаг постоянных распрей и длительный конфликт.

A battle of wills (букв. борьба воли) – «a competition, an argument or a struggle where each side is very determined to win / соревнование, спор или борьба, где каждая сторона очень решительно настроена выиграть» [10, с. 19], 62 контекста. Употребляется с предлогами *with, between*, а также с определениями *tremendous, great, ten-year old, silent, constant battle of wills* и др.

a. ...*but it seemed he had, in some manner, accidentally initiated a battle of wills with his new boss and this was one of the consequences* (FIC: Babayaga, New York: Farrar, Straus and Giroux, Edition: First edition, 2013) [12]. Но казалось, он как-то случайно инициировал спор со своим новым боссом, и это было одним из последствий.

A hot spot (букв. горячее место) – «a place where fighting is common, especially for political reasons / место, где борьба привычна, особенно по политическим причинам» [10, с. 186], 786 контекстов. Не только о войне, встречается в значении «типичное место для чего-то, где что-то распространено». Лексема «горячий» ассоциируется с борьбой, накалом эмоций. Во многих контекстах с предлогом *for* – *a hot spot for*.

And Korea remains the one potential hot spot left over from the Cold War (NEWS: Atlanta Journal Constitution, Steve Visser, MEMORIAL DAY (120528), 2012) [12]. И Корея остается одной из потенциальных горячих точек, оставленных после холодной войны.

A running battle (букв. продолжающаяся битва) – «an argument, a dispute, etc. which continues over a long period of time / спор, диспут и т.д., который продолжается длительный период времени» [10, с. 334], 46 контекстов. В большинстве контекстов употребляется с предлогом *with*.

He has a running battle with the state board of veterinary medicine over licensing regulations (NEWS: Denver Post, Joanne Ostrow Bringing out the wildness, FEATURES; Pg. 3C (150709), 2015) [12]. У него постоянный спор с государственной комиссией ветеринарной медицины по правилам лицензирования.

Как показывают образы идиом и контексты употребления, борьба, конфликт обусловлены различиями целей, интересов, ценностей, характеров, политическими разногласиями, могут быть длительными.

Поддержка в споре, соревновании

The battle lines are drawn (букв. линии борьбы очерчены) – «used to say that people or groups have shown which side they intend to

support in a dispute or contest that is going to begin / употребляется в ситуациях, где люди или группы показали, какую сторону они намереваются поддержать в споре или соревновании, которое собирается начаться» [10, с. 19], было найдено 20 контекстов в корпусе. Мотивирующим звеном выступает пространственная метафора «обозначенные границы конфликта» в сочетании с предлогами *on*, *between*. В следующем контексте прослеживается языковая игра, т.к. идиома употреблена в прямом значении. Также встречается вариант *the battle lines were drawn* – 11 контекстов.

a. *The graffiti left by Shia fighters and posters with the Iranian leaders who inspire some of them show where the battle lines are drawn. Almost 200 bodies have been unearthed from near the palace* (SPOK: PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST (150417), 2015) [12]. Граффити, оставленные шиитскими борцами, и плакаты с иранскими лидерами, которые вдохновляют некоторых из них, показывают, где очерчены линии фронта. Почти 200 тел были раскопаны недалеко от дворца.

b. *In reality, the battle lines are drawn, and there is little or no reason to believe that either side will triumph anytime soon* (MAG: USA Today Magazine, FRENCH, DAVID; THE BATTLE OF INDIANA AND THE PROMISE OF BATTLES TO COME, Vol. 144 Issue 2842, p.10-12.Зр., 2015) [12]. На самом деле линии фронта определены и маловероятно, что какая-либо из сторон одержит победу в ближайшее время.

Take sides/ take sb's sides (букв. принимать стороны) – «support one person or group in an argument or disagreement / поддержать одного человека или группу в споре или разногласии» [10, с. 356], 343 контекста. Часто употребляется с предлогом *in*.

She'd refrained, for instance, from insisting that her mother take sides in her quarrel with Anatole; of course her mother was going to stay in touch with Anatole whether her daughter liked it or not (FIC: Immaculate blue: a novel Paul Elliott Russell, 2017) [12]. Она не стала, например, настаивать, чтобы мама принимала сторону в ее ссоре с Анатолем; конечно, мама собиралась поддержать отношения с Анатолем, нравилось ли ее дочери это или нет.

Поддержка представлена как наличие границ, сторон, определяющих позицию в споре.

Конец спора/борьбы/конфликта

Конец конфликта – прекращение действий конфликтующих сторон.

Have it out with sb (букв. выяснять с кем-то что-то) – «have a serious discussion with sb in order to end a disagreement, quarrel, etc. / иметь серьезную дискуссию с кем-либо, чтобы закончить несогласие, ссору и т.д.» [10, с. 168], 22 контекста. В контекстах выяснение личных отношений, деловых вопросов; сделки, долг.

*I wanted to **have it out** with him, I admit it. “Jason’s pale skin flushed.” I wanted to tell him how he ruined my life* (FIC: Corrupted Lisa Scottoline, 2017) [12]. Я хотел *выяснить все с ним*, признаю это. «Бледная кожа Джейсона вспыхнула». Я хотел сказать ему, как он разрушил мою жизнь.

Call it quits (букв. назвать что-то компенсацией) (неофиц.) – «decide to end an argument, a disagreement, etc. at a point where both sides are equal / решить закончить спор, несогласие, и т.д. в месте, где обе стороны равны» [10, с. 49], 236 контекста; в примерах употребления также в значении «заканчивать, прерывать какую-либо деятельность».

*A few months back, it became clear that their relationship was rocky and, after a month or so of therapy, he decided to **call it quits**. He took time to move out of their shared studio apartment and he moved in with me before I went on a long trip* (MAG: Slate Magazine Help! My Friend Disowned Me for Declining to Be the Emergency ... (16-03-08), 2016) [12]. Несколько месяцев назад стало ясно, что их отношения были сложными, и через месяц терапии или около того, он решил *рассстаться*. Ему понадобилось время, чтобы переехать из их общей квартиры-студии ко мне до того, как я отправился в длительное путешествие.

Strike a bargain / deal (with sb) – «come to an agreement (with sb), especially after a lot of discussion or argument / прийти к соглашению (с кем-либо), особенно после многих дискуссий или спора»

[10, с. 387], в контекстах также «договориться, заключить сделку». Было найдено 22 контекста для варианта *strike a bargain*, в контекстах в значении «договориться, прийти к соглашению» в (личных) отношениях с людьми, и 147 для *strike a deal (on)* – чаще применительно к профессиональной, деловой сфере.

a. *Let's strike a bargain. Will you promise to keep a secret? "Absolutely". I put on my trustworthy face* (FIC: Analog Science Fiction & Fact, Rajnar Vajra, Page Turner (May 2010) [12]. Давай договоримся. Ты пообещаешь хранить секрет? «Конечно». Я сделал заслуживающий доверия вид.

b. *Their main goal was to strike a deal on the amount of federal money...* (MAG: Daily Beast, The Real Story of Why Bipartisan Health Care Reform Is Impossible, 2017) [12]. Их главная цель состояла в том, чтобы заключить сделку на сумму федеральных денег...

Score a point/points (off/over/against sb) (брит.) (букв. подсчитать очко/очки) – «defeat sb in an agreement; deliberately say sth that makes sb appear stupid / победить кого-либо в споре, намеренно сказать что-то, что заставит кого-то выглядеть глупо» [10, с. 340]. *Score a point* – 25 контекстов, *score points* – 201 контекст.

.... *lawyers seeking positions or pitching clients need to recall that their primary objective is to win support, not to score points by showing how much smarter they are than those asking questions* (ACAD: Stanford Law Review Rhode, Deborah, Leadership in Law Stanford, Vol. 69, Iss. 6, 1603-1666, 2017) [12] ... адвокаты, ищущие положения или делающие предложение клиентам, должны вспомнить, что их главная цель состоит в том, чтобы завоевать поддержку, а не доказать свое превосходство, показав, насколько умнее они, чем те, которые задают вопросы.

Конец спора описывается как выяснение, разъяснение, вынесение наружу, расчет и договор (сделка), набор очков.

Заключение

Таким образом, образы и контексты употребления идиом выявляют различные способы репрезентации концепта КОНФЛИКТ.

1) Во внутренней форме идиом опосредованно отразились ситуации конфликта – спор, расхождение во мнениях, мотивы спора, борьбы (политическое влияние, желание победить, договориться, проявить характер).

2) Структура конфликта выражена в таких этапах, как: начало, процесс, поддержка какой-либо из сторон и конец конфликта.

3) В контекстах идиомы обнаруживают дополнительные значения, а также сочетаемостные особенности, не зафиксированные в словаре, выявляются функциональные соответствия при переводе.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Гак В.Г. Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: Ленанд, 2007. 640 с.
3. Добровольский Д.О. Заметки о сопоставительной фразеологии // Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова / Ред. Стефана Калдиева-Захариева, Радостина Захариева. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011. С. 181–197.
4. Филипенко Т.В. Использование методов корпусной лингвистики в анализе семантики идиом: на материале немецкого языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. №1. С. 90–97.
5. Barnbrook G. Language and Computers: a Practical Introduction to the Computer Analysis of Language // Corpus linguistics. edited by McEnery T. and Wilson A. Edinburgh University Press, 1996: 333–335.
6. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics Investigating language Structure and Use. Cambridge University Press, 1998. 106 p.
7. Computational and Corpus-based Phraseology // Second International Conference, Europhras 2017 / Ed. Ruslan Mitkov. London, Springer, 2017. 461 p.
8. Gibbs R.W., Bogdanovich J.M. Metaphor in Idiom Comprehension // Journal of memory and language 37, 1997: 141–154.

9. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English. A Corpus-based Approach. Oxford University Press, 1998. 358 p.
10. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press 2006. 470 p.
11. Simpson R., Mendis D. A Corpus-based Study of Idioms in Academic Speech // *Tesol Quarterly* Vol. 37, No.3, Autumn 2003: 419–441.
12. [http:// www.corpus.byu.edu/bnc/](http://www.corpus.byu.edu/bnc/) (дата обращения: 4.02.2018).
13. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/konflikt.html> (дата обращения: 4.02.2018).

References

1. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. *Aspekti teroii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. M.: 2008. 656 p.
2. Gak V.G. *Yazik I deystvitelnost: Sbornik nauchnih trudov pamyati V.G. Gaka* [Language and reality: Collection of Scientific Works in Memory of V.G. Gak]. M.: Lenand, 2007. 640 p.
3. Dobrovolsky D.O. *Zametki o sopostavitel'noy frazeologii* [Notes on Comparative Phraseology]. Sofiya: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 2011: 181–197.
4. Filipenko T.V. Ispolzovanie metodov korpusnoy lingvistiki v analize semantiki idiom: na material nemeckogo yazika [The Use of Methods of Corpus Linguistics in the Analysis of Semantics of Idioms: on the Material of the German Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaziya*. 2004. №1: 90–97.
5. Barnbrook G. Language and Computers: a Practical Introduction to the Computer Analysis of Language. *Corpus linguistics*. Ed. by T. McEnery and A. Wilson. Edinburgh University Press, 1996: 333–335.
6. Biber D., Conrad S., Reppen R. *Corpus Linguistics Investigating language Structure and Use*. Cambridge University Press, 1998. 106 p.
7. *Computational and Corpus-based Phraseology. Second International Conference, Europhras 2017 / Ed. Ruslan Mitkov*. London, Springer, 2017. 461 p.
8. Gibbs R.W., Bogdanovich J.M. Metaphor in Idiom Comprehension. *Journal of memory and language* 37, 1997: 141–154.

9. Moon R. Expressions and Idioms in English. A Corpus-based Approach. Oxford University Press, 1998. 358 p.
10. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press 2006. 470 p.
11. Simpson R., Mendis D. A Corpus-based Study of Idioms in Academic Speech. *Tesol Quarterly* Vol.37, No.3, Autumn 2003: 419–441.
12. [http:// www.corpus.byu.edu/bnc/](http://www.corpus.byu.edu/bnc/) (accessed February 4, 2018).
13. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/konflikt.html> (accessed February 4, 2018).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юсупова Седя Мусаевна, доцент межфакультетской языковой кафедры, кандидат филологических наук
*Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова
пр. Х. Исаева, 100, г. Грозный, 364061, Российская Федерация
seda_linguist@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yusupova Seda Musaevna, Senior Lecturer, Interfaculty Language Department, Candidate of Philology
*Grozny State Oil Technical University
100, pr. H. Isaeva, Grozny, 364061, Russian Federation
seda_linguist@mail.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- КОНЦЕПТ FAMILY (СЕМЬЯ) В РОМАНЕ М. ПЬЮЗО
«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ»
Омарова П.М, Ахмедова З.Г. 12
- ИРОНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО
ЭФФЕКТА В ТЕКСТЕ: НЕРЕФЛЕКСИВНАЯ И РЕФЛЕКСИВНАЯ
ИРОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Т. АВЕРЧЕНКО
Кучерявых Ю.Н. 24
- ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ)
ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
Абазова М.М. 38
- ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ТАТАРСКОМ,
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
Галимуллина Р.И., Шаймарданова М.Р. 62
- АЛГОРИТМ ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОСРЕДСТВОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ
Ермейчук Н.А. 74
- ОБРАЗ СОБЫТИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)
Чепурная А.И. 86

МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Магомедгаджиева П.Н., Магомедова Л.А. 96

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМЕРИКАНСКОГО
УЧЕНОГО-АНТРОПОЛОГА: ФОНЕТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

**Мучкина Е.С., Битнер М.А., Немчинова Н.В.,
Цыкина А.О.** 109

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ
МИГРАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ)

Немчинова Н.В., Мучкина Е.С., Битнер М.А. 123

СЕМАНТИКА И ГРАНИЦЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОЛЯ
БЕЗЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Березина О.А. 143

ЭЛЛИПСИС КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ
ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В СОВРЕМЕННЫХ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ

Чайко Н.Н. 166

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ГИПЕРБОЛЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

**Пром Н.А., Высоцкая И.В., Глебова Е.А.,
Тихаева В.В.** 176

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ
ПРОИЗНЕСЁННОЙ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пучинина О.П. 190

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ-ТАБУИЗМОВ

Никитина И.Н., Александрова Г.Н., Белякова О.В. 202

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ УСЛОВНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНО-РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Витлинская Л.Г., Макарова Н.Ф., Михайлова Н.Д.	213
ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВНИ Черкесова З.В.	224
СТРУКТУРА СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ БУГ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Нестерова Е.В.	236
СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «ГУРГЭ» Саввинова С.Н.	247
МОДАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ Гильфанова Ф.Х., Гильфанов Р.Т.	255
КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ» Вердиева Э.М.	271
КОНЦЕПТ «КОНФЛИКТ» В КОРПУСНОМ ИЗМЕРЕНИИ ИДИОМ Юсупова С.М.	280
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	293

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

CONCEPT FAMILY IN M. PUZO'S THE GODFATHER Omarova P.M., Akhmedova Z.G.	12
IRONY AS A MEANS OF CREATING A COMICAL EFFECT IN THE TEXT: A NON-REFLEXIVE AND REFLEXIVE IRONIC EVALUATIVITY IN THE PROSE BY AVERCHENKO Kucheryavykh Yu.N.	24
BACKGROUND OF STUDYING THE VERNACULAR OF THE CIRCASSIAN (ADYGHE) DIASPORA ABROAD: RESULTS AND RESEARCH PERSPECTIVES Abazova M.M.	38
LINGVO-COGNITIVE STUDY OF THE PAROEMIOLOGICAL UNITS WITH A ZOONYM COMPONENT IN THE TATAR, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES Galimullina R.I., Shaimardanova M.R.	62
FORMATION ALGORITHM OF THE BIBLICAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE FIGURATIVE- EXPRESSIVE MEANS OF THE LANGUAGE Ermeychuk N.A.	74
EVENT IMAGE: INTERPRETATION OF REALITY IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE AMERICAN MEDIA) Chepurnaya A.I.	86
MEDIA-POLITICAL BORROWINGS IN THE SYSTEM OF CONTEMPORARY COMMUNICATION Magomedgadzhieva P.N., Magomedova L.A.	96

SPEECH PECULIARITIES OF AMERICAN ANTHROPOLOGISTS: FOCUS ON PHONETICS Muchkina E.S., Bitner M.A., Nemchinova N.V., Tsykina A.O.	109
LANGUAGE FEATURES OF CULTURAL-COMMUNICATIVE ADAPTATION OF MIGRANTS (ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE BLOGS) Nemchinova N.V., Muchkina E.S., Bitner M.A.	123
SEMANTICS AND BOUNDARIES OF IMPERSONALITY CATEGORIAL DOMAIN IN MODERN ENGLISH Berezina O.A.	143
ELLIPSIS AS ONE OF THE WAYS OF IMPLEMENTING EXPRESSIVE SYNTAX IN MODERN JOURNALISTIC INTERVIEWS Chaiko N.N.	166
PRAGMATIC EFFECT OF HYPERBOLE IN THE MEDIA DISCOURSE (AS BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES) Prom N.A., Vysotskaya I.V., Glebova E.A., Tikhayeva V.V.	176
STRUCTURAL-SEMANTIC TYPOLOGIZATION OF FREE INDIRECT SPEECH: THE CASE OF MARINA TSVETAeva'S PROSE Puchinina O.P.	190
VARIATION OF ENGLISH EHPHEMISMS-TABOOISMS Nikitina I.N., Alexandrova G. N., Belyakova O.V.	202
SEMANTIC TYPES OF CONDITIONAL AND RELATIVELY-DISTRIBUTIVE WORD CONSTRUCTIONS IN THE BIOMEDICAL LITERATURE Vitlinskaia L.G., Makarova N.F., Mikhailova N.D.	213

THE PROBLEM OF THE GENDER IN THE FRENCH LANGUAGE: LEXICAL AND GRAMMAR LEVELS Cherkesova Z.V.	224
STRUCTURE OF SYNTAGMATIC RELATIONS IN THE FORMATIVE FAMILIES WITH THE BUG TOP IN THE EVEN LANGUAGE Nesterova E.V.	236
STRUCTURE OF THE WORD-BUILDING NEST WITH THE TOP “GURGE” Savvinova S.N.	247
MODAL FEATURE OF FORMS OF THE INDICATIVE MOOD IN THE GERMAN AND TATAR LANGUAGES Gilfanova F.H., Gilfanov R.T.	255
COGNITIVE LINGUISTIC AND LINGUA-CULTURAL EXPLANATIONS OF THE NOTION OF “CONCEPT” Verdiyeva E.M.	271
CONCEPT ‘CONFLICT’ IN A CORPUS MEASUREMENT OF IDIOMS Yusupova S.M.	280
RULES FOR AUTHORS	293

Подписано в печать 29.06.2018. Дата выхода в свет 29.06.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,66. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP104/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.